

Елена Антонова

**Вампиры
замка
«Черная
роза»**

*Книга 1.
Настоящий
вампир в замке
«Черная роза»*

Елена Антонова

**Вампиры замка «Черная
роза». Книга 1. Настоящий
вампир в замке «Черная роза»**

«Издательские решения»

Антонова Е.

Вампиры замка «Черная роза». Книга 1. Настоящий вампир в замке «Черная роза» / Е. Антонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501440-5

Темные мрачные времена опустились на Европу: чума и страх завладевают целыми городами, а вампиры на Балканах выходят из подполья, но даже в это нелегкое время суеверия и предрассудков есть место для юмора и любви.

ISBN 978-5-00-501440-5

© Антонова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1. Знакомство. Тадэуш	7
Глава 2. Страсти накаляются, а нервы не железные	53
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вампиры замка «Черная роза»

Книга 1. Настоящий вампир в замке «Черная роза»

Елена Антонова

© Елена Антонова, 2019

ISBN 978-5-0050-1440-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-1441-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Антонова

Цикл книг

Вампиры замка «Черная роза»

Настоящий вампир в замке «Черная роза»

Часть 1

Фэнтези, готический роман, юмор, приключение, драма.

Пролог

По всей Европе господствует чума. Ее черное зловонное дыхание переползает из города в город, опустошает каждый дом, каждый закоулок, не щадя ни бедных, ни богатых. Там, где недавно еще люди наполняли улицы на городских рынках и площадях, теперь заполнили крысы. Они поедают давно сгнившие овощи и лазают по мертвым телам, которые еще не успели сжечь. На площадях, множество погребальных костров, которые не затухают ни днем, ни ночью, так как новые тела, словно поленья, постоянно поддерживают огонь. А ведь еще год назад здесь росли цветы, наполняющие все пространство своим сладковатым благоуханием. Теперь, черный дым заполняет своим едким запахом все дома и улицы, замки и сточные канавы. От этого тошнотворного черного тумана, накрывшего Европу ни где не найти убежище. Точно черные лучи тянется дым к самым небесам, заслоняя собой солнце. Люди, которые еще не успели заразиться этой проклятой болезнью, в спешке покидают свои дома, бросая все свое нажитое имущество.

Злой рок теперь правит балом или это наказание Господа за наши грехи, гордыню, тщеславие. Как бы то ни было, но я еще не опустил руки, хотя, боюсь признать, что уже близок к этому. Во мне еще теплится надежда...

Отрывок из письма Марчелу Дабижа.

«Я слышал, что чума обошла стороной другие континенты, но, к сожалению, как ты знаешь, у меня не достаточно средств, что бы переплыть океан, и единственная моя надежда на деревеньку – Дземброня, на окраине Трансильвании, от куда я родом. Я еду в неизвестность и мне страшно, так как не знаю, что меня ждет. Может быть, там встречу смерть, а может и спасение, но только ты, мой друг, мне даешь силы бороться, и я буду продолжать свой путь дальше, пока я жив, ведь ты научил меня этому. Не хотелось бы прослыть в твоих глазах трусом, но у меня нет другого выхода. С тяжелым сердцем и глазами полными слез, сегодня на закате я покидаю мой дом, моих близких, которых с собой унесла черная смерть.

Но я еще жив, и надеюсь, что ты, мой преданный друг, мой единственный друг, тоже жив и вскоре ты отправишься вслед за мной. А пока, я вверяю свою жизнь в руки Господа Бога нашего, который уберег меня от рук черного проклятия и молюсь Ему, о спасении. Да спасет Господь наши грешные души!»

Твой верный друг Тадэуш Петраке.

Бухарест. Сентябрь 1348г.

Глава 1. Знакомство. Тадэуш

Маленькая деревня вблизи Трансильвании, раскинувшаяся у подножья самих Карпатских гор – Дземброня, представляла собой около сотни или чуть больше маленьких, каменных и деревянных домиков, окруженных, с одной стороны густым лесом, а с другой стороны, поблескивала речка, протянувшаяся вдоль горного массива. Она образовалась впоследствии таяния льдов с вершин заснеженных пиков, которые, казалось, доставали до самих облаков.

Горная местность, словно заботливая мать, своими руками укрывала эту маленькую деревеньку, от внешнего, порой жестокого мира. На холме, среди густых деревьев, одетых в цвета осени, возвышался древний Каменный замок. Он, точно часовой, стоял над деревушкой, наблюдая за размеренной жизнью людей, живущих под его непрерывным взглядом.

Места здесь были на – редкость красивые, а пейзаж приковывал к себе внимание своей мистической загадочностью, тишиной и умиротворенностью.

«К сожалению, не помню, по какой причине, нашей семье пришлось покинуть эти удивительные места. Что могло заставить человека оставить родной дом и лишиться себя этого райского уголка природы, ради захудалой жизни в грязном районе недоброжелательного города?

Мне было лет пять, когда в последний раз я видел родную деревеньку, но в силу своего малолетнего возраста, мне не запомнилось ничего, что связано с моей малой родиной: ни природа, ни люди, ни река, ни замок, от которого так и веяло холодом и мраком».

Я увидел деревню издали, и мое сердце сжималось от какого-то странного ощущения, толи предвкушения, толи страха, но я не мог понять, чем конкретно вызвано волнение, нарастающее внизу живота. Мне казалось, что вскоре мы будем на месте, но уставшим лошадям было очень тяжело подниматься на возвышенность. Из-за этого, экипаж продолжал восхождение семимильными шагами, и как бы мне не хотелось поскорей оказаться на месте, все же поторопить лошадей и время я не мог, поэтому пришлось сидеть на месте и посильнее сжать зубы от нетерпения.

Это путешествие было для меня самым долгим и изнуряющим за всю мою жизнь, учитывая, что, живя в Бухаресте, я никогда не покидал его. Но непредвиденные события вносят свои коррективы в жизнь, и мне пришлось покорно следовать воле своей судьбы.

Больше недели я провел в этой проклятой повозке, увозившей меня подальше от неприятных мыслей и страха перед черной смертью, которая распространялась по Европе со скоростью мыслей. Но чем дальше я отдалялся от родных мест, тем глубже тревога закрадывалась в сердце. Мои мысли все время возвращались к Марчелу – единственному, преданному другу, о судьбе которого я не знал ничего. Жив ли, или же чума поглотила его, так же как и всех остальных, не успевших вовремя покинуть город. Я даже не знаю, получил ли он мое последнее письмо перед отъездом.

«О, Марчел, мой лучший друг. Я молюсь Господу, чтобы он уберег твое тело и душу от любого зла и болезней, защитил и увел подальше от эпидемии в безопасное место. Как я этого желаю всем своим сердцем».

Я с тоской вспоминаю, наше с ним знакомство в медицинской школе, на лекции у лекаря Дорина Янку. Когда мы, впервые увидели друг друга, могу заметить, что сразу же не возлюбил его, так как он показался мне напыщенным снобом. Единственный, кто из курса был из высшего сословия, а все другие ученики, включая меня, не отличались завидным богатством родителей. Но когда Марчел заговорил со мной о людях, которых бы хотел лечить, я увидел в нем не заносчивого выскочку, а бескорыстного, готового жертвовать собой благодетеля. Он говорил о спасении жизней с великим энтузиазмом, а его глаза наполнялись ярким огнем. Я был готов следовать за ним куда угодно, так как друг разжигал во мне страсть к новым знаниям.

Но, не смотря на его добрый характер, он тоже был не без греха. Как легко Марчел направлял меня к учебе, так же легко и ввергал в свои мальчишеские шалости, за которые мы не раз получали наказание розгами или оплеухами. Но все же, не смотря на это, я благодарен судьбе за то, что свела меня с ним, так как он мою жизнь разукрасил красками, а пустоту в сердце, после смерти отца, заполнил светом».

Не вольно, грустно улыбнувшись своим воспоминаниям, я посмотрел в окно повозки.

День катился к своему завершению. На листву деревьев и кустов опускались ярко оранжевые лучи заходящего солнца. Не описуемая красота горных хребтов, наполненных свежим запахом хвойных деревьев, и осенних цветов притягивала и завораживала. Холодный, густой туман, что поднимался с земли, обволакивал и поглощал очертания деревьев у края дороги. Повозка, то и дело, спотыкалась и кренилась в разные стороны из-за раскисшей земли, изрытой колесами, проезжавшими задолго до нас повозок. А сейчас, клубящееся полотно, наполненное влагой, и мелкая морось, сделало дорогу еще более трудно проходимой и непроглядной. Я понимал, что таким темпом мы далеко не продвинемся и еще неизвестно, сколько времени понадобится, чтобы добраться до ближайшего домика. К тому же мое не размятое тело отзывалось болью в спине, ягодицах и суставах, а желудок уже пару часов непрерывно урчал от голода. Пока я был во власти мыслей, даже не заметил, как быстро опустилась темнота на окраину, и тело отзывалось мелкой дрожью на ее присутствие.

– Тпру. – Послышался голос возничего. – Эй, ну как ты там паренек, еще жив?

Мне пришлось высунуть свое лицо из повозки.

– В чем дело? – Отозвался я, нервно растирая оочеченевшие ладони, прислонил их к рту, чтобы хоть немного согреть горячим воздухом.

– Такой туман не даст нам двинуться с места. Но я заметил, там, в стороне слабые огни. Мы, кажется, приехали. – Ответил старик хриплым голосом и указал пальцем куда-то в сторону.

Я попытался всмотреться в то направление, которое указал возничий, и должен признаться, что пришлось очень напрячь свое зрение, чтобы разглядеть что-нибудь в зловещей темноте, но вскоре мне удалось увидеть слабые огоньки.

– Да, пожалуй, нам стоит остановиться на ночлег, тем более лошадям, тоже нужно отдохнуть. – Размышлял я вслух, а затем, забрался внутрь и облегченно вздохнул этой новости. По крайней мере, нам не придется ночевать у дороги, вздрагивая каждый раз от волчьего воя.

Вскоре мы свернули в сторону манящих огоньков и уже через полчаса подъехали к ближайшему домику. Нас встретил коренастый мужчина, он помог распрячь лошадей и устроил на ночлег в своем доме, предварительно накормив самой вкусной за последние дни похлебкой, а так же мясом, овощами и угостил пшеничной брагой, от глотка которой я сразу же согрелся. Мы с гостеприимным хозяином Флорином Ливиану и его женой Сандой засиделись далеко за полночь. Хотя я и был смертельно уставший, но веселый нрав главы семьи Ливиану, который то и дело, рассказывал невероятно смешные истории, согнал дрему с глаз. Так же из его рассказов, я понял, что он фермер, а его жена ткачиха. У них четверо взрослых сыновей: старший пошел по стопам отца и разводит скот, второй – занимается земледелием, а вот младшие – близнецы, проявили себя хорошими скобельщиками.

– Благо, что леса у нас бескрайние, да и живности с излишком, особенно, сейчас волков развелось очень много, нам фермерам в такие времена очень туго, так как эти твари могут за какой-нибудь час все стадо перерезать. – Рассказывал хозяин, лицо которого с каждым словом становилось более напряженным, затем он поднял палец к своим губам и произнес. – Ш-ш-ш, слышите, как они завывают.

И действительно, от нежданности, я даже вздрогнул, когда услышал протяжный волчий вой. От этих жутких звуков на руках поднялись волосы, а по спине, пробежал мороз.

И снова этот настораживающий вой, но уже где-то поблизости. Женщина, тоже заметно напряглась.

– Флорин, гостям давно пора спать. Ты посмотри только на них, они же явно измотаны. – С упреком пролепетала Санда. Ее добродушное лицо, которое она попыталась сделать строгим, что у нее не вышло, слегка накрыла паутинка из мелких морщинок.

Я обратил на ее черты лица внимание и был вынужден заметить, что они были схожи с лицом моей покойной матери. Не все конечно, но что-то во взгляде мне показалось, таким родным и знакомым, наверное, то, как она с любовью и нежностью смотрит на своего мужа. Точно так же на меня смотрела моя матушка. Только женщины могут так окружать заботой и лаской своих любимых, прощать и верить до конца.

– Не влазь в мужской разговор, женщина. А коль тебе не терпится, так иди и спи. К нам и так не часто заезжают люди, могу я хоть раз узнать, что в мире происходит? – Осадил Флорин свою супругу, и она с гордо закинутой головой села за ткацкий станок и принялась за дело, не взирая, на свою усталость.

Мне почему-то подумалось, что ей тоже было очень любопытно узнать о том, откуда мы родом и что происходит в мире за стенами этой деревушки. И что бы, не теряя времени за пустой болтовней, она решила с пользой провести его.

Я удовлетворил любопытство хозяев, рассказал о том, что чума накрыла собой Европу и какая сейчас обстановка в Бухаресте и многое другое, что знал. Так же и о себе, что являлся учеником, медицинской школы и хотел бы найти какого –нибудь лекаря, что бы и дальше продолжать свое обучение.

– Да в наших местах есть один врачеватель. – Задумчиво произнес Флорин. – Да только уж не знаю, возьмет ли он тебя в ученики. Ведь ты не похож на кувшинчик с бражкой. – Засмеялся мужчина и утер усы. – Выпивка у него на первом месте.

– А где я могу отыскать его?

– Он живет, в лесном домике у самого края деревни. – Ответил мне, и махнул рукой в неопределенную сторону. – Там, сразу за речкой, у леса. И как он не боится?

Пока мы вели беседу, я окидывал взглядом этот небольшой, но уютный домик. Вся мебель: была из дерева, по виду сделана очень добротно: в самом дальнем углу, за занавешенной тканью располагалась хозяйская, крепкая кровать. Сверху на ней лежали шкуры волков, в место покрывала. В другом углу была печь, сложенная из камня, от огня которой, распространялось тепло по всему домику. Рядом с ней стоял ткацкий станок с незаконченным на половину узором, за которым сейчас трудилась женщина, внимательно прислушиваясь к нашему разговору, и лишь искоса поглядывала на нас. Посреди дома находился обеденный стол, за которым сейчас мы и сидели. А по остальным углам стояли две двухъярусные кровати сыновей гостеприимных хозяев. Мне вспомнилось, что в деревнях люди обычно живут бедно, но по этой обстановке нельзя было сказать, что это так. Здесь было все довольно таки хорошо обставлено, а стол ломился от овощей и мяса. Мне показалась это немного странным, ведь по всей Европе разгуливали голод, мор и разруха. Еще, странным было в этом доме то, что на входе и по всем углам здесь висели связки из чеснока и деревянные распятия разных размеров. Любопытство взяло надо мной верх, и я не смог не спросить об этом.

– Простите, а почему у вас везде чеснок и распятие?

Флорин и Санда нервно переглянулись.

– Для защиты. – Ответил фермер.

– Но от кого, может защитить чеснок и распятие? Тут, скорее всего, может помочь, меч, копье или лук со стрелами, – ухмыльнулся возникший и снова приложился к кружке.

– От нечистой силы. Мы – деревенские, очень суеверный народ, – пояснил Флорин и сделал небольшой глоток, а затем продолжил рассказ. – Из поколения в поколения у нас передаются легенды. Я слышал их, когда еще был ребенком. Мой дед рассказывал, о людях, превра-

щающихся в огромных волков, которые могли вырывать вековые деревья с корнем. О леших, любивших пугать местных девок. О кикиморах, ворующих младенцев из колыбелек. Русалках, которые заманивали молодых мужчин в воду и топили, а так же, о живых мертвецах, живущих в замке «Бран», («Черная роза») с очень бледной и холодной кожей.

Считалось, что эти места кишили нечестью и наши предки не выходили из дома без оберегов и всюду, где было место, развешивали их. В нашей деревне, вы не найдете ни одного дома, где бы не было распятий или всяких – таких штук.

– По-моему, это все чушь и рассказы. – Проямлил закосевший от браги старик.

– Каждый верит в то, во что хочет. – Пожал плечами хозяин дома и зевнул. – Да, пожалуй, всем нам надо отдохнуть.

Флорин подмигнул мне и взглядом указал на старого возничего, который уже дремал за столом. Его маленький нос был похож на красную сливу, по-видимому, он просто перебрал с выпивкой и теперь, покачиваясь и похрапывая, сунулся в сторону, готовый рухнуть под стол. Мы вовремя его подхватили под руки и повалили на ближайшую кровать прямо в одежде, и сами отправились по своим спальным местам.

К счастью я смог быстро уснуть, не взирая, на волчий вой за окном и выкрики выпи в лесу, так как недельная усталость давала о себе знать. Глубокий сон прогнал все тревожные мысли о мистических рассказах Флорина, погружая меня в сладостную негу.

Маришка.

Этим утром я проснулась, как всегда в приподнятом настроении. Напялила на себя излюбленную белоснежную сорочку, коричневую длинную юбку, расшитую цветными узорами на поясе и по краям. Умылась, заплела две тугие косы, схватила со стола краюху хлеба, запихнула ее себе в рот, запила ее кринкой молока, обулась и выскочила из дома. Все мои родные уже давным-давно управлялись по хозяйству, поэтому я проснулась в одиночестве под пение петухов и гогот гусей. Втянув в себя осенний свежий воздух, я потянулась. Схватила рядом стоявшие ведра, повесила их на коромысло и отправилась к горному ручью, чтобы набрать чистой воды – это как раз таки и входило в мои ежедневные обязанности, и именно этим я занималась по утрам.

В нашей семье обязанности распределялись для каждого ее члена: дед был пастухом, бабуля трудилась в огороде, мамочка хлопотала по дому, старший брат охотился, а я им всем помогала. Но, к сожалению, мои домашние не принимали от меня помощи, так как из всей семьи я была той самой паршивой овцой, которая все время все портила. Помогая деду пасти скот, я половину перепугала танцами под свои веселые напевы (потому что пасти скот довольно скучное занятие и таким образом, решила себя развеселить), так, что они разбежались кто куда, дед потом еще два часа бегал за ними, пока всех не согнал в кучу. Бабуле я тоже много горя наделала, когда споткнулась и завалилась на грядку с баклажанами, и пока выбиралась из нее, перетоптала их окончательно. Моя бедная мамочка тоже была не в восторге от помощи с моей стороны, потому что я рассыпала муку в сарае и случайно разбила кувшин полный сметаны, а в погребе, вдобавок ко всему, завалила стеллажи с продуктовыми припасами.

Да, в тот день крики стояли на всю деревню, но к счастью мой брат заступился за меня и сказал, что все же у меня есть один талант – хорошо петь, а потом придумал мне прозвище – ходячая катастрофа. Такие происшествия случались со мной постоянно. Но как бы мои родные не сердились, я знала, что они сильно меня любят, так как я в семье была самая младшая, и очень была похожа на отца.

Он умер, когда мне было года три, к сожалению, я не помню его лица и каким он был человеком. Но все рассказывали, что он был очень добр, честен и справедлив. Его звали Марик, а меня называли в его честь, так как мама говорила, что, когда я родилась, то была его маленькой копией: такие же зеленые глаза, прямой нос, пухленькие губки и маленькие уши, а вот волосы мне передались от бабушки – славянки, такого же пшеничного цвета. В общем, я была

любимицей всей семьи, так как помимо разрушительного свойства и умения влипать во всякие неприятные истории, я была еще и злостной хохотушкой. Дедушка часто повторял одну и ту же фразу – «дурному, не скучно и самому». Став постарше я поняла, к чему он клонит. Но я на свою семью даже не обижаюсь, потому что тоже их очень люблю.

Шагая по извилистой, узенькой дорожке вверх и постоянно спотыкаясь о каменную насыпь, я развлекала себя песнями и ими же распугивала сидевших на ветках птиц. Морозный ветерок румянил щеки, но выглянувшее солнышко приятно грело спину. Стоящие вблизи от горной тропы высокие деревья, кое-где одетые в золотые и багровые наряды, будоражили мое воображение, и я представляла, что попала в сказочный мир великанов, где мне придется проскакать между их ног, то есть стволами.

Уже подходя к горному ручейку, распевая песни, я еще издали увидела деревенского мальчишку в каракулевом жакете и такой же шапкой, надетой набекрень. По характерным признакам в этом парне я узнала Аурела Бырцою, ведь только этот модник носил так шапку. Он дружил с моим старшим братом и был с ним одного возраста, да к тому же часто захакивал к нам и не давал мне проходу. Развернуться и уйти, после столь долгого восхождения я не могла, поэтому пришлось закусить губу и добродушно улыбнуться.

– Доброе утро, Маришка. – Поприветствовал он, окидывая меня глазами и улыбаясь во все тридцать два зуба.

– И тебе, доброе, Аурел. – Сухо ответила я.

– Как там твой братец, чем занимается?

– На охоту отправился, как и всегда.

Да, мой брат просто бредил охотой, даже странно было, ведь все парни в деревне его возраста давно за девушками ухаживали, а он ни одной не замечал, только за зверей все разговоры и были. Какие силки ставить, как подманывать зверя или выслеживать, в какой части леса зверь любит селиться. Это все, чем была забита его голова. Я даже иногда шутила, что он, когданибудь из леса волчицу притянет и скажет, что это его невеста и теперь она будет жить с нами. Да, это все конечно шуточки, а вот деревенским девушкам не до шуточек. Так как деревня Дземброня была маленькая и молодежи в ней не много, да и хороших парней лет так от двадцати до двадцати трех проворные девчата уже расхватили, а моему братцу уже двадцать три давно уже стукнуло, да, ну и этому обалдую Аурелу.

За моим братом девки толпами ходят, сами на свидания зовут. Он у меня очень красивый: и высокий и плечистый, даже бороду отпустил, а бедным потенциальным невестам только вздыхать и приходится, так как он всем отказывает, советует им дурь из башки выгнать, о работе думать, а не о замужестве. Дед с бабушкой сетуют и очень ругают, что он бедных девок до слез доводит. Да только ему все разговоры до одного места, как с гуся вода. А мне брат все же признался, когда наедине были, что сердце его принадлежит лесной фее, которая прекрасней всех на свете, равных ей по красоте нет и не найдется, кроме что, только я, смогу с ней потягаться, и щелкнул меня по носу и спать отправил. С каждым днем вся семья замечала перемены в нем. Не свет не заря он в лес уходил, часто допоздна задерживаться стал нервный, мало ел. Дедушка сетовал, что лес его неспроста так манит, силы его выпивает, распятыя ему в мешок вложил, бабушка ему сорочки с оберегами нашила, а мама каждый вечер, когда Штефан задерживался, молилась, но удержать его дома ни кому из нас было не под силу.

– Что он там так часто пропадает? Волков не боится? – Спросил он с насмешкой, и отставил свои ведра, наполненные до краев чистой водой. А затем махнул мне рукой, давая понять, что поможет и мне.

На его вопрос я лишь пожала плечами и протянула ведра.

– Ты придешь на празднования урожая? Говорят, ярмарка будет что надо, аж до самого вечера, а потом, после заката, гулянья будут, с музыкой, танцами и хороводами.

– Не знаю, меня мои родные не отпускают после заката никуда. – Задумчиво произнесла я.

На мой ответ, Аурел глубоко вздохнул и соорудил понимающее выражение на лице.

Вообще-то, это была чистая правда, и меня не выпускали из дома с наступлением сумерек. Днем тоже не охотно, но я не могла усидеть на одном месте и минуты, поэтому мама, после долгих умоляющих рожниц и ползаний на коленях перед ней, все же сжаливалась надо мной – «бедняжкой» и отпускала, но при этом обвешивала меня крестами и оберегами как праздничное дерево желаний. Я понимала, что это было связано с той роковой ночью, которую я не помнила, потому что была еще несмышленным ребенком. Это была наша семейная тайна, которую от меня держали в строжайшем секрете. Но бабуля, единственный добрый и болтливый человек, все же кое – что рассказывала.

Рассуждая, я не заметила, как Аурел приблизился ко мне. Он смотрел на меня, как кошка смотрит на мышь. Его взгляд остановился на ложбинке между моих груди.

– Марика, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. – Начал он.

– И что с того?

– Я не могу не о чем думать, ... кроме тебя.

– Уверенна, что ты это говоришь каждой девушке. – Прервала я, его «исповедь».

– Зачем ты так со мной? Я ведь, не сделал тебе ничего плохого. – Грустно проговорил Аурел.

– Мне нет, не сделал, но другие, которые попались к тебе в сети, настрадались тысячекратно. – Упрекала я, скрестив руки на груди.

– Я изменился, благодаря тебе.

– Да? И каким образом? – Наигранно усмехнулась я, забирая с рук парня свое ведро.

– Я понял, что люблю только тебя. Выходи за меня, Маришка. Ты не пожалеешь, я сделаю для тебя, все что ты только захочешь. Будь моей. – С хитринкой в глазах просил он, а его руки обвили мою талию.

Было не трудно догадаться, что Аурел всего лишь играет со мной, а его слова – самая настоящая ложь, ведь по рассказам подружек, этот гад говорил так каждой, а после «сближения» с девушкой прикидывался склеротиком и быстро забывал о своих романтических обещаниях жениться.

– Нет, Аурел. Иди ты со своими предложениями в лес, нечисть окучивай, а ко мне не приближайся. – Попыталась я вырваться из кольца его рук и нечаянно опустила наполненное ведро, которое тянуло к земле своей тяжестью, ему на ногу.

Юноша ойкнул и недовольно встряхнул ногой, так как вода немного пролилась на штанину и затекла в сапог.

Я посмотрела на него невинным взглядом, мол, извиняйте, ненарочно вышло, и для пущей видимости захлопала удивленными глазами.

Аурела мое раскаяние не впечатлило, а наоборот только рассердило, но от своих поползновений он так и не отказался.

– Не хочешь за меня идти, тогда давай сразу перейдем к делу? Тебе понравится, я хороший любовник. – Обхватил он меня руками и притянул силой к себе

– Дурак ты, а не любовник. К тому же я наслышана о твоих достоинствах. И знаешь? Не очень – то тебя хвалят. Так что отпусти меня по-хорошему. – Разозлилась я, пытаюсь вырваться из стальной хватки.

– А то, что ты сделаешь? – Ехидно спросил он и повалил меня на землю.

Тадэуш.

Ранним утром, я поблагодарил за гостеприимство хозяев, уточнил местоположения местного врача и отправился в указанную мне сторону.

По дороге подсчитал свои последние монеты, и с грустью осознал, что эта недельная поездка лишила почти всех сбереженных средств, это еще надо сказать спасибо семейству Ливиану Дорину и Санде. Они приютили меня и возничего у себя в доме и не взяли за свою доброту предложенных денег, а ко всему, еще и дали в дорогу кое каких продуктов.

Еще раз, про себя отметив доброту и гостеприимство местных крестьян, я обратил внимание на волшебство пейзажей, которые открылись передо мной, ведь туманной ночью было трудно это отметить. Такой красоты нигде не встретить, по крайней мере, там, где я жил. В Бухаресте, конечно, были деревья, но жили мы с семьей в бедном и очень грязном районе, где в двухэтажных бараках жило по четыре семьи, и домов было столько, сколько камней на земле, и все они тесно прижимались друг к другу. На узких улицах города людей, всегда было с излишком, и они копошились, как муравьи, и всегда были чем-то заняты. А про запахи вообще не хочется думать, так как, казалось, что сточные канавы всего города, стекались именно к нашему бедняцкому кварталу. Мне невольно вспомнился мой дом и моя семья, друзья, и снова тяжесть потерь легла на мои плечи.

Отец мой был сапожником и работал с самого утра допоздна. Бывало даже так, что просыпаясь среди ночи, по своим физиологическим нуждам, я наблюдал, как он, при тусклом свете лучины, шил обувь из воловьей кожи. Моя бедная матушка прислуживала в доме у местного купца. Ей платили по шесть медяков в месяц за ее трудолюбие, честность и прилежность, но, по моему, мнению, это была, все же скудная зарплата за столь непосильный труд. Но, моя мать никогда не жаловалась, а все так же, изо дня в день трудилась, не щадя себя, все для того, что бы дать мне и моему младшему брату достойное будущее. – «Я хочу, что бы вы были образованными людьми, в мире и так достаточно невежества. Вон посмотрите хотя бы на своих сверстников. Они все не грамотные. И что, скажите мне, из них получится?». – Говаривала она. Да нас, поэтому соседские мальчишки и не любили, и в большинстве случаев пытались обозвать, или кинуть камень, если замечали наше присутствие во дворе. Мама мечтала, что бы я отучился на лекаря, и смог бы вылечить отца, в последнее время который сильно болел, а приходившие врачеватели, лишь разводили руками и давали травы, которые никак не влияли на течение болезни. Я и мой брат тоже, всячески старались помогать родителям: Бажен поступил на службу к этому же купцу, у которого работала наша мать. Он ухаживал за лошадьми и убирал навоз. Я же взялся за дело отца, и в свободное от обучения время, помогал шить и чинить обувь.

Как и всегда, после скорого отъезда из столицы, я задавал себе один и тот же вопрос. «Что бы было с нашей семьей, если бы эпидемии не было, или хотя бы она обошла наш город стороной?»

Но, к сожалению, нашим мечтам не суждено было сбыться и все планы рухнули в тот же миг, когда и в нашу семью проникла черная хворь. Первой ее жертвой стал отец, так как его, и без того слабый организм не смог справиться с новым ударом. После его смерти я закрылся в себе, и только лишь мой лучший друг Марчел Дабижа, стал тем оплотом, тем крепким плечом, о которое я смог опереться. Он показал мне, что я не одинок в своей горе, и что моя семья нуждается во мне больше, чем когда либо. Спустя, какое-то время захворал брат от этого же проклятого недуга, и вскоре умер. Последней, была мама. Она протянула больше остальных, из последних сил цепляясь за жизнь, ради меня. Вся моя семья, мои родные, близкие, все те, кого я так хорошо знал, все они покидали этот мир один за другим. А я почему-то нет. Душа моя металась, я испытывал жуткие угрызения совести, от того, что я имел кое какие знания о медицине, но все же не мог помочь не одному из людей. Я даже был среди тех, которые очищали улицы от трупов, сбрасывая их в огонь. Так же, контактировал с заболевшими, в медицинской школе, куда сносили их, когда мест в лазаретах больше не осталось. Я смирился и покорно ждал, что вскоре и меня постигнет та же участь, но ничего не происходило. Сотню раз спрашивал себя «почему же Господь не призывает меня к себе?», но так и не находил

ответа, пока мой наставник, мой мудрый учитель Дорин Янку не показал что к чему: «не сокрушайся потерями, сынок, Господь защитил тебя и уберег от страшной напасти, не просто так. Значит, у него на тебя есть планы, поэтому уезжай, Тадэуш, как можно скорей. Покинь, прошу, этот проклятый город. Ты был хорошим и прилежным учеником, и ты обязан продолжить наше дело. Кто знает, может именно ты, создашь лекарство от чумы».

К сожалению, я ничего не знаю о нынешней судьбе моего наставника, но догадываюсь, что и его душа покинула землю, так как перед отъездом я заметил на его ступнях небольшие черные папулы.

Проходя свой путь по протоптанной местным населением извилистой дорожке, проходящей между исполинскими деревьями, и рассуждая о бытии, я заметил на возвышенности у каменистых выступов, небольшой ручеек, стекающий с вершины Карпатских гор. Возле горного ручья стояла девушка, а рядом молодой мужчина, который стал ее хватать и повалил на землю. Девушка выкрикивала угрозы и пыталась сопротивляться, но к несчастью силы были не равны. Не помня себя, я поспешил на помощь бедняжке, сбросив со спины тяжелую поклажу, стремительно направился к жертве. От нахлынувшего адреналина, мне удалось сбросить с нее обидчика, схватив за ворот рубашки, а затем, ударил его в лицо, не глядя. Угодил прямо в левый глаз. Неудавшийся герой-любовник не смог устоять на ногах и кубарем покатился вниз по некрутому склону. Затем я протянул руку и помог подняться с земли «жертве нападения». Пока она отряхивала свою одежду, я любопытно рассматривал ее. Она была очень юной, а лицо ее воистину ангельское: большие, удивительно изумрудные глаза, обрамленные черными ресницами. Маленький, прямой носик, усыпанный забавными веснушками. Пухленькие губки, цвета спелой малины. Две толстые, длинные косы медового цвета. Необычайно красивая девушка, словно сошедшая со страницы сказок о принцессах и лесных девах. Роста была не большого, но фигура ее приковывала внимание. Я ненароком подумал, что теперь понимаю того юношу, который пытался овладеть этой красавицей, но все же не одобрял таких действий.

– С вами все в порядке, домнишуоара (принятое обращение к девушкам в Болгарии)?

– Да, спасибо вам огромное. Вы как раз появились очень вовремя. Я сама бы не справилась с этим недоумком.

Услышав в свой адрес оскорбления, «недоумок» попытался запугать нас угрозами. Он, наверное, даже и не понял, что же произошло, так как все случилось очень быстро. Я и сам еще прибывал в горячке от несостоявшегося боя.

– Ах ты, урод, я убью тебя. Я с тобой еще поквитаюсь. А ты, дрянь, все равно будешь моей. Слышишь? – Грозился пальцем оскорбленный и униженный молодой человек.

– Перестань, Аурел, уходи, иначе, я расскажу о том, что произошло Штефану. Хоть ты и его друг, он не простит за это, и уж точно вышибет из тебя всю дурь. И не доставай меня больше, и даже не подходи. – Гневно провопила девушка.

– Ничего, ничего. Мы еще посмотрим. Скоро ты умолять меня будешь. – Ответил тот и, прикрывая глаз, направился в сторону деревни.

– Спасибо вам, еще раз. Вы мой спаситель.– Склонила девушка свою хорошенькую головку.

Я смутился под взором ее необычных глаз, и кажется, залился краской, почувствовал, как кровь прилила к лицу.

– Теперь у вас из-за меня будут проблемы. – С жалостью вздохнула она.

– Это почему же?

– Дед Аурела Бырцоя. Ну, этого, – кивнула она в сторону убегающего, – старейшина нашей деревни. Его все боятся и слушаются, и скорей всего, этот идиот пожалуется.

– Поверьте, милая домнишуоара, дед этого подонка меньшее из моих проблем. – Улыбнулся я.

– Давно вы сюда приехали?

– Вчера ночью. А откуда вы знаете, что я приезжий?

– В нашей маленькой деревни каждый знает друг друга в лицо, а вас я вижу впервые.

– Да, вы совершенно правы. Я из Бухареста.

– Я Марика Копош. А вас как зовут?

– Тадэуш. Тадэуш Петраке.

– Очень приятно познакомиться, – очаровательно улыбнулась Марика. – А как ты оказался здесь, у ручья? Ты, наверное, куда-то шел?

– Да, я направляюсь к дому лекаря Петру Микулэ. Мне сказали, что он живет, где-то здесь.

– Да, совсем близко, он живет на той окраине деревни, у самого леса, там за мостом. А тебе, зачем к нему. – С подозрительным взглядом, спросила Марика. – Заболел?

– Нет, нет. – Невольно усмехнулся я, любознательности новой знакомой. – У себя на родине в Бухаресте, я обучался лекарскому делу и хотел бы продолжить, попроситься в ученики к вашему врачу.

– Хочешь, я провожу тебя? Как раз и сама навещу деда Микулэ- Да, это, было бы не плохо.

– Тогда пойдем? – Задорно спросила Марика, затем задумчиво посмотрела на полные ведра и сказала, махнув рукой. – А, ладно, за водой потом, на обратном пути забегу.

И мы спустились вниз по склону, вышли на дорожку, подняли мою поклажу с земли и неспешным шагом направились к нужному дому. Я шел рядом с этой очаровательной девушкой и украдкой разглядывал ее, пытаясь не упустить ни единой мелочи. Успел заметить, что обладает она веселым и задорным характером и заливным, я бы даже сказал, заразительным смехом.

– Ты сказал, что твое фамильное имя Петраке? – Спросила Марика.

– Да, а что?

– Нет, ничего. Просто у нас в деревне тоже жили люди с такой фамилией, только они умерли давно.

– Мой отец из этих мест, да и я сам до пяти лет жил здесь, пока мы не переехали. Наверное, эти люди были моими родственниками. А что с ними случилось?

– Люди говорят разное: некоторые, что их тела были обескровлены – вампир высосал досуха, другие, что в лесу оборотень загрыз. – Почти шепотом сказала девушка.

– Прости, кто? Вампир и оборотень? – Усмехнулся я, сдерживая себя, чтоб не рассмеяться в голос, потому, как считал себя скептиком, хотя и хотел верить в Бога, но подобного рода рассказы привлекали меня не больше, чем сказки – детей.

– В нашей деревне много странностей происходит, и ты сможешь лично в этом убедиться, если собираешься надолго задержаться здесь. – Зловеще проговорила она, с затаенной обидой, так как заметила мою ухмылку на лице.

Мне тут же захотелось оправдаться перед новой знакомой, ведь я никоим образом не собирался обидеть ее, но вышло все совсем на оборот, чем я предполагал. Вместо оправданий, я почему-то упрекнул всех здешних крестьян, наверное, из-за того, что Фамилия, доставшаяся мне от предков, впутана в столь глупые байки.

– Лично я считаю, что это все бредни сумасшедших, и что в малых селениях все очень суеверные. Вот, например, если вы так боитесь вампиров и оборотней, почему же продолжаете жить здесь? – Вставил я весомый аргумент.

– Домнул Бырцой – старейшина деревни, рассказывал нам истории. В одной из них, он говорил. Что древние старейшины, заключили договор с нечестью, жившей в том замке. – Маришка указала пальцем на зловещее каменное построение, стоящее далеко на возвышенности в гуще леса, верхушка которого выглядывала из-за кронов вековых деревьев. – По этому договору деревня находится под защитой мистических сил, а жители в благодарность, раз

в десять лет, приносят в жертву юную девушку. Четыре года назад, очередную девицу в замок к вурдалакам на съедение отправили.

Я все так же, с недоверием относился к ее словам, и не воспринимал их всерьез, поэтому насмешливо улыбался, чем очень разозлил Марику. Конечно же, поверить в это было очень непросто, и я воспринимал услышанное, не боле, чем детскую шутку.

– Ты мне, что, не веришь? Я сама, собственными глазами видела, как ее в повозку посадили и в сторону замка повезли.

Мы сошли с тропинки, и подошли к ветхому домику, который еще лет так двадцать назад нуждался в починки, и который, трудно было назвать домом, так как выглядел он как старый, полусгнивший сарай. Возле этой избушки было много высоких сосен, а за ней и вовсе не проходима чаща. Кроны деревьев сплетались между собой над нашими головами, создавая густую тень, которая покрывала огромную площадь земли недалеко от дома, но кое-где пробивались лучи солнца, даря этому месту, ни с чем несравнимый завораживающий вид. Хотя время было где-то ближе к полудню, здесь же казалось, что уже смеркается.

Марика постучала в двери и позвала хозяина по имени, но вместо ответа из домика донесся жуткий храп. Тогда Марика открыла дверь и по-хозяйски вошла внутрь.

– Ну, чего застыл, как вкопанный? Заходи. – Скомандовала она.

Я, если честно, не очень торопился переступить порог, так как представлял, жизнь деревенских лекарей, совсем другой, чем было на самом деле.

Пересилив себя, я вошел в избу, и увидел спящего на кровати бородатого старичка. Везде, куда бы, не упал мой взгляд, был страшный беспорядок. То тут, то там с потолка свисали засушенные веники из травы, а по углам, чесночные вязанки, как и в доме домнула Флорина. А запах стоял такой, что рука самопроизвольно тянулась закрыть нос. Такая вонь возникла вследствие кучи старого грязного белья, горы не мытой посуды, плесени и перегара. Мне стало жутко, от того что придется жить в этой лачуге и я с трудом сдерживал себя, чтобы не сбежать от этого зловонного места сломя голову.

– Фу, – протянула девушка, сжимая нос своими тоненькими пальчиками, – дед Микулэ опять взялся за старое. Деревенские жители болтают, что он самый настоящий леший, раньше им был, а потом к людям подался.

– Да уж, он мало похож на обычного человека. – С отвращением заключил я.

Маришку развеселил мой ответ, и она звонко, точно колокольчик, засмеялась.

Старичок хрюкнул и пошевелился, завошкался, а затем открыл глаза. Я с удивлением заметил, что цвет их не совсем обычен, что-то среднее между землей и янтарем, да и выглядел он странно. Теперь я понял, за что люди прозвали старика лешим. Я лично никогда не видел и даже не верил в них, но почему-то подумал, что лешие и домовые должны выглядеть именно так: маленькие глаза прятались за густыми бровями, а нос был больше похож на сучек ветки, густая, серая борода доставала до груди. В ней виднелись крошки, листья и маленькие веточки. Странно, что в ней еще птицы гнездо не свили, думаю этому в деревни, никто бы не удивился.

– Маришка, деточка, это ты? – Весело протянул старичок, своим тонким с хрипотцой голоском.

– Да, дедушка Микулэ. Посмотрите, я привела вам ученика.

– Что ж, это очень хорошо. Как звать тебя парень? – Переключил лекарь свое внимание на меня.

– Тадэуш Петраке.

– А не доводился ли ты родственником семье Петраке из нашей деревни?

– Наверное. – Выдохнул я. – Мой отец отсюда родом.

– Да, ты что? – Как то с серьезным удивлением спросил дед, а затем задумчиво произнес. – Какая трагедия, вот как бывает в жизни...

Мне стало очень любопытно, что же такого произошло здесь, в этих местах с моими родственниками, которых я даже никогда не видел. Отец старался не упоминать о своих родителях и малой родине, и обходил стороной любой разговор, касающийся места его рождения.

– Ну, пока располагайся, ученик, а я пойду, принесу нам на ужин чего –нибудь съестного. – Сказал странный старик и зашаркал ногами в сторону покосившейся двери, и вскоре скрылся за ней.

– Он странный, но очень добрый, ты вскоре привыкнешь к нему, – объяснила красавица, а затем, оглядываясь кругом, задумчиво произнесла. – В доме, конечно же, лучше убраться. Ты сможешь мне?

Я кивнул головой в знак согласия, хотя, получив огромное потрясения от жил. площади, мне хотелось удивиться, но такой замечательной девушке никогда бы не мог отказать, даже если бы захотел.

Мы принялись за уборку помещения, работа продвигалась весело и быстро, хорошо, что и домик был маленький, а то за день бы точно не управились. Маришка вытерла везде пыль, перемыла посуду, вымыла полы, перестирала белье. Я наколот дрова, натаскал воды, починил прохудившуюся крышу, дверь и окна. В общем, наработались мы на славу. После глобальной уборки уставшие, созерцали свои труды, и могу заметить, что дом преобразился: посветлел, засиял чистотой и свежестью, даже та злорадная вонь, сменилась запахом горных цветов, которые неподалеку нарвала Маришка. Я был очень ей благодарен за ее энтузиазм и поддержку в этом нелегком труде, сам бы не справился, признаюсь честно.

Вскоре на пороге появился и хозяин дома. В его руках были два мертвых кролика, которых он держал за уши. Оглядел свою, заметно изменившуюся после глобальной уборки избушку, он одобрительно покачал головой.

– Ой, какие вы молодцы. Так намного лучше. Ну, что ребятня, небось, проголодались? Ну, тогда позвольте мне вас отблагодарить за помощь. – Сказал радушно старичок.

За ужином мы разговорились. Маришка весело щебетала и смеялась, пересказывая Деду Микулэ последние новости, а потом старичок расспрашивал о моей жизни, о семье, о занятиях в лекарской школе. Маришка забавно дожевывала кусок мяса и пытливо прислушивалась к нашему разговору, держа в одной руке кроличью ножку и время от времени откусывая от нее очередной шматок. Дед Микулэ, больше прикладывался к выпивке, закусывая хлебной лепешкой, сверху которой положил ломтики свиного сала, и мычал от удовольствия.

– Кажется, мне уже домой пора? – Грустно улыбнулась Маришка, покончив с ножкой.

Она вытерла руки и лицо и вышла из-за стола, а я с грустью подумал, что не хочу отпускать ее, ведь с ней было так весело и спокойно.

Распрощавшись с этой замечательной девчонкой и, тысяча раз, поблагодарив ее за огромную помощь, мы с добрым хозяином, продолжили душевные беседы.

Аурел.

Зайдя в светлицу, я обнаружил, что родных, к моему счастью, не было в доме. В такое время все были заняты работой. Я подошел к кадушке с водой и посмотрел на свое отражение. Глаз немного заплыл, а кожа вокруг, покраснела. Да еще и царапины от ногтей Маришки на щеке и шее сильно щипали.

«Чертова девчонка!» – Мысленно выругался я. – «Она просто сводит с ума. За мои-то двадцать три года, у меня было множество женщин, но ни одной из тех дурочек, я не хотел так страстно обладать, как Маришкой Копош».

Деревенские девки увивались сами за мной, все потому, что моя семья в Дземброни, очень богата и уважаема. Дед – старейшина поселения, к нему идут за мудрыми советами. Ни один праздник не обходится без его присутствия, будь то, свадьба, крещение или именины. Отец местный конюх. Его табун состоит из двух десятков лошадей, учитывая, что в каждой семье в деревне по одной – две лошади, еще он занимается волчьими шкурами – перекупает

и перепродает их. Мои два старших брата тоже занимаются ремеслами. Один кузнец, другой плотник. Две младшие сестры уже давно замужем. В общем, моя семья образец для подражания и все женское население страстно желало в нее попасть, и я единственный холостяк из братьев. Да, все девки кидаются на меня как голодные псы на кусок мяса, к тому же и внешне я не обделен. Но только эта маленькая пигалица Копош воротит носом передо мной. Как бы я не был ласков, как бы ни пытался, обрадовать ее, все равно смотрела на меня с высока. Вела себя так, словно была из благородной семьи.

«Маленькая дрянь. Я доберусь до тебя. Выловлю и отымею, как следует. Будешь визжать подо мной. Да, я буду первый, кто доберется до ее сокровища. Буду иметь до беспамятства. Если потребуется, даже выкраду, но своего добыю, или я не Аурел Бырцой».

Скрипнула дверь в горницу. Краем глаза заметил статную фигуру деда. Он прошел к своему любимому массивному креслу, сделанного из корявого корня дуба. Устроившись поудобней, он забил в трубку табак и закурил, медленно выпуская клубящийся дым, наполняя помещение терпким запахом.

– А ты чего слоняешься по дому без работы, Аурел? – Послышался громоподобный голос деда.

– Я зашел воды попить. – Выпалил я первое, что пришло на ум.

– Так в кузнице, что воды не было, или ручей пересох, к которому ты еще с утра пошел? Ты мне зубы-то, не заговаривай, а излагай как есть, без прикрас. И чего это ты там стоишь, даже голову в мою сторону воротить боишься?

«Что б тебя. Ничего от деда не скроется, и муха не пролетит мимо, без ведома».

– Это все из-за той девчонки Копошей? Что тебе девиц мало что ли? Что ты за этой юбкой малолетней-то увязался?

– Не знаю. – Сухо отозвался я.

– Зато я знаю. Наслышан о твоих похождениях. Всех уже баб, поди, перетаскал, теперь до этой очередь дошла? Что же ты ерундой маешься? Коль больно нужна тебе, так сегодня же и засватаем.

– Не пойдет, сказала. Критином обозвала. – Опустив голов еще ниже, пробурчал я себе под нос.

Дед засмеялся.

– Да, с этой зеленой дурехи, станется. Все нервы тебе вытреплет, пока твоей не будет, а подрастет посмереет. – Заключил он.

– И что мне делать? Как же мне добиться ее, коль я все уже перепробовал? – Бросил я взгляд на деда и тут же вспомнил, что сам же себя и выдал.

– А это чего у тебя с лицом, не уж то она тебя так отделала? – Встал глава семейства с ухмылкой со своего места.

– Частично. Защитник откуда-то нарисовался.

– Загубит тебя эта девка, ой загубит. Забудь ее внук, вот тебе мой совет. – Как то ласково сказал дед, сожаляющим тоном и похлопал меня по плечу.

– Не могу, дед, сколько не пытался, да только еще больше страсть во мне разгорается. – Повинился я и тяжело выдохнул.

– Страсть твоя промеж ног разгорается, – неодобрительно, покачал головой старший Бырцой. – Знаю, я сам такой был в молодости. Как только бабу на вкус пробовал, так и любовь вся на нет сходилась. То-то ты, за этой малолеткой бегаешь, что не дает тебе, чего хочется, а как получишь, что надо, так и забудешь ее в миг.

На этих словах дед махнул рукой и вышел из дома. Я же отправился в кузницу к брату, где приобщался к этому ремеслу, да и работа всегда отвлекала от посторонних мыслей. Но как бы ни пытался, не думать о Маришке, все же она не выходила у меня из головы и страшно, как хотелось завершить то, от чего меня отвлек этот оборванец сегодня утром. Кстати, откуда он

взялся? И кто он вообще такой? Надо обязательно выяснить и при встрече «объяснить», что я не прощаю обидчиков.

Маришка.

Я не успела и шагу в дом сделать, как мать схватила меня за косы и начала тилипать из стороны в сторону.

– Ах, ты ж негодница, ах ты ж, бесстыжая. Где пропадала весь день? Я уже всю деревню оббежала, везде обыскалась. Признавайся, ты, что в лес ходила?

– Ой, ой, ей, ей. Ай, яй. Ой. Мамочка отпусти меня. Я у деда Микулэ была. Ему по хозяйству помогала.

– У тебя что, своих дел мало? Ты что не видела, что сереть к вечеру стало? Ты же знаешь, что места себе не нахожу, когда тебя дома нет. А если б задержалась до ночи? Ты понимаешь, что с тобой могло случиться, или ты думаешь, что люди после заката просто так из дома не выходят?

– Да знаю я. Только мне сдается, что страшными историями детей пугают, чтоб допоздна не засиживались. Вот я, например, никогда не видела в деревне упырей. Может, их и нет, вовсе? – Рассуждала я шепотом, закатив глаза.

– На себя, тебе и Штефану плевать, так хоть бы один из вас обо мне подумал, что я чувствую. Как сердце материнское за вас – детей болит. – Гневно выкрикивала мать, успевая стегать, уворачивающуюся меня дедовым кожаным ремнем, который она схватила с вешалки.

– Ах, вы ж паразиты, ах вы ж бестолочи. Если, что с вами случиться я ж не переживу! Что ж вы мне сердце-то рвете! – Всхлипывая мама, понижая интонацию.

Отстегав и отчитав меня, как следует, она просто села на сундук, подвернувшийся ей под ноги, закрыла свое лицо ладонями и сотряслась от рыданий.

Кто-кто, а она точно знала, чем меня можно разжалобить, ведь моя совестливая душа не могла вынести материнских слез, а особенно, что эти самые слезы вызвал мой проступок.

Мне стало, ее очень жаль, я даже не могла сердиться, хотя тело жгло от ее методов воспитания. Молча подойдя к вздрагивающей, родной женщине, которая произвела меня на свет, я обняла ее за плечи, нежно поцеловала в макушку черных волос с проседью.

– Мамочка, ну прости меня, засранку.– Протянула я жалобным голосом.

Рыдающая, внезапно хрюкнула, отозвавшись на мою остроту. Обняла мою руку, затем притянула мое лицо к себе и поцеловала в висок.

Обычно все скандалы в доме так и происходили: сначала обвинения, затем, когда гнев сходил, примирение. Моя мама, хоть периодически и устраивала нам с братом разбор полетов, все же была очень доброй женщиной и отходчивой. Конечно же, после тотального избиения, она корила себя и не могла простить, что причинила боль своим родным кровиночкам. Поэтому, после кнута, приходило время пряников (самые лучшие время для меня и Штефана): она готовила всякие вкусности, и разрешала то, на что бы никогда не согласилась – в общем, в такие моменты мы вили из нее веревки.

– Ох, доченька. Вот будут у вас самих детки, тогда вы поймете. Тогда попомните мои слова.

– Мамочка, ну все же хорошо. Видишь, ничего не случилось.

– Это пока, не случилось. Кто знает, когда в дом беда ворвется? – Вздыхая, отозвалась мама.

Я поняла к чему она клонит, это все после того происшествя четырнадцатилетней давности, о котором я ничего не помню, так как еще под стол пешком ходила, но бабуля мне потом сама рассказывала эту историю и о горе, коснувшегося каждой семьи нашего поселения.

«Жили мы всей деревней, как у Христа (а на деле оказалось, у дьявола) за пазухой: плодородная земля, из года в год радовала своими урожаями, огромные пастбища для скота с жирной и питательной травой, лес переполненный зверьем, ягодами, грибами и лечебными тра-

вами. В общем, не жизнь, а сказка. И так хорошо всей деревней жили, что и позабыли, кому мы этим добром обязаны. До нынешнего старейшины Тудора Бырцоя, был его предшественник Ванич Щербан, ох уж и скупой был старик и не верующий. Решил он, что про князя (вампира) этих мест, глупый люд байки сочиняет, так как князя нашего, мы никогда в лицо не видели, но девушек раз в десять лет в замок отправляли, ни одна из них в деревню так и не вернулась. Ванич сказывал, что замок на холме пуст и разрушен, а жители его сто лет назад вымерли. Старики сетовали на его слова, да только он, им быстро рты позакрывал. А так как он был старейшина, молодежь к нему прислушивались, и верила на слово. Не стали жертвенных девушек князю отправлять. Доверчивые мужики глубже в лес уходить начали, до самого замка, чтоб добром поживиться. Да только разгневали они нечисть, своей наглостью. Тогда-то и началось в деревне все...

Стали люди по ночам пропадать, а на утро их холодные тела находили, только странность была в их смерти. Крови в теле и грамма не было, а следов никаких, только вот на шее две маленькие ранки и цветок на груди – роза черного цвета. За то смутное время и недели не проходило, без звона колоколов, которые оповещали жителей о новых жертвах. Страшно жить стало, по ночам никто уже на лавочках не сидел. Песен больше никто не пел, танцы и праздники тоже прекратились. Молодые из деревни уезжать стали, да только некуда было, везде голод, разбойники за каждым деревом. Страх сковал деревню, каждый человек друг на друга коситься стал, по ночам двери запирали, даже от соседей прятались. Скот волки резали целыми стадами. Люди дома и загоны оберегами завешивали, да только без толку все, жертв меньше не стало. Тогда-то и Марик (мой отец) тоже упырю попался в зубы, когда меня защитить пытался. Он на утро после укуса, нас с мамой к ее родителям отправил, а сам пошел мужиков собирать, чтоб раз и навсегда с «кровопивцем» покончить. Собрал он тогда, человек пять крепких мужиков, готовых защитить свои семьи. Но живыми их больше никто не видел. В лесу пять растерзанных тел нашли. Отца моего среди них не было. Через три дня нашли и его обескровленное тело с букетом злосчастных цветов.

Среди растерзанных тел в лесу был старший сын Тудора Бырцоя (нынешнего старейшины и по совместительству деда Аурела), который был сильно опечален смертью своего первенца, но поскольку у него были еще дети и внуки, он решил, защитить их любой ценой. Собрав всех оставшихся жителей, он решил вернуть прежние времена. Да только старейшина Ванич Щербан за противился, сказывал, что в деревне убийца завелся, который его авторитет перед крестьянами, опустить хочет. Пальцем тыкал в Тудора, обвинял его во всем происходящем. Бырцой мужчина строгий, но справедливый, не выдержал вранья в свою сторону и ухватил за шею сошедшего сума старика. Так на глазах у всех жителей и удушил гадину. Народ его обвинять не стал, так как понимал, что такой глава их к гибели ведет. И за места Ванича, поставили его во главе деревни.

Тудор первым делом старые законы вернул. Чтобы вновь не разгневать хозяина замка, было решено приносить ему в дар, по – мимо жертвенных невест и подношения продуктами: мясо, сыр, овощи и фрукты, вина и брагу, в общем-то, чем была богата деревня. Девушку, на роль жертвы, новый глава, выбрал, незамужнюю. К сожалению, это была Бажена Петраке (младшая сестра Александру Петраке – отца Тадеуша) – первая красавица. Родители которой, как и другие жертвы были загрызены вурдалаками. Ее отправили в замок с посланием о мире и возврату прежних соглашений. Старейшина объяснил важность ее миссии, и ради общего блага, девушка пошла на этот страшный и безумный шаг.

Бабушка рассказывала, что в тот день, вся деревня с воем и рыданиями провожала эту бедную девушку. Тропинку перед ее ногами осыпали цветами, на голову надели сплетенный венок. Всю дорогу к замку Бажена шла, с гордо поднятой головой, а по щекам ее, словно тоненькие ручейки, катились кристально-чистые слезы.

Брат же ее – Александру Петраке со своей семьей, вскоре после этого уехал. И никогда больше не возвращался. А жители Дземброни, вновь вздохнули с облегчением: таинственные убийства прекратились, волки к пастбищам не приближались. Вновь деревенская жизнь вернулась в прежнее русло. Люди снова стали появляться на улицах и заниматься своими привычными делами. Опять в дома вернулись праздники со своими песнями, танцами, и музыкой».

Это конечно хорошо, что у этой истории счастливый конец, но только не для всех. Я не думаю, что юные девицы, отданные в дар вампиру, испытывали чувство глубокого счастья или их семьи, которые провожали своих дочерей на верную смерть в замок «Бран». Я тоже, в какой – то мере ощущала себя виноватой, за то, что живу и дышу, когда невинные девушки отдают свою жизнь чудовищу, что бы спасти всех нас. Конечно этих жертвенниц, почитают как героинь и поют о них песни. Но разве это оживит их, или спасет от верной гибели? Думаю, что нет.

Лежа возле печи, я жевала бублик и рассуждала о сегодняшнем дне, и как много со мной случилось происшествий. Сначала, этот недоумок Аурел, полез ко мне со своими предложениями руки и сердце. А получив отказ, чертов блондин решил перейти к действиям. Вот гад, совсем уже страх потерял. Не будь его семья такой уважаемой, ей Богу я бы ему все глаза бы выпарапала. Слава Богу, вовремя появился тот парень Тадэуш. Если бы не он, то я не представляю, что могло бы случиться, потому что, этот козел Аурел совершенно не контролировал себя.

Мысленно я отметила внешность Тадэуша Петраке. Что там говорить, он был очень даже ничего: ростом чуть выше меня, худощавого телосложения, светло-карие глаза, нос с горбинкой, тонкие губы, волевой подбородок и густые каштановые волосы. Он очень приятный молодой человек, да к тому же не остался равнодушен к чужой беде, не то, что местные. Те бы заприметив кого-то из Бырцоев, мимо прошли, чтоб не ввязываться, а потом бы еще и меня виноватой сделали б, а Тадэуш (ох и длинное же имечко, буду его Дэшем звать) спас меня от этого утырка. Совместная уборка сблизила нас, и расставались мы, чуть ли не лучшими друзьями. Все же хороший парень, здесь таких и не встретить.

Вот, а теперь, значит, я лежу на кушетке, как побитая собака, завернувшись в покрывало и рассуждаю о кренделях небесных. Задница огнем горит, от маминой родительской руки и дедова ремня, поэтому приходится лежать на боку. За окном давно стемнело, а Штефан еще не вернулся. Мне интересно, что же он сегодня расскажет о своей лесной нимфе? К тому же хочу его уболтать, пока, подвернулась такая возможность, что б он отпросил меня у мамы на праздник урожая. Пока она еще добренькая и чувствует свою вину за истязание моего бедного тела. Ведь я так хочу туда попасть, так как еще ни разу не была на народных гуляньях. На праздник урожая сбегается вся молодежь, и уж конечно, там будут все мои подружки. А ночью после плясок, девочки пойдут на речку и будут гадать на суженого. Конечно же и мне любопытно, да, что там, я прямо сгораю от желания узнать, что у меня за суженый – на голову контуженный? Или все таки нормальный. Вот женщина я или не женщина, должна я знать, с кем мне жить придется и детей от кого рожать. Мама, конечно, считает, что мне о таком рано думать. Но мне смерть, как интересно. Да и мамочка, тоже хороша. Думать о женихах рано, а сама одно мне про Аурела Бырцою толдычет. Мол, приглядиись к этому парню, какой он красивый, из семьи богатой и уважаемой, на все руки мастер, будет очень хорошим мужем. На что я закатываю глаза, а она обижено вздыхает, типа намекает, что, мол, глупая, от своего счастья отказываюсь.

Со двора послышался радостный собачий лай Бирку. Он всегда так встречал своего любимого хозяина. Значит, что, наконец – то Штефан вернулся с охоты.

Я подбежала к двери и стала у стенки, как прилепленная, что бы совершить задуманное. А задумала я вот что: когда в дом войдет брат, я сзади подкрадусь и закрою ему глаза.

Дверь открылась. Штефан не спеша сделал два шага. Я подкралась, завела руки и накрыла глаза брата, но оказалось, что я случайно попала в глаз. Орал братец, не сдерживая эмоций, да, и на красноречивые слова не скупился. Я утешала его, как могла. Только он, почему то меня долго еще не прощал и вдобавок, еще ущербной назвал – обидно же. Но потом простил, когда я ему рассказала, что он не единственная жертва рукоприкладств. Конечно, еще пришлось подробности всего дня пересказать, пока брат ужинал. И не забыла упомянуть его друга – кретина Аурела. Брат посмотрел на меня с упреком, когда я неловко отозвалась о его друге.

– Что на этот раз ты учинила?

– Это я то? Да твой Аурел, в конец обнаглел. Знаешь, что он сегодня устроил? – Вылупив глаза, гневалась я.

– И что же?

– Да, этот, гад, собака бешенная, козел безголовый, он сегодня руки свои распускал.

Лицо брата, из недоверчиво-улыбающегося, превратилось в задумчиво-напряженное.

– Может он просто хотел пошутить? – Предположил брат и встал из-за стола, покончив с едой.

– Только мне совсем не смешно было. – Опустив взгляд пол, с обидой пролепетала я.

– Я с ним завтра поговорю и ума вправлю. – Сказал недовольно брат. Он обнял меня и поцеловал в макушку.

Вскоре в дом зашли дед с бабушкой и мама, после того, как управились и сели ужинать. А мы со Штефаном на печь взгромоздились. Я положила голову к нему на грудь и стала шепотом спрашивать о его сегодняшних приключениях.

– Штеф, а ты сегодня видел свою фею?

– Да, видел. – Так же шепотом сказал он.

– А вы уже целовались? – Застенчиво спросила я и спрятала свое лицо в подушку.

– Тебе еще рано о таком знать. – Усмехнулся брат, и потрепал меня по голове, взъерошив волосы.

– Ну, расскажи, мне же интересно. – Скулящим голосом, протянула я.

– Нет, пока еще нет. – Вздохнул он с разочарованием.

– А расскажи мне про нее. Как ты с ней познакомился? Ну, по-жа-луйс-та.

– Хорошо, только это будет наш с тобой секрет. Уяснила? – Язвительно прищурился брат зная мою страсть к болтовне. – Никому. Договорились?

Я послушно закивала головой в предвкушении интересной истории, как собачонка и приготовилась внимательно слушать.

– Как- то раз, погнался я за молодым кабанчиком, который в сторону замка мчался. Конечно же, так глубоко в лес, я заходить не хотел, потому что, как и все, слышал, какие про этот замок леденящие душу истории рассказывают, но и такую возможность, как попировать кабанчиком тоже не желал упускать. Решился по следу идти. Только вот, со временем не рассчитал, и пока искал добычу, солнце совсем закатилось. Опомился я, когда уже дошел до заброшенных склепов, не далеко от замка. Вокруг – жуть, деревья, склепы, туман от земли поднимается. Страх меня одолевая стал и я уже рукой махнул на сбежавшую дичь, решил поспешить домой пока цел, как вдруг, какое – то голубое облако над заброшенным кладбищем летит, и все ближе и ближе ко мне подбирается. Я хотел быстрее убежать с того проклятого места, да только вот, пошевелиться не мог, словно мое тело из камня стало, сдвинуться не могу и все тут. И глаза свои от природного явления отвести не получается, как прикованный тарасушь, но вскоре отмер, так же неожиданно, как и застыл.

Спустя несколько минут, когда облако земли достигло, мне удалось разглядеть, что не облако это вовсе, а красивая девушка в воздушном, дорогом одеянии небесного цвета. Глаза ее так ярко сверкали, что казалось, будто луна отражается в них, а губы алые, как розы, темные

волосы струились словно шелк, и пахло от нее заморскими ароматами. Да что там говорить, таких красавиц во век не сыскать. – Рассказывал брат с мечтательной улыбкой на лице.

– А дальше? – Вырвала я его из мира грез.

– Я уж было подумал, что это с небес богиня спустилась или эльфийка, больно похожа на героинь рассказов сумасшедшего старика Петру про лесных дев. В общем, захотелось мне узнать у прекрасной красавицы, кто она такая и что делает, одна, ночью, на кладбище, да еще и в лесу. Ну, я ей и говорю: ты кто? А она в ответ засмеялась своим соловьиным голоском и говорит: Фея лесная.

Я снова спрашиваю: что здесь делаешь? А она мне – гуляю. Со мной хочешь?

Я уже судьбу начал про себя благодарить за такую приятную встречу. Набрался храбрости и к ней метнулся на радостях, а фея от меня в сторону, я опять к ней, а она все дальше отходит. Позади меня, что-то хрустнуло, и я обернулся на звук, а когда голову повернул, то красавица исчезла без следа.

– Поэтому ты, так в лес зачастил? – Полюбопытствовала я.

Штефан не ответил мне, а только тяжело вздохнул с грустным видом.

– Все, а теперь спать уже поздно.

Я хотела уже возмутиться, но увидев строгий взгляд брата, поняла, что больше мне не удастся выудить у него ни слова, так как у него пропало настроение. Пришлось смиренно подчиниться и перевернуться на другой бок.

– А она тебе снится? – Не хотела униматься я.

– Все спать! – Приказал брат.

– Ну, а...

– Спать!

– М-м-м! – Недовольно промычала я, и устало зевнула.

Тадэуш.

Новый день начался с пения птиц, которых в лесу, было большое количество. Эти трещотки драли горло изо всех сил с каждого дерева, а иногда в их переключку вклинивалось неприятное воронье карканье, предвещавшее о приходе осени. День выдался солнечным, а на небе, лишь изредка, появлялись хмурые тучки, уносимые прочь легким, осенним ветерком.

Маришка оказалась права, на счет деда Микулэ. Необычный старичок был со мной весьма любезен и добр. Только одно меня настораживало, что он часто прикладывался к кувшину с брагой. При этом выглядел он очень забавно, как и все выпивохи: маленькие глазки сбиты в кучу, покрасневший нос напоминал длинный корень редиса, но вот мысли и речь его были кристально чисты, словно он пил не брагу, а воду.

С первых лучей солнца, дед Микулэ разбудил меня и накрыл на стол. Позавтракав кукурузными лепешками и вчерашним, жареным кроликом, мы отправились вглубь леса.

– Смотри под ноги, ученик. Видишь эту траву? Это шалфей – хорошо помогает от заболеваний горла и рта, снимает воспаление. Нужно его проварить, а затем настаивать в темном прохладном месте, чтобы свойства его сохранились. – Рассказывал старичок, нежно сжимая в руках это растение.

Меня удивило его бережное отношение к природе, то, с какой добротой он смотрел на все, что попадалось нам на глаза, будь то травинка, грибок или цветочек. Заметив белочку, он шепотом позвал меня и указал на нее пальцем, умиляясь животным так, будто зверь ему в диковинку. Потом на маленькой полянке в чаще, мы увидели несколько зайцев. Дед Микулэ сложил губы в трубочку и издал странный, тихий свист. Зайцы напряглись, но не убежали, а, наоборот, с осторожностью стали подбираться к нам, перепрыгивая с места на место. Когда они подползли к ногам странного дедушки, тот поднял за уши самого крупного и старого зайца, а остальных отогнал.

– Вот, Тадэу. Теперь можно не думать, что на ужин приготовить. – Радостно произнес дед, и погладил косого по серой шерстке.

Я не переставал удивляться знаниям, мудрости и умениям этого загадочного человека. Может он действительно происходил из леших? Ведь, как объяснить то, что звери его не чураются?

– Но как вы это сделали? – Удивленно спросил я, хлопая глазами – Разве для охоты не нужны силки или рогатка?

– Не проси у леса сверх меры, и он сам тебе даст то, что тебе необходимо. – Сказал старичок и заметив мой недоуменный взгляд, обращенный к полуслепому и облезлому животному, махнул рукой. – А за зайца не переживай, он старый, ему не дожить до зимы, а так мы и с мясом и с мехом Можно было еще из гнезд птичьих яиц надрать, но нам пока и этого достаточно будет.

– А правда ли, за вас люди говорят, что вы из леших?

Дед усмехнулся. – А ты как считаешь?

Мне только пришлось пожать плечами.

– То-то же. Вот и люди не знают, а чесать языками, так стараются. Но, я тебе вот, что скажу, Тадэу. Я связан с лесом так давно, что и сам себя иногда лешим ощущаю. – Ласково обратился он и положил руку на мое плечо.

– Дед Микулэ, а что случилось с моими родственниками?

– А тебе отец, что не рассказывал?

– Нет, никогда.

– Ох, ну что ж. Пойдем домой, по дороге все и расскажу.

Мы вышли на протоптанную дорожку и направились по ней к дому. Я нес плетенку с лекарственными растениями и грибами, которые мы насобирали в лесу, а дед Микулэ – пойманного зайца. Всю дорогу к дому, он рассказывал о том, что происходило в Дземброне. О том, как люди пропадать стали...

– Я единственный в деревне умеющий врачевать, и меня первого звали определить характер смерти. Я сам осматривал тела и хочу сказать, тебе мой мальчик, что такое я видел впервые. Тела белые, как снег, лица, перекошены от ужаса, а у некоторых на голове даже проседи были, хотя жертвы умерли в расцвете лет. Всех погибших объединял один и тот же признак смерти – две маленькие дырочки на шее, из которых выкачали всю кровь, не оставив ни капли. Я много рассуждал. Что же все-таки чувствовали убитые? Что могло их так напугать, до седых волос? и почему убийца рядом с телом оставлял черную розу? И кто же есть убийца? Конечно, я догадывался, что произошедшее, как то связано с замком «Бран», ведь в стародавние времена его называли «черная роза», да к тому же в древних приданиях говорилось о носферату – вампирах, живущих в том проклятом замке.

Как-то, ко мне прибежал твой отец Александру, и рассказал, что глава семьи Санду Петраке занемог. Я поспешил на помощь и был жутко удивлен. Твой дед был слаб и неестественно бледен, а под глазами залегли черные тени. Он прибывал в бреду. Все время повторял женское имя, которое не встретишь в наших краях. Он произносил его и пытался вырваться, но мы его привязали к кровати, чтоб не сбежал. Я подумал, что у него любовная горячка, но за высоким воротом рубашки я обнаружил такие же маленькие отметины, как и на остальных жертвах. Мы с твоим отцом, попытались сделать все возможное, чтоб спасти твоего деда: по всему дому развесили обереги и чеснок, а у изголовья кровати, повесели большое деревянное распятие. Сами же вооружились осиновыми кольями (так гласили легенды можно избавиться от кровососущего монстра), и стали ждать. Но в тот миг, как село солнце, твоему деду, каким-то чудесным образом удалось порвать веревки и вырваться, он выбил окно, выпрыгнул, и помчался в сторону замка. К сожалению, мы не смогли его догнать. Не смотря на признаки слабости болезного, бежал тот достаточно быстро, словно тьма придала ему силу. На утро мы нашли Санду на кладбище, подпирающего спиной огромный каменный крест. Его стеклянные глаза

были широко открыты, а на груди лежал черный цветок. Похоронили мы его рядом с твоей покойной бабушкой на том же кладбище, только перед погребением, забили осиновый кол в самое сердце. Так же пришлось откопать всех похороненных за последнее время, и тоже вбить колы в сердца, чтобы те больше не смогли восстать из своих могил.

Твой отец хотел поскорей уехать, увезти всех вас от проклятого места, что бы уберечь, но твоя тетка Бажена отказалась. Сказала, что сможет спасти всю деревню от гибели, если принесет себя в жертву. Александру был против, пытался отговорить ее от этой затеи, но девица была непреклонна, отправилась в замок «Бран» по собственной воле. Александру не смог смириться с потерей младшей сестры, потому что, уж очень сильно любил ее, и вскоре покинул деревню навсегда.

– Так вот, почему отец моему младшему брату дал имя Бажен – в честь своей сестры. – Задумчиво произнес я шепотом.

Рассказ деда Микулэ, был для меня настоящим потрясением. Я и не мог подумать, что моему отцу пришлось пережить. Теперь то, я понимаю, почему он не хотел вспоминать о прошлом и о своей семье. Не могу представить, что же творилось в его душе. Я часто замечал, что отец смотрел вдаль пустым взглядом, и размышлял о чем-то нехорошем, только тогда я думал, что он переживает за работу, за деньги, за нас – детей. А сейчас я знаю, что его мысли были далеки от насущных проблем.

Пришли к избе мы, примерно к обеду. Я был полон грустных раздумий.

– Не печалься о прошлом, мой мальчик. Былого уже не вернешь. С того времени, столько воды утекло. – Похлопал старик меня по плечу и сам тяжело вздохнул. Он заметил мое подавленное настроение и предложил отвлечься от нехороших мыслей.

– Ты не хочешь повидаться с Маришкой? – С заметной хитрецей, спросил старичок. – Ох, что это за девчонка? Это ж просто чертик какой-то!

– Да, я был бы не против. – Пожал я плечами.

– Ну, так иди, чего ты ждешь? – Кивнул лекарь, побуждая меня к действиям. – Эта егоза, хорошая компания. Она быстро развеселит тебя, а то ты, совсем скис, мой мальчик.

– А где я могу ее найти? – Обернувшись на пороге, спросил я.

Дед Микулэ объяснил, как пройти к дому Маришки, и я поплелся вниз по склону, огибая каменные валуны. Без труда я нашел то, что искал: небольшой домик, огороженный низенькой щемилкой сплетенной из гибких прутьев. Во дворе, на цепи сидела небольшая черная собачонка. Я поднял с земли малюсенький камень размером с горошину, прицелился и кинул в окно. Стук в стекло отвлек питомца от раздумий. Собака подорвалась с места и залаяла. В окне я увидел знакомое, красивое лицо, а на пороге появился молодой бородатый мужчина.

– Тебе чего, парень? – Строго спросил он.

Только я собирался открыть рот, как спотыкаясь, вылетела из дверей Маришка.

– Штефан, это ко мне. Это Тадэуш Петраке. Помнишь, я тебе за него рассказывала?

– А, ну да. Ну, привет Тадэуш. – Бородатый, молодой мужчина подошел ко мне и протянул руку, что бы я смог пожать ее в ответ на приветствие. – Спасибо, что заступился за Маришку.

– Это мой старший брат – Штефан. – Пролепетала девушка.

Она перемахнула через забор, зацепив ногой заборчик, и повалила несколько прутьев.

– Иди уже ради Христа, я сам поправлю, пока ты все здесь не разнесла к чертям, ходячая катастрофа. – С укором скал ее брат, закатив глаза к небу.

– Я не нарочно. – Протянула Маришка тихим голосом, соорудив невинное лицо, затем, схватила меня за руку и потянула прочь от дома.

– Кто последний добежит до речки, тот протухшая лягушка. – Звонко крикнула она, и со всех ног помчалась вперед.

Догнал я ее не далеко от речки, собирался вырваться вперед, но тут она подставила ножку, о которую я зацепился и повалился в траву. Маришка, хохоча, как сумасшедшая, схватилась за живот. Тут – то я, ухватился за ее руку и резко дернул на себя. Девушка, не удержав равновесие, растянулась рядом со мной. Теперь уже и я схватился за разболевшийся от смеха живот.

Старик Микулэ сказал правду, что этот чертик развеет грусть. Рядом с этой хохотушкой, печалиться не приходится. Казалось, ее улыбка никогда не сходит с лица, а рот, не закрывается, так как она трещала без умолку, и смеялась звонко – звонко, заражая меня своим заливным хохотом. Ее веселый нрав поднял мне настроение, и уже не хотелось думать о неприятном. Словно лучик солнца, сияла Марика и дарила свое тепло всему, что ее окружает.

Я очень рад тому, что в моей жизни появился такой добрый и веселый человечек, с которым мне хотелось проводить все время.

Аурел.

Звон молота о наковальню заглушал все посторонние звуки. От свежавывоканных подков валил пар. В кузнице было жарко и душно.

Я, глотая горячий и тяжелый воздух ртом и покрываясь обильным потом, бил по раскаленному железу.

Работа сегодня шла медленней обычного и без особого желания. А причиной всему была моя задумчивость и сонное состояние, потому как ночью, долго не мог уснуть, думая о Марике, в принципе, как и сейчас, моя голова была забита мыслями о ней.

«Почему же эта, глупая девчонка, так и не появилась утром у ручья? Очень жаль. Я стоял там, в надежде ее увидеть некоторое время, но она так и не соизволила появиться. Как же мне расположить девчонку к себе? Цветы, сладости, бусы и платки, она отвергала все, что я ей предлагал. С другими девками проще было, мне даже не приходилось тратить, чтоб привлечь к себе внимание, а эта дикарка, издевается надо мной, насмехается над комплементами и подарками, что ей приношу. Дрянь не благодарная. Я уже голову сломал, почему эта соплячка меня отвергала? Может, мой дед прав и мне просто надо забыть ее в объятиях очередной девицы?... Ну уж нет, она должна поплатиться за мое унижение.

Двери в кузницу резко открылись, и внутрь вошел Штефан, вырвав меня из моих мыслей.

– Выйдем, Поговорим?

Я заметил, что он был чем-то раздражен. Поэтому, молча, вышел вслед за ним, оставив свою работу на старшего брата, который трудился вместе со мной и видел, что между мной и Штефаном состоится серьезный разговор.

– Как ты мог так поступить? Она же моя сестра. Ты что себе позволяешь? – Накинулся на меня друг, схватив за ворот рубашки, как только за нами закрылись двери кузницы. – Она мне рассказала, как ты пытался вчера добиться ее внимания.

Лицо Штефана, было красным от гнева. Ярость готова была вырваться из него в любую секунду, а в воздухе застыло напряжение.

– Ты же знаешь, я ее люблю. – Сказал я, заглядывая в глаза Штефану, в надежде найти понимание.

– Да, знаю, но это тебе не дает никакого права, приставать к моей сестре. – Смягчился он, и, оставив мою рубашку в покое, скрестил руки на груди.

– Прости. – Промямлил я, потому что не знал, что делать в подобных ситуациях и как себя оправдать.

– Не у меня ты должен просить прощения. – Глядя в глаза, сказал серьезно друг.

– Да, знаю. Просто я взбесился от очередного отказа.

– Я тебе уже объяснял, что она еще мала для замужества.

– Да, да, понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Я люблю ее, и хочу быть с ней.

– Если б ты не был моим другом, я бы давно уже тебе харю начистил. – С угрозой произнес Штефан.

– Разве ты меня не понимаешь, ты ведь тоже страдаешь от неразделенной любви.

– Очень хорошо тебя понимаю, по крайней мере, лучше, чем другие.

– Тогда помоги мне. Прошу, как друга.

– Ты совсем из ума выжил? Ты мне предлагаешь, чтоб я помог тебе совратить мою малолетнюю сестру? Да ты совсем обезумел? – Возмущенно произнес Штефан, повышенным тоном и постучал кулаком по лбу, а затем пригрозил мне пальцем. – Не трогай Маришку, иначе я за себя не ручаюсь. Узнаю, что ты ее хоть пальцем тронул – убью.

При этих словах, лицо Штефана напряглось, на лбу появились складки, а желваки на скулах, нервно задержались.

– Да нет же, ты все не так понял. Я... Я... С серьезными намерениями. У меня и в мыслях не было... Я, по-настоящему, понимаешь, жениться на ней хочу.

Тщательно подбирая слова, я наблюдал за выражением лица Штефана, который, к моей радости был доверчив и наивен, как дитя.

– Клянусь! Друг, она для меня самый дорогой человек, и я никогда бы не причинил ей вреда.

– А от меня тогда, чего ты хочешь?

«Наконец-то! Этот идиот попался на крючок, теперь можно и подсекать».

– Посодействуй нашему счастью. Позволь мне увидеться с ней, объясниться. Ну, и, извиниться за свой поступок.

– Коли так, то я помогу, но если ты, посмеешь ее, хоть чем-то обидеть – задавлю собственными руками, как собаку. Ты меня понял?

– Да. Я обещаю, что не причиню ей зла, я просто хочу поговорить, наедине, чтоб никто не мешал нам

Штефан кивнул головой в знак согласия.

Я мысленно начал перебирать безлюдные места в деревне и вспомнил, одно такое, которое местные стороной обходят. Как раз то, что надо.

– М-м-м. Пусть придет вечером к заброшенной часовне.

– Это плохая идея. – Настороженно и недовольно, сказал друг. – Ты же в курсе, почему мы ее вечером не выпускаем?

– Да, точно, тогда, может, во время праздника.

– А почему не дома у нас? Приходи в любой день и потолкуете.

– У вас людно очень, да и она заартачится в родных – то стенах. А у меня к ней долгий разговор, сам понимаешь... Хочу выяснить, что она обо мне думает. А еже ли, противен я ей, то больше и на шаг к ней не подойду. Обещаю. – Гордо и серьезно вымолвил я последнюю фразу, чем вызвал у друга железное доверие.

– Ну, хорошо, я с ней поговорю, но за результат не ручаюсь. Ты хоть и по душе моей семье, да только решать самой Маришке.

– Да, друг. – Согласно кивнул я.

На этом мы и разошлись. Душа моя ликовала, что обзавелся поддержкой в лице Штефана. Сердце учащенно билось в груди от предвкушения завтрашнего события. Наконец – то я смогу совершить задуманное и поквитаться с этой бестией. Мой план мне казался безупречным:

«Лишу ее невинности, а чтобы ей избежать такого позора, она будет вынуждена выйти за меня. Теперь осталось только придумать, как бы мне девчонку опоить, для лучшего результата, и выставить все так, чтобы все поверили в ее распущенность. Штефан и мой дед уже поверили в мою искреннюю любовь к этой задиристой соплячки, думаю остальных будет убедить куда проще. Тем более что, последнее слово всегда остается за старейшиной деревни, а оспорить его смельчаков не найдется».

К концу дня, я просто светился от счастья, мне не терпелось превратить мечту в реальность. С огромным восторгом и возбуждением, я думал о завтрашнем дне, о том моменте, когда буду наслаждаться лучшими частями тела Марики. Я представлял и мечтал, как сладко она будет стонать подо мной. От разыгравшегося воображения, мое тело отозвалось. Я почувствовал, как в штанах стало тесно.

Даже мысли, об этой, непокорной дурочке, пробуждали во мне вожеление, такой силы, что вместо приятного холодка внизу живота, я чувствовал нарастающую, легкую боль, и казалось, что если, я не удовлетворю свое желание, то оно перерастет в нестерпимую.

Маришка.

– Уря! Ур-р-ря! Этот день настал! – Радостно, завизжала я, переполошив всех в доме.

– Шо случилось? Война шо ли? – Захрипел дедушку.

– Да, нет, все спокойно. Это ж у нашей Маришки, шило в одном месте зашевелилось, уже, как раз время подходящее. – По-доброму, съязвила бабуля, раскатывая тесто скалкой.

– Сегодня праздник урожая! Уря! Уря! Уря!

Я слезла с печки и вприпрыжку, поскакала наводить марафет на своем заспанном лице.

– Только смотри мне, доча. Чтоб как штык дома была еще дотемна, иначе приду за тобой с лозинкой. – Строго предупредила родительница и улыбнулась.

«Спасибочки моему братцу, за то, что все же упросил маму смиростивиться надо мной горемычной, но все далеко не просто. Ох, как не просто!»

В обмен на одолжение, мне пришлось согласиться на встречу с этим придурошным Аурелом, возомнившим себя пупом земли, чтобы выслушать его извинения. Для чего это было нужно, я и сама не знала, но если бы не праздник, на который так мечтала попасть, то давно б отвертелась от нежеланной встречи. А так, пришлось согласиться.

«Ой, ладно. Ну его к чертовой бабушке. Сегодня, даже, этот припадошный, не сможет испортить мне прибодренное настроение».

С Дэшем, договорились встретиться на ярмарке, у рыночной площади, так что, думаю, сегодняшний праздник удастся на славу. За последнее время мы с ним очень сдружились и там, где появлялись вместе, всегда творился хаос и форменное безобразие (так обычно выражалась моя бабуля). Он с удовольствием участвовал во всех в моих авантюрах и интригах. Обычно после всякого рода проделок, наше с ним ржание слышали даже соседские деревни. Конечно же, впоследствии, по шее я получала вместе со своим напарником. В общем, Дэш стал для меня не только подельником, участником моей маленькой банды, но и братом «по оружию», то есть по складу ума.

Я достала все свои нарядные причиндалы: 2 сарафана, 3 сорочки, 2 юбки, и, конечно же, свои любимые красные сапожки на каблучке, которые обувала, только по великим праздникам. Все это я разложила на лежанке и принялась выбирать. Наконец – то, после того, как все перемеряла раз десять и в разных комбинациях, наконец-то определилась с выбором. А выбор пал на белый сарафан с разноцветной вышивкой, который осторожно натянула на себя с замираньем сердца, потому как, боялась выпачкать его еще до выхода из дома. Сверху накинула черный жакет из бараньей, курчавой шкурки. Так же, не забыла об украшениях: позаимствовала мамины красные бусы в цвет сапог, под недовольным взглядом их законного обладателя. Маленький крестик на шее пришлось снять, с мыслями: «красота требует жертв», так как с бусами он не сочетался. Бабуля долго восторгалась, глядя на меня, подкидывая руки кверху, мол, вон какую красавицу вырастили, выкормили. Я почему-то не люблю, когда меня хвалят, и поэтому заняла бабулю работой. А что это она тут без дела расселась? Подсела к бабуле спиной и протянула расческу.

– Ба, будь другом. Заплети мне косу. Помнишь, ну ту, красивую, ты мне ее на именины Штэфана плела?

– Ну, як же тебе отказать, унученька? Сегодня день такой хороший. Гляди, а то може и сваты прыдуть? Штэхфан казал, шо унук Бырцоя, свататься к тебе хоче. Вот, молодец, унуча, такого жениха отхватила. – Радостно рассуждала бабушка.

– Ой. Больно! – Вскрикнула я, дернувшись, для того, чтобы возмутиться.

– Так шо ты, согласна?

– Ба, что вы все пристали ко мне, с этим ущербным?

– Да ты шо? Во девка, одурела чоль? Такой хлопец: гарный, красывенький, и руки золотони...

– Коли тебе он так нравится, то сама за него и иди замуж. – Серdito перебила я бабулю и обиженно сложила руки на груди.

– А шо, я б и пошла, да куды я деда своего дену? – Бабушка доплела мне косу и вскинула ее мне на плечо. – Готово. Но ты унуча, все ж подумай за младшого Бырцоя. Таких женихов не сыскать боле. Партия подходящая и семья прилишняя. А не то, шо эти вот, выпивохи. – Сказала она, и дернула головой в сторону соседского дома.

– Сама разберусь! – Отстраненно отозвалась я, разглядывая свое отражение в зеркале.

– Да, ты уже разобралась. – Вмешалась мама и покачала головой. – Видела на днях Аурела, вся морда расцарапана. Это ты, его так, что ли уделала?

– Заслужил... – Возмущенно пропищала я, завязывая красную ленточку на волосах.

– Вот давиделываешься. Уведеть его кака-нибудь деваха по смышленее, и будешь потом лохти всю свою жизнь кусать. – Вмешался в разговор дедушка.

Мне осталось только вздыхать, ведь трое против одного – это ни честно. Как обидно, что Штефан уже ушел на ярмарку, не дождавшись меня, а то бы он быстро всех успокоил. Он у нас вроде мирового судьи, даже дед с бабушкой к нему прислушиваются, а мама так вообще, на цыпочках ходит перед ним, как же, сыночек ведь любимый.

– Не буду я лохти кусать из-за этого балбеса. – Передразнила я деда. Это он давиделывается, так я его еще, вдобавок, и покусаю. – Крикнула я напоследок и, шмыгнула прочь из дома.

Со двора я, выбежала громко смеясь, оставив ошарашенных родственничков одних со своими возмущениями, которые пытались мне вслед выкрикнуть свои наставления, а я, чтоб их не слушать, со всех ног помчалась в сторону рыночной площади, от куда доносились звуки мандолины, ная и флейты, а так же веселые напевы односельчан.

В самом начале торговых прилавков стоял Дэш. В его руках я увидела засахаренные фрукты на палочке. Он что-то усердно разглядывал.

Люди сновали и толпились повсюду. Кажется, что все население этой и соседних деревень бросили все свои дела и примчались на гуляния. Прилавки забиты украшениями, посудой, сувенирами и сладостями. Чуть правее от нас, толпа выкрикивающих людей окружили двух молодых мужчин, которые боролись на руках. Чуть дальше в такое же кольцо взяли скоморохов и их наряженного медведя, веселивших народ. Повсюду разносится запах пирожков, жареного мяса и свежее выпеченной сдобы. Музыка звучит отовсюду, зазывая молодых на танцы и пляски. А торгошники громко расхваливают свой товар, заманивая покупателей. Дети, смеясь, пробегают между ног у прохожих. Мужики, несмотря на то, что время еще до полудня, закосевшие играют в кости и громко смеются. Около них, на лавочках стоят кружки с вином, пивом и сливовицей. Женщины проходят мимо с большими котомками и плетеными корзинками, набитыми доверху продуктами и сладостями. Детский смех, разносился по всей ярмарке, которая начала набирать обороты. Весь народ веселится от души: одни – выпивают, поют, танцуют, смеются, другие – соревнуются между собой в разных состязаниях: то бег в мешках, то вылавливание зубами яблок, то кто быстрее донесет девушку до конца аллеи, кто быстрее дров наколет, или же съест пирог.

Чуть дальше от лавки с глиняной и чугунной посудой, я увидела Штефана, он показывал старику блестящие шкурки куниц. В такие дни мой брат тоже старался заработать

немного медяков, предлагая то, что добывал на охоте. На своем прилавке он разложил все, чем был забит наш сарайчик: барсучий жир, волчьи, лисьи и куничьи шкуры, ножи с рукоятками из косульих ножек, кабаньи клыки для оберегов, даже, приволок в клетке на ярмарку, недавно пойманного, живого горноста, которого я так хотела оставить себе. Штефан любил баловать меня всякими сладостями за вырученные деньги, поэтому и ушел ни свет, ни заря, даже не соизволив меня разбудить.

Увидев знакомого юношу в толпе, я устремилась к Тадэу, распахивая, пьяных и хохочущих зевак. Юноша тоже двинулся на встречу. Когда мы наконец-то достигли друг друга, то Дэш поздоровался и протянул мне фрукты на палочке.

– Так, на закуску сгодится. – Рассмотрев предложенную другом сладость, заключила я, затем, схватила его за руку и потянула к продавцу вина.

– Куда ты меня тянешь? – Озадаченно спросил тот.

– Как куда? Туда. – Показала я пальцем. – Сегодня же праздник урожая, поэтому вином торговцы будут угощать бесплатно, правда, лишь одну кружку.... Но к счастью сегодня виноделов пришло не мало. Смекаешь, о чем я?

– А ты что же, хочешь напиться?

– А ты вот нет, что ли? – Спросила, изумленно я.

– Не знаю. – Дэш пожал плечами.

– Мне дома такого добра не предложат, поэтому я и выкручиваюсь из положения. Тем более, я обещала Штефу, что поговорю с этим контуженным. Ну, тот, которому ты недавно в глаз припечатал. – Пришлось освежить воспоминания товарища. – А с ним по трезвому, как то не горю желанием общаться.

– А ты что с этим еще и разговаривать будешь?

– Он хочет извиниться. Так что пойду, послушаю, что дурочек мне расскажет.

Мы подошли к прилавку, где стояли маленькие бочонки с вином. Как и ожидалось, хозяин этого рубинового напитка предложил нам одну кружку, как и предполагалось, но только одну на двоих. Вот же, скупердяй! Но я не отчаивалась и попросила на пробу еще пару сортов. По правде сказать, я не просила, а выманивала обманом и хитростью. Сказала, что брат занят и поэтому нас с Дэшем попросил выбрать, а какое мне понравится, то он выкупит, когда освободиться. Дэш, в это время, подхихикивал и закатывал глаза, и чуть мне всю аферу не провалил. Для видимости попросила винодела отложить бочонок с красным сладким вином. Поскольку, каждая собака в Дземброни знает мою семью, этому торгашу не трудно было поверить моим словам, и он сделал, так как я велела. После, мы отправились к следующему торговцу вином, и проделали тоже самое. Поднакидавшись вином разных сортов, включая и крепкие, я, смеясь, вытянула Дэша в круг хоровода танцующих девушек, которые увлекли его в кольцо, а мне пришлось остаться снаружи и наблюдать за тем, как на моего друга налетели девчата, как голодные коршуны на дичь. Видно, его смазливое личико пришлось им по нраву. Бабский батальон закружили его в танце, но могу заметить, что сразу он отпирался всеми руками и ногами, а потом, когда выпитое вино проявило себя, забыл про все и веселился от души.

«Это даже, кстати, так как уже примерно полдень и я, как послушная сестра, давшая слово, должна идти к заброшенной часовне, и выполнить свою часть сделки». – Медленно соображала я, из-за разморившего меня, выпитого спиртного. – «Что ж, пока я еще на своих ногах, нужно топать, иначе потом не смогу, так как до вечера должна получить максимум, из сегодняшнего праздника».

Некстати вспомнив наказ матери, о возвращении домой к закату, я скривилась в недоумении, и дальше продолжила возмущаться:

«Почему же меня до сих пор не выпускают из дома вечером, ведь договор с хозяевами замка восстановлен, убийств и всякого рода чертовщина прекратилась, даже домовые перестали беспокоить. Но моя семья не как не может забыть прошлое, и я страдаю от этого. Ино-

гда меня бесит их чрезмерное стремление меня опекать, не дают и шагу ступить в сторону, на вечерние посиделки с подружками не пускают, а у них уже и женихи есть, а я одна... Ну, да, мои родственнички и мне приписывают этого – Бырцоя, которого я просто терпеть не могу, на дух не перевариваю. Нет, меня просто злит, то что, как о мальчиках думать – так рано, а как разговор за Аурела заходит – так пора, доча, замуж. Где вообще справедливость?»

Пока я рассуждала сама с собою, не заметила, что уже дошла до развалин и слабыми, заплетающимися ногами вошла внутрь полуразрушенной, каменной часовенки. Этот придурочный зазнайка стоял уже там, подпирая спиной стенку. Перед его ногами, на соломе, я увидела разложенный платок, на котором стоял кувшинчик и две глиняные чарочки, рядом, кусочек сыра и полкруга хлеба.

– Ух ты! Вижу, меня здесь ждут. Разговор обещает быть долгим, как я погляжу? – Трудно выговаривая слова, пробубнила, скалясь в хмельной улыбке.

– Да, как видишь, хочу с тобой поговорить и извиниться...

– Коль это все мне? То, считай что ты, ик, уже прощен. – Перебила его я, и махнув рукой, под села к вину, потирая ладошки. Сама же поразилась своей наглости, обычно я очень уж скромная, а вот этот упырь, настолько меня бесит, что и реакция на него соответствующая. – Ну, ик, чего ждешь? Вино само себя не нальет.

Аурел засуетился, мне не понравилось его по-хитрому улыбающееся лицо.

– Ты такая красивая, Маришка, с тобой даже графини не сравнятся.

Вместо того чтобы, смутиться, я сделала кислое выражение лица, как будто лимон целиком съела. Compliments, такого рода меня смущали, но только не от Аурела Бырцоя.

– А ты, что уже, и с графинями... эти... шуры-муры разводил? Шустрый ты, как я погляжу.

Аурел не ответил на мои саркастические высказывания в его адрес, а вместо поддержания душевной беседы, молча разлил вино по кружкам и вложил одну мне в руку, содержимое которой, я тут же умудрилась пролить на его модную одежду.

– А я смотрю, ты уже праздновать начала? – Сказал он недовольно, стряхивая с себя рубиновые капли.

– Да, праздник урожая, очень уважаю. – Сказала стихами и сама же засмеялась на свой талант к стихосложению.

Но, развеселило меня совсем ни это, а то, что я облила «первого красавца деревни» и мне из-за этого совершенно не было совестно. Да, уж, алкоголь поистине коварный напиток!

Аурела тоже развеселило мое прекрасное настроение и его глаза заблестели, и гнев от испорченных нарядов куда-то улетучился. Он подал мне чарку с рубиновой жидкостью, которую снова наполнил, и я пригубила сладкий напиток. Аурел сделал тоже самое.

– За что, хоть пьем? Ик. – Опомнилась я. – Ах, да, праздник урожая!

– Нет, сейчас мы будем праздновать нашу с тобой свадьбу.

– Чего? – Протянула я, чуть не захлебнувшись. – Дай нормально посидеть, не порть мне аппетит.

Его слова ввергли меня в шок и немного отрезвили.

– Маришка, я хочу, что б ты была моей. – Приказным тоном, известил меня Аурел.

– Ну чего ты опять заладил? Попросила же тебя, как человека. – Начала я упрекать парня.

– Мне еще не одна баба не отказывала. Почему ты сопротивляешься? Подарки мои не принимаешь? – Надменно спросил Аурел, разглядывая меня прищуренным изучающим взглядом.

И тут я решила высказать ему раз и навсегда, что о нем думаю. И меня тут понесло...

– Потому, что не нужно мне ничего от тебя. Или ты думаешь купить меня, как всех девчат, которых ты использовал? Ты, наверное, не помнишь Аду, мою подружку? Ну, конечно же, ведь после нее у тебя их столько было, что голова кругом идет. А я помню, как она рыдала

на моем плече, как любила тебя, а ты только пользовался ей. А что ты сделал, когда она сообщила тебе, что дитя ждет? Между прочим, твоего дитя. Ты ей как сказал? Твои проблемы – ты и выпутывайся. Или ты, что, умом слаб, и уже не помнишь ничего? Так я освежу твою память. И после всего горя, что ты девочкам причинил, хочешь, чтоб я очередной твоей игрушкой стала. Нет, спасибо, мне чего-то не хочется.

– А может я только тебя смог полюбить! – Так же по лисьи, сказал он и принял лежачее положение, оперевшись на локоть.

– Да-а? А мне помнится, ты Аде ту же самую песню пел, мол, люблю, не могу без тебя. Бедная девчонка утопиться хотела, чтоб позора такого избежать. Хорошо, что я по близости была, так вовремя от русалок отбила. А она еще тебя и выгораживала. Слава Богу, что в скором времени Ждан ее замуж взял беременную и от позора сберег. А ты, сволочь такая, жил в свое удовольствие, и не о чем не беспокоился. – Задыхаясь и глотая судорожно воздух, возмущалась я.

– Мне плевать на нее, мне нужна только ты. – Томно прошептал Аурел и своей рукой медленно стал задира́ть мне подол сарафана. – Я хочу только тебя. Пойми...

Такой наглости я от него с роду не ожидала и со злостью откинула его руку, которая поднимала подол все выше.

– А вот теперь ты меня пойми. Я тебя не люблю. – Гневно выкрикнула я.

На этих словах, лицо Аурела нахмурилось, а глаза вспыхнули от ярости. На висках и лбу вены вздулись и потемнели. Он своей рукой смел все, что лежало на платке, перевернул кувшинчик, и вино разлилось по устланному соломой полу. Я поняла, что от такого бешеного ничего хорошего ждать не придется и надо срочно драпать отсюда подальше. Не успела я об этом подумать, как мои самые худшие опасения подтвердились. Аурел вышел из себя.

– Так я и думал, что по-хорошему ты не захочешь, придется с тобой по-плохому. – Со злостью, сквозь зубы сказал он, поднимаясь с места.

Я испугалась, так как не знала чего от него ждать. Его большая крепкая фигура возвысилась надо мной, и я почувствовала себя маленькой беззащитной девочкой. Его глаза смотрели в мои, пристально, не отводя взгляда, который превратился в злой и суровый. Я попыталась тоже встать, но его крепкие руки удержали меня за плечи на месте. Понятно, что сам, по доброй воле, он меня не выпустит из часовни, поэтому я решила сказать, что угодно, чтобы разрядить и без того напряженную обстановку. У меня с губ сорвалось первое, что пришло в голову.

– А по-плохому, это как?

– Сейчас сама увидишь! – Осипшим голосом, почти шепотом сказал он.

Аурел грубо схватил меня за косу и повалил к земле, а сам завалился сверху на меня. Я поняла, что дело дрянь, и что неприятности так и ходят за мной по пятам. Как и в прошлый раз, я пыталась вырваться, но все мои старания были тщетны. Я попыталась закричать, но он накрыл мои губы, своими, и грубо вторгся в мой рот скользким языком. Меня передернуло.

– Теперь – то ты уже не такая гордая? Где же твои шуточки? Подожди малышка, скоро все закончится и от позора тебя смогу спасти только я. – Окати́л он своим горячим дыханием мое ухо. – Теперь, ты не сможешь отказать мне.

– Помо... – Попыталась я выкрикнуть, но Аурел прикрыл рот ладонью.

– Ты можешь кричать, сколько тебе хочется, но никто тебя не услышит. Музыка на ярмарке очень громко играет. Я все точно продумал: для начала я собирался напоить тебя, но ты меня опередила. Видишь? Как все удачно складывается. Это судьба, моя радость.

Его левая рука обхватила мои запястья и пригвоздила руки к полу над головой так, чтоб я осталась обездвиженной и не могла сопротивляться. А своей правой, он расстегнул жилетку, оторвав несколько пуговиц, затем принялся за сарафан. Обнажив мою грудь, он стал сжимать ее до боли. От моих усердий и попыток увернуться от его грубых ласк, волосы растрепались, а силы стремительно покидали меня. Сердце жгло огнем, полное ненависти и гнева. Еще чуть –

чуть и я разрыдаюсь в истерике. На все мои мольбы и просьбы оставить меня в покое, Аурел отвечал новыми грубыми прикосновениями и поцелуями. Тело трясло от стыда и шока. Своим коленом я почувствовала его напрягшийся орган, готовый вырваться наружу и надругаться надо мной. Сил больше не осталось, даже на то, чтобы сдерживать слезы, а бороться с этим боровом было бесполезно, и я разрыдалась в голос. Я понимала, что если, ничего не предприму, то он меня в действительности обесчестит и превратит жизнь в бесконечный кошмар. Этого я никак не могла допустить.

– Штефан убьет тебя, как собаку. – Выкрикнула я, сотрясаясь рыданиями.

– Тише, тише, моя детка. Не бойся, я женюсь на тебе, и все мы станем одной большой семьей. Штефан же не убьет своего зятя? – Прошептал насмешливо Аурел, не отвлекаясь от лобызаний моего тела.

– Ах ты, больной придурок. Ты мне противен. Отвали от меня. Я все равно не буду твоей. Лучше утоплюсь.

– Нет, нет. Моя милая, никто топиться не будет. Я обещаю, тебе понравится. И если ты не будешь сопротивляться, то я смогу доставить тебе удовольствие. – Улыбаясь, сказал он осипшим голосом.

Затем, своим коленом раздвинул мои обездвиженные ноги и начал задирает мне сарафан.

«Это конец!» – Пронеслось у меня в голове.

– Прошу, отпусти. Я сделаю все, что ты хочешь. – Слезно умоляла я.

Аурел прервал свои «ласки» и посмотрел мне в глаза, провел с нежностью своей ладонью по моей мокрой и горячей щеке, убрал прилипшие пряди волос с глаз.

– Ну, Маришенька, золотце, я хочу тебя... прямо сейчас. – Умоляюще прошептал он мне в губы и впился в них страстным и одновременно нежным поцелуем.

– Хорошо... Только, после свадьбы... Я соглашусь выйти за тебя, если ты меня сейчас отпустишь. Решила прибегнуть я к хитрости и выиграть немного времени. Но, какая то, часть меня говорила, что это неизбежно, так как Аурел не отступит от своего, видимо, этому суждено случиться. Может в действительности пришло время покориться судьбе? – Слышишь. Согласна. Только отпусти.

Каждое слово давалось мне с трудом и это не от вина, так как от такого потрясения я окончательно протрезвела. Хотя я и находилась в лежащем положении, все же ощущала головокружение, и причиной этому была истерика, которая подчинила всю меня. Я с надеждой вглядывалась в серые глаза Аурела и ждала его действий. И он медленно и ласково, своей рукой проскользил по моей груди, потом переместил руку и скользнул по ноге, неприкрытой сарафаном. Его пальцы поднимались все выше и выше, пока не нашли сакральное место на моем теле.

Я взвизгнула, но уже не сопротивлялась, а просто отвернула голову. Я чувствовала его прикосновение сквозь ткань нижнего белья. Горячие слезы заструились по щекам с новой силой. Волна обжигающего жара окатила мое тело. Мои груди напряглись, а тело сделалось каменным. Я непроизвольно выгнулась. Понимая, что это уже неизбежно и вот – вот случиться необратимое, я сжала свои веки с силой. Сердце бешено колотилось в груди, готовое выпрыгнуть в любой момент. Пару секунд тишины, казались мне страшной пыткой, в конце которой решится моя судьба.

Я ждала его реакции.

Аурел своими пальцами проник под белье. Краска стыда залила мое лицо, а в секретном месте обожгло огнем. Внизу живота, что-то сжалось, а сердце замерло. На мгновение он остановился.

– Ты, правда, согласна выйти за меня? – Напрягшись, переспросил он.

– Только если ты сейчас же меня отпустишь. – Жалостливо пропищала я.

– Моя малышка, ты же тоже хочешь этого. Как я могу отпустить тебя в такой момент, оставив неудовлетворенной. Я хочу, чтобы нам обоим было хорошо.

– Я ничего не хочу...

– Это не правда. Зачем ты мне врешь, ведь ты там абсолютно мокрая. Значит, ты готова, выпустить меня в себя.

От его доводов мне стало противно, особенно осознавая, что мое тело – предало хозяйку. В действительности, такие прикосновения для меня были впервые, и когда он нежно касался, то я ощущала возбуждение, но мой разум сопротивлялся, так как этот мужчина был мне противен. Его настойчивость, меня пугала, ведь Аурела не интересовали мои желания, этот эгоист пытался воплотить в жизнь только свои.

– Только не так... И не здесь. Прошу? – Всхлипывая, умоляла я, позабыв о собственной гордости.

Кажется, мои мольбы разжалобили мужчину и его голос стал ласковее. Он вытер слезы с моего лица и сказал.

– Я отпущу тебя, только с одним условием – сегодня же сватовство!

– Нет, не так быстро. – Возмутилась я, отрицательно качая головой.

– Это мое условие. И ты никому не расскажешь, за нашу договоренность, даже брату, иначе я на всю деревню заявлю, что был с тобой и тебе в век, не смыть этого позора. – Строго сказал Аурел, и, выждав немного времени, задал вопрос. – Так что, ты согласна? Или все же мне продолжить убеждения, пока ты сама не отдашься мне в этих развалинах?

– Да, согласна. Ты чертов шантажист и мошенник. – Зло выкрикнула я. – А теперь слезь с меня.

Я заметила, что ему нелегко справиться со своим возбуждением, ведь его мужское достоинство оттягивало штаны из грубой ткани, но все же он, как и обещал, освободил меня из своих загибающих клешней. Теперь, хочется мне или нет, я должна стать его невестой и этого не изменить.

Аурел помог мне подняться и даже привести себя в порядок. Его лицо светилось от превосходства над моей поверженной гордостью. Он победил, получил, что хотел, то есть, пока что, мое согласие на свадьбу с ним, но после обручения, получит и мое тело. Никогда не думала, что буду так бояться замужества, а особенно того, что следует в брачную ночь. Да, выбор у меня не велик: либо утопиться, либо сгинуть в лесу, чтобы избежать обручальной церемонии. Над этими вопросами, я решила подумать позже.

– На закате, я приду с родственниками, что бы засватать тебя. Так что без глупостей. – Ехидно, предупредил он.

– Да, хорошо. Но, только до заката я еще свободная женщина. Так что будь любезен, не мелькай передо мной. Не хочу видеть твою наглую рожу до вечера. – Огрызнулась я, выбирая солому из своих волос.

На мои слова Аурел, грозно посмотрел на меня своими серыми глазами, затем прижал меня к стенке, а сам, упираясь руками в каменную кладку, навис надо мной.

– Ты еще пока не женщина, а всего – на всего грубая девчонка, но я обещаю, что вскоре сделаю тебя податливой и послушной. – Проговорил он строго и опустил руки ниже моей талии, а потом вцепился в мои губы.

Своей рукой, он вздернул вверх край подола, обхватил своей лапищей мою лодыжку и зафиксировал ее в воздухе. Оторвался от губ и, другой ладонью накрыл мой рот.

Сердце остановилось, и сознание было готово покинуть меня.

Позади себя, у дверей, я услышала чье-то жуткое рычание. Аурел тоже услышал его и отстранился. Я, сотрясаясь от страха, повернула голову и увидела, что на входе в развалины стоял крупный белый волк. Он скалил свои желтоватые зубы, с которых на землю капали слюни, а из его пасти вырывался жуткий утробный рык, от которого в венах застыла кровь, а по хребту пробежал холодок. Его густая шерсть стояла дыбом на холке, а его жуткие красные глаза светились, как тлеющие угли. Этот свирепый хищник был готов кинуться в любой

момент. Его пристальный взгляд был направлен на Аурела, который стоял, открыв рот, перепуганный до смерти. Волк сделал пару шагов навстречу мужчине, и тот начал медленно, подгибая ноги, пятиться назад.

«Чего же ты стоишь? Сделай же что-нибудь! Беги!» – Пронесся у меня в голове чужой голос, и это точно был не мой.

Я всегда была трусихой, сколько себя помню, но сейчас, меня словно толкала какая-то невидимая сила. И пока руки мои были свободны, я стала шарить по каменной кладке и наткнулась, на какие – то деревянные палки, стоящие у стены. Я схватила первую, попавшую под руки, к счастью, та оказалась не тяжелой, и со всего маху ударила своего будущего мужа по спине. Тот рухнул на колени, громко матерясь, а я тем временем сорвалась на бег. Выскочив из развалин, на непослушных, подгибающихся ногах, и утирая зарезанное лицо, я поплелась в сторону рыночной площади в поисках защиты и поддержки брата.

Аурел.

Глаза девушки были полны страха, но я от этого еще больше возбуждался, особенно, когда ее тело было так близко от меня, а ее напрягшиеся груди упирались мне в живот. Было невероятно приятно сбить спесь с тщеславной пигалицы, тем более что, она уже не такая смелая и острая на язычок. Ее стенания и унижения были, как бальзам на душу.

Пригвождая Марику к стене, я уже не мог остановиться от желания вторгнуться в «святая святых», и мое сердце ликовало от предстоящей победы, так как отпустить девушку «невероятной» у меня и в мыслях не было. Все шло точно по плану: ее состояние соответствовало алкогольному запаху, да, и согласия на свадьбу я уже получил, осталось дело за малым...

«А, Штефану потом скажу, что все случилось по обоюдному согласию. А если эта дурочка, все же решит раскрыть свой рот, скажу, мол, я в любви признался, и замуж позвал, а та, пьяная, себя не контролировала, и на радостях сама полезла, а я влюбленный дурак, устоять не смог, мужчина, как ни как».

Я скинул на свою талию ее ногу, и чтобы Марика не могла раздражать меня своим визгом во время удовлетворения, прикрыл ее чудный ротик своей рукой.

Сбоку от себя, я почувствовал, чей – то тяжелый и злой взгляд прожигает душу насквозь. Мне стало не по себе, от того, здесь, мог оказаться Штэфан, но когда до меня донесся ужасающий звериный рык, холодивший кровь, я перевел свой взгляд с девушки на вход в часовню и увидел, как на меня из тени смотрели два горящих огонька.

Мне пришлось высвободить девушку и отступить назад, чтобы увеличить расстояние между мной и волком, на тот случай, если животное решит атаковать.

Вдруг, мой хребет пронзила адская боль от удара тяжелым предметом, и я, не удержавшись на ногах, осел на пол. Как только боль утихла, и я смог выпрямиться, то обнаружил, что в часовне, кроме меня никого больше не было.

Помчаться вслед за Маришкой не было сил, к тому же, пережитый только что ужас и легкое оцепенение от неожиданной встречи отложило свой отпечаток на мои движения. Пришлось возвращаться в деревню.

«Вот дрянь! Не было и дня, чтобы я не получил увечья от этой смазливой соплячки. И откуда появилось животное? Иногда к нам в деревню выходили волки из леса, но никогда не нападали днем, да еще и в одиночку. А этот зверь не был похож на простого волка, уж я-то их за всю жизнь перевидал, и не у одного хищника не было светящихся адским пламенем глаз, а у этого представителя волчьего братства, глаза пылали неистовым гневом и ненавистью, словно тот был порождением самого сатаны. У меня, даже, сложилось такое впечатление, что он защищал Марику. Что за чертовщина? Нет, скорей всего мне это просто показалось, так как, стоило мне моргнуть, как животное, бесследно исчезло, оставив меня перепуганным до смерти. Это, всего – лишь мои расшатанные нервы». – Уверял я себя.

Маришке вновь удалось ускользнуть, и на этот раз ее спасло причудившееся мне страшное видение, по крайней мере, я убедил себя в том, что мой разум в момент сильнейшего перевозбуждения сыграл со мной злую шутку.

Пересекая ров, я понемногу успокоился, и мысли вновь потекли в свое русло.

– М-м-м. – Я возобновлял в памяти ее запах, цвет ее волос, вкус ее губ.

«Такая сладкая и хорошенькая девочка, и скоро она будет только моей. Еще бы чуть-чуть, и она впустила бы меня в свое тело. Я был к ней так близко, касался ее упругих грудок, целовал, где хотел и ласкал, как хотел. Ощущал ее волосы, губы, животик, ножки. Ах, как же приятно было прикасаться к ее влажной ды... чке. Особенное удовольствие видеть, как она изгибается под моими руками. Я наблюдал за ее лицом в тот самый момент, когда мои пальцы нащупали этот набухший кусочек рая. Безусловно, она была напугана, но так же я увидел в ее глазах волнение, и возбуждение, от которого ее щеки краснели. Я так хотел ее в этот момент, что от перевозбуждения, чуть не извергся прежде, чем мог бы овладеть ею. Ее тело просто сладкий кусочек пирога, который так хочется откусить. Господи? Как так можно желать одну женщину, сгорая от страсти? Сил больше нет воздерживаться. Теперь, когда я видел все прелести этой дьяволицы, меня не покидает сильное возбуждение, которое сравнимо со страданием.

Все же мой план удался, к сожалению не полностью, но результат на лицо, она дала слово, что выйдет за меня, и нарушить его не посмеет, так как в наших краях невыполнение данного слова считается очень серьезным преступлением.

«Сегодня же, после обручения, на правах жениха, я заберу Марику в свой дом и этой же ночью сделаю с ней все, что мне вздумается, и мне плевать, хочет она этого или нет... Она заслуживает этого».

Я вошел к себе во двор, где отец и дед, сидя на пороге, курили самокрутки, и оживленно беседовали о прошедших утром конных скачках.

– О, Аурел, ты уже вернулся? Что-то ты быстро. – Спросил проницательный дед (и как ему удастся читать по лицу?). – Что-то случилось?

– Да. Собирай всех наших. Сегодня пойдем за моей невестой.

– Это какой же из них? – Поддел отец, наслышанный о похождениях своего отпрыска, то есть меня.

– За девчонкой Копош? – Уточнил глава семьи, пристально вглядываясь в лицо.

Я кивнул головой.

– Я вижу ты не оставил эту идею? Ну, что ж, так тому и быть. Иди к братьям и позови их.

– Неужели я дожил до твоей помолвки, а то ненароком думал, что ты уж вечным холостяком останешься. – Снова решил сострить отец.

– Так, ну что ж мы сидим, надо же собираться, да и баранов покрупней выбрать, пока светло, чтоб перед сватами невесты не выглядеть скупыми. – В слух, рассуждал дед, а затем, нахмутив брови, спросил. – Аурел, что – то я радости на твоём лице не вижу. Девчонка хоть согласна?

– Да, согласна. – Раздраженно бросил я в ответ.

– Интересно, как ты ее убедил? – Усмехнулся отец и потушил ногой окурочек. – Ну, коль так, то это похвально – что умеешь своего добиваться.

Отвечать на издевательский сарказм отца я не стал, а молча, направился в дом к старшему брату Корнелу, чтоб позвать его семью на торжество, затем и к Сорину. Оба моих брата были очень счастливы, что я, наконец – то остепенился, а их жены сетовали: «что за девушка расчудесная, которая все же смогла околдовать такого завидного жениха».

Все суетились, готовили вещи и подарки новым родственникам. Корнел – старший брат, в кузнице которого я работаю и обучаюсь ремеслу, достал свои новые охотничьи ножи, которые недавно сделал, что бы преподнести в дар Штефану

По местному обычаю, на сватовство, родным жениха положено выкупать невесту, и чем красивей и трудолюбивей девушка, тем больше за нее дают. Коли, родители невесты довольны предложенным за свою дочь добром, и невеста согласна на свадьбу, то жених, после застолья забирает будущую супругу к себе в дом, где они будут жить вместе. Если же, жизнь их ладится, то по пришествию месяца, молодым играют свадьбу, а если нет, то девушка может вернуться в отчий дом, конечно, если, их союз не был консумирован или жених, сам не прогонит ее за несоответствие его требованиям. В нашей деревне были и такие случаи, но редко. В основном, молодые боялись навлечь на себя позор и наветы злых языков, поэтому мирились с отрицательными качествами своих половинок и играли свадьбу, которая связывала их до смерти одного из супругов. И как бы трудна не была их семейная, совместная жизнь, разойтись после свадебного ритуала они не имели права.

Вот поэтому, я долго не мог определиться с выбором невесты, потому как свадьба накладывала определенные обязанности – жить с одной женщиной всю жизнь. А мне, моя холостяцкая жизнь была по нраву: накормлен, обстиран, да и постель мою, каждый раз новое тело согревало, и без этих всех брачных заморочек. Но все было так до появления Маришки. Сам не знаю, когда стал обращать на нее внимание, ведь по детству она была жуткой занудой, ходившей всюду за старшим братом и достававшей нас своей любознательностью. Но в какой-то момент, из плоскогрудой, конопатой задиры, она превратилась в настоящую красавицу, взгляд которой, кипятил кровь и заставлял плоть в штанах шевелиться.

Пока все бегали и выбирали, что им одеть, мое настроение немного поднялось, глядя на счастливые лица родных. Главное теперь, чтоб Маришка ничего не выкинула, а то будет очень неприятно, если эта чертовка задумает глупость.

К тому моменту, когда все гостинцы для семьи Копош были собраны, а родственники толпились у порога, я достал из своего сундука с вещами сверток, который заранее приготовил для Маришки. Напоследок, я развернул его, проверяя содержимое по привычке. Там, под куском ткани была сокрыта расписная деревянная шкатулка. В нее я положил серебряный браслет с хризолитом – зелеными камнями, схожими по цвету с глазами Марики. Это украшения я берег для особого случая. Я захлопнул крышку, бросил взгляд на свою одинокую кровать, представил, что этой ночью в ней будет обнаженная Маришка. От этих мыслей, в груди потеплело, и я приободренный, направился во двор, где нетерпеливые родственники громко и весело, что-то обсуждали.

В доме семьи Копош тоже была суэта. Женщины озабоченно сновали по дому, выкладывая на стол разные блюда: мясо, сливовицу, пироги, вино, хлеб, козий сыр и т. д. Дед Сагир с остальными мужчинами из нашей семьи вышел во двор, чтобы похвастаться своим поголовьем скота. Я же остался в доме со Штефаном, который пришел с базара незадолго до нас.

– Я так понимаю, сегодняшний разговор с Маришкой, прошел удачно? – Спросил Штефан, искоса глядя на меня.

– Да, как видишь, удачно.

– Так мне все же интересно. – Допрашивал друг. – Почему Маришка так быстро согласилась?

– Просто я умею уговаривать. – Ответил я, усаживаясь на лавку, стоящую возле стола.

Я подтянул к себе кувшин с вином и наполнил чарку, затем сделал большой глоток, но не для того чтобы утолить жажду, а чтобы снять напряжение.

– Я надеюсь, ты не выкинул ничего постыдного? – Напрягся Штефан.

– Успокойся, мы серьезно поговорили. Я рассказал ей о своих чувствах, и она растаяла. – С чувством победителя, произнес я.

– Что-то верится с трудом. – Выдохнул приятель и скрестил руки на груди. – Я знаю свою сестру, она очень упряма и если уж чего не хочет, то ее и под страхом смерти не заставить. А ты утверждаешь, что убедил ее.

Тут, к моему счастью, нашу беседу прервала моя будущая теща.

– Штефан, скоро закат, а Маришки еще нет. Сходи на ярмарку. Может она там еще болтается? А то, перед сватами неудобно.

В окне, выходящее на хоздвор, я заметил промелькнувшую копну золотых волос, а потом услышал, как упало, что – то глиняное и с глухим стуком разбилось. Я сразу же подумал, что это могла быть Маришка, поскольку, только она умудрялась нести за собой порчу имущества, не прилагая к этому особых усилий.

– А вот и сама виновница торжества. – Радостно, всплеснула руками бабушка.

Я заметил, что все в этом доме на моей стороне, кроме Штефана. Я его полностью понимаю, ведь Маришка его любимая маленькая сестричка, которую он любил и оберегал и часто мирился с ее зловредным характером. К тому же, он хорошо знал меня и не всегда одобрял мои поступки.

– Я сам схожу за ней, доамнулэ (уважительное обращение к женщине, обозначающее, госпожа или хозяйка).

– Ой, спасибо Аурел. Приведи ее, пока она голову себе не разбила. – Усмехнулась женщина.

Я вышел во двор, и направился в сторону хлева. Отпер деревянную дверь, отделявшую двор от загонов со скотом, и стал выискивать, где могла спрятаться несносная девчонка.

– Маришка, выходи. – Приказал я, но ответа, или каких – либо действий с ее стороны не последовало.

Я постарался сменить тон на более ласковый, чтобы напомнить ей о нашем договоре.

– Ты согласилась выйти за меня. Помнишь? Ты дала слово... Хватит прятаться. Выходи!

Но ничего в ответ я не получил, лишь блеянье баранов из сарая и отдаленное лаянья соседских собак донеслось до меня.

– Маришка, я не шучу. Выходи. – Раздражительно, сказал я, сквозь зубы.

В ответ, опять тишина. Мне показалось это подозрительным. Я заглянул в каждый уголок сарайчиков, но ее там не оказалось. Тогда я высунулся через сбитый из старых досок забор и увидел отдаленную фигуру девушки, бегущей по соседским огородам, прочь.

«Вот же стерва, опять меня хочет оставить в дураках. Но так даже лучше. Теперь я приволоку ее за волосы на нашу с ней помолвку, через всю деревню. Больше со мной этот номер не пройдет!»

– Маришка! – Гневно выкрикнул я ей в след.

Ее голова повернулась на мгновение, а затем она вся исчезла за изгородью соседских грядок. Видимо, она споткнулась или упала.

«Надо догнать эту дрянь и поучить ее манерам».

– Что случилось? Где моя сестра? – Выскочил Штефан из дома. Он был взволнован и напряжен.

– Она опять сбежала. – Выкрикнул я, чувствуя, как злость накатывает на меня.

– Ты говорил, она дала согласие? Так с чего же ей сбежать от жениха? – Схватил друг меня за плече.

Я отдернул его руку с силой и рванул со двора, что бы вернуть Марику.

– Не глупи, Аурел. Дай ей все самой решить. – Кричал мне в спину Штефан.

Тадэуш.

Удивительный край карпатских гор. В нем все дышит сказками, легендами, свежим горным воздухом и невообразимой красотой местного ландшафта. Каждое дерево, камень, ручей, воздух, все, пропитано каким-то особенным смыслом. Ощущение легкости и нереальности,

словно я попал в какую-то сказочную страну. Все, что меня окружает, наполнено мистикой. Даже сегодняшний день, казалось бы, обычный праздник, был наполнен одурманивающим ароматом, кого-то странного и не видимого полога. Но может, я себя так чувствую из-за выпитого вина, которое Маришка так хитро выживала у местных торгашей.

Мои ноги гудели от бесконечных танцев и хороводов, а голова кружилась, точно жернов на мельнице, перетирая зерна невзгод, случившиеся со мной и моей семьей, в белую пыль. Сейчас, я пребывал в состоянии легкой эйфории, которая погрузила меня в полное беспмятство, а вся тяжесть от потерь и проблем отошла на второй план. Можно сказать, что в данный момент я был абсолютно счастлив.

К концу очередного танца, я был готов свалиться без чувств, и мне срочно нужна была передышка. Музыканты завершили очередную, веселую композицию и тут же принялись наигрывать другую, но на этот раз мелодия была спокойной, по-моему, даже печальной, полностью противоположна предыдущей музыке. Кольцо из держащих друг друга за руки девушек и парней стало рассыпаться и образовывать новые звенья по четыре человека, а затем они, вторя музыке, разбились на пары.

Воспользовавшись моментом, когда, стоящая рядом девчонка неприглядной наружности освободила мою руку, я выскользнул из круга, и, пошатываясь, направился искать Маришку, так как в последний раз я видел ее, когда она впихнула меня в центр хоровода, а это было, примерно десять танцев назад.

Отойдя чуть дальше от поляны, отведенной для танцев, я, случайно зацепился головой о гирлянду из чеснока, подвешенной между двух столбов. Только сейчас смог заметить, что такие же украшали всю ярмарочную площадь.

Странные предрассудки местных, больше не беспокоили меня, так как я считаю, что местные поверья о вампирах и другой нечисти, всего лишь, пережиток прошлого, выдуманные легенды национального фольклора для поддержания интереса к обычаям предков. А на счет рассказов деда Микулэ о смертях, от якобы вампирских зубов, думаю, что любую болезнь, можно объяснить с научной точки зрения, так как сам был свидетелем в медицинской школе, как многие страдающие от чумы, верили, что на них наслали порчу, некоторые, считали, что в них даже вселился злой дух. Но я-то знал, что виной всему наводнившие город крысы, которые разносили заразу, как ветер развивает пыль.

Но все же что-то в этой деревне есть, по – мимо красочных пейзажей и веселого нрава жителей. Какое – то сокрытое зло, от которого веет могильным холодом. Оно ощущается кожей и нутром, особенно это чувствуется с приходом сумерек. Я часто плохо сплю по ночам, а вид замка в горах, так вообще вызывает во мне леденящий ужас, природу которого, я не могу объяснить. Дед Петру Микулэ, озабоченный моим состоянием повесил мне на шею оберег, сплетенный из тесьмы и птичьих перьев и оберегающих заклинаний, как позже мне признался. Я не был уверен, что эта безделушка на шее поможет мне, но с ней, мне было почему – то спокойней. К несчастью, именно сегодня я забыл ее надеть, выходя из бани.

Чья-то ладонь обхватила мое запястье, и я, обрадовавшись мыслям, что это может оказаться Маришка, обернулся. Моя улыбка тут же слетела с лица, когда, вместо своей очаровательной подруги, я увидел неприглядное лицо с раскосыми глазами. Это была та самая девчонка, что во время танцев вцепилась в меня железной хваткой и не давала расслабиться не на секунду.

– Пойдем танцевать. – Потянула она меня в сторону кружащихся парочек.

– Нет, спасибо. – Остановился я и попытался вежливо отклонить предложение. – На сегодня я достаточно наплясался. Больше не могу.

«Видимо я ей приглянулся, поэтому и прилипла». – Подумал я.

А вот она мне не очень, так как ее большие, раскосые глаза настораживали, и вообще она не обладала естественной привлекательностью. Здесь, на танцевальной полянке, было множество привлекательных молодых девиц, но не одна из них не могла сравниться с моей подругой.

Девушка бросила на меня хмурый взгляд (хотя, со взглядом было не понятно, так как один ее глаз смотрел куда-то в сторону, так что я не могу с полной уверенностью сказать, какой он был), и пожала плечами, затем выпустила мою руку и поглядывая в мою сторону, ушла.

Наконец – то избавившись от Михаэлы (кажется, девушка представилась таким именем во время танца), я побрел искать Марику. На ярмарке ее уже нигде не было, и я решил, что она просто ушла домой, не дождавшись меня. Поскольку подруга была свободна только до вечера, а сейчас уже солнце клонилось к закату, я подумал, что и мне здесь больше делать нечего, и направился в лесной домик деда Микулэ, пока еще не стемнело.

Я обошел крайний дом, стоящий перед речкой и услышал, как кто-то меня зовет. Я обернулся и был ужасно удивлен. За мной по пятам бежала та, «глазастая» девчонка. Я закатил глаза к небу и чертыхнулся.

– Тадэуш. Ты так рано уходишь? – Улыбалась девушка.

– Да, мне пора.

– Может все – таки останешься? Хотя бы еще чуть – чуть?

– Извини. – Запнулся я и устало улыбнулся. – Я просто очень устал.

– Тогда может, здесь постоим? – Оглянулась по сторонам Михаэла и подошла ко мне очень близко, почти вплотную.

Я попытался отстраниться, но эта смелая девица обняла меня за плечи и поцеловала в губы. Я дернулся и отошел на пару шагов в недоумении.

– Я что, тебе не нравлюсь? – Прищурив и без того страшные глаза, обиженно, прошептала та.

– Прости. Я не уверен, что это уместно.

– Ты, что влюблен в эту дуру, Марику Копош? – Разозлилась девушка.

– Что? Не называй ее так. Она моя подруга, вообще – то. – Возмутился я. – И вообще, тебя не касается!

– Ну, да, конечно же. Все мужики в деревне, что с ума по – сходили что ли? Только и слышно Марика, Марика. – Раздраженно верещала девица, сжав свои кулаки. – То один, то второй о ней только и говорит. Аурел, так вообще за ней по пятам ходит. Да и ты, туда же. Она, вас что, заворожила? Что б ее вурдалак покусал!

– Я не понимаю, что тебе вообще надо от меня? Чего пристала? – Выразился я так, как это сделала бы Марика. Видно общение с ней на меня дурно влияет, так как сам стал замечать за собой, проявления ее характера. Как говорить дурной пример заразителен. Но все-таки это подействовало. И обозленная девушка, грозно окинула меня (мне так показалось, но на самом деле ее глаза смотрели в разные стороны) взглядом своих косых глаз, и потопала прочь от меня.

Я тоже поспешил уйти. Но пока я «беседовал» с Михаэлой, солнце уже закатилось за лес и на сиреневом небе появились первые звезды. Я, взбудораженный и немного раздраженный неприятным высказыванием девицы о моей подруге, ускорил шаг, перешел, через речку и пошел вдоль лесной тропы, чтобы сократить путь.

Задумчивый, я шел между стволами деревьев и рассуждал о том, что Маришке нужно быть осторожней и сократить общение с местными девчонками до минимума, ведь с тем, как пополнялись ряды ее воздыхателей, так же росло и число ее врагов и завистниц. Я точно знал, что подруга здесь не причем, так как ей было все равно на сильный пол, что казалось странным при ее внешности, но девицы думали иначе. К примеру, взять эту сумасшедшую Михаэлу, возмнившую о себе черт знает что, так она вообще обвинила Маришку, чуть ли не ведьмой.

Я заметил, что тропинка, которая должна была сократить мой путь, почему-то его увеличила и в недоумении, стал вертеться по сторонам. Лес заволокло сумерками и, засыпанная

опавшими листьями и хвойными иголками тропа, слилась с землей. И тут я заметил, что в ночной темноте сбился с дороги. Вероятно, я сошел с трапы, не разглядев ее, как следует, и углубился в лес.

«Так, без паники». – Сказал я сам себе. – «Далеко я не мог уйти. Нужно двигаться туда, где деревья растут реже. Так я смогу вновь выйти на дорожку».

Вдруг, среди деревьев что-то мелькнуло. Издали я не смог разглядеть, но это было, что-то большое. Оно плавно двигалось, не касаясь земли. Я стоял завороченный этим зрелищем и не мог отвести глаз. Это легкое парящее облако плыло в мою сторону. Я почувствовал сковавший меня холод, а щебетающие птицы замолкли, погружая ночной лес в мертвую тишину, которая давила на слух. Когда этот объект становился ближе, в свете лунных лучей, пробивающихся через кроны деревьев, я начал узнавать в нем человеческий силуэт, и он явно был женский. Внезапно, я почувствовал легкость во всем теле, а мои ноги, словно сделались из ваты. Меня пошатнуло, но я попытался устоять на месте и так же продолжал смотреть на приближение женской фигуры. Я чувствовал на себе ее взгляд и не мог пошевелиться. Загадочная девушка продолжала свой путь, и вскоре я смог различить ее божественную красоту, от которой потерял дар речи.

Ее кожа была, как фарфор, такая же белая, гладкая и сияющая, а лоснящиеся черные волосы, струились по хрупким плечикам девушки, как тихий водопад. Ее притягательная фигура была скрыта за роскошными воздушными тканями, которые, как и ее аромат, выдавали благородное происхождения девушки (так как, такие изысканные наряды и благовония не характерны для местных крестьянок). Но особенно меня поразили, ее необыкновенные, мерцающие глаза, излучающие свет огненного пламени. Взгляд этих сказочных глаз, казалось, заглядывают в самую душу, видят саму суть человека и заставляют повиноваться.

Я попытался заговорить с ней, или отвести взгляд, но мое тело бут – то отказало. Оно больше мне не подчинялось, превратив меня в подобие безмолвной статуи, способной мыслить, но лишенной, какой-либо воли.

– Кто ты?

Ее голос был словно звон ручейка, как у Маришки, но более мелодичней и звучный. Каждое слово незнакомка, словно пропевала, растягивала и смаковала на вкус.

Я снова попытался заговорить – но тщетно. А она засмеялась, и этот смех больше был похож на многоголосие колокольчиков.

– Какая жалость. Ты, наверное, заблудился, бедный юноша? – Пролепетала прекрасная незнакомка, она подошла совсем близко и усмехнулась. – Совсем один и без этих всяких защитных штучек? Да ты просто находка для меня. А ты даже очень красивый юноша, жаль будет с тобой расставаться.

Девушка медленно протянула свою белую ручку к моему лицу и ладонью дотронулась к щеке, затем, игриво улыбнулась и поцеловала меня в губы.

Я вскрикнул от ужаса происходящего, но не от того, что за сегодняшний вечер это уже второй случай беспринципного поведения женщин, а от того, что, когда незнакомка улыбнулась, я четко увидел два острых клыка, блеснувших из-под ее губ.

Я тут же вспомнил рассказы деда Микулэ и Марики про живых мертвецов, которые питаются кровью живых людей.

«Какой же я дурак, ведь я в это не верил».

Мне стало не по себе, а сердце пронзило холодом. Я почувствовал, как на руках и голове зашевелились волосы, и меня сковал первобытный страх. Он цепко зацепился за мой разум. Хотелось кричать и бежать, но вместо этого, я стоял неподвижно, как статуэтка. Мое бедное сердце неистово колотилось, что мне подумалось – оно не выдержит и разорвется. Воздуха стало катастрофически не хватать. Я задыхался.

– Ты такой милашка, что мне хочется целовать тебя ..., – томно шептала она, сгорая от страсти, – ... в шею. Ведь ты не откажешь мне попробовать твоей горячей крови.

Ее губы были, как лед, а от поцелуев и прикосновений веяло могильным холодом, из-за которых по моему телу пробежали миллиарды мурашек, но самое страшное было то, что своей кожей я не чувствовал ее горячего дыхания. Его просто напросто не было!

Ощущения, которые исходили от девушки, были хорошо мне знакомы. Там в лазарете, куда сносили покойников, я касался их окоченевших тел, от которых исходил такой же могильный холод и запах тления. Их умертвил поцелуй черной смерти, и теперь я знал своим сердцем, что и эта девушка, тоже подарит мне поцелуй, который станет для меня последним.

То состояния, в котором я оказался, пугало и возбуждало одновременно. Я стал неподвластным своей воли и своим желаниям. Я точно знал, что зло опутало мое тело и пытается завладеть душой. Но, увы, бороться с ним мне не под силу. И я как агнец шел на закланье, послушно следовал своей судьбе.

Ее зубы прокололи мою кожу, и острая боль пронзила тело, но вскоре боль стала приятной и волнующей. Я чувствовал, что страх медленно отступал, а его место заполняло вожделение. Чувствовал, как вместе с горячей кровью из меня выходят жизненные силы, но мне нравилось это ощущение легкости и невесомости. В какой-то момент, я даже был благодарен этому существу за то, что она подарит мне приятное забвение, ведь за свою жизнь я повидал множество смертей, но не одна из них не была такой упоительной. Смерти, которые мне довелось увидеть собственными глазами, были переполнены болью и страданиями тела и души, но то, что делала со мной вампирша, не шло ни в какое сравнение. Я ощущал себя избранным, словно сам Господь снизошел ко мне и преподнес величайший дар – прозрение.

Волна сладострастия накатывала с новой силой, мне было легко и свободно. Своим нутром я ощущал подкрадывающуюся смерть. Ее холодное дыхание остужало мой разум, на границе которого я услышал зовущий меня, знакомый голос.

– Тадэуш? Тадэу! – Голос старика Микулэ становился все громче. – Силы небесные, что же это твориться? Изыйди, сатанинское отродье!

Старик вышел откуда-то из-за деревьев, в своих руках он сжимал деревянное распятие. С неистовым ужасом в глазах, он подскочил к склонившейся надо мной вампирше и ткнул ей в лицо распятием. Та с криком отскочила, словно ей в лицо брызнули кипятком, а Домнул Микулэ встал на мою защиту. Она оскалилась и зашипела как змея, обнажив свои звериные клыки. Ее рот и шея была измазана моей, еще теплой кровью, а глаза ее горели красной ненавистью. Она жадно слизывала кровь со своих губ и пальцев, не желая проронить ни капли. Стригоица наслаждалась, облизывала и посасывала свои когтистые конечности и чуть ли не стонала от удовольствия. Вдруг, ее жесты и движение стали плавными и мягкими, подобно кошке, она сощурила глаза до маленьких сверкающих щелок, и свой жадный взгляд перевела на меня. Я понял она готовится атаковать. Но в тот момент, когда та, кинулась вперед, Петру Микулэ брызнул в нее какой-то жидкостью из маленького стеклянного сосуда. Вампирша ошетижилась и зашипела от ярости, но близко уже не подходила. Теперь то, я увидел всю ее магическую «красоту», она больше походила на злобное взбесившееся животное.

Старик что-то говорил на непонятном мне языке, мне подумалось, что это древне-румынский, хотя я в таком состоянии могу и ошибиться. Его слова пронзали ее, словно мечем, от ударов которого демоница пыталась отбиться, закрываясь руками. Отогнав ее на приличное расстояние от нас, дед Микулэ накинуд на мою шею гирлянду из чеснока, которая прежде висела на его шее, и помог мне подняться.

– Как ты мальчик мой? – Взволнованно спросил старик. – Нужно бежать скорей домой, там мы будем в безопасности.

Старик закинул мою руку себе на плечо и помог двинуться с места. Мне было чертовски тяжело шагать, так как тело было ослабленным, после выкачки крови и ноги плохо подчиня-

лись разуму, но старик тащил меня, словно не чувствовал ноши, и мы все дальше углублялись в чашу.

Откуда-то сверху к нам подлетела вампирша. Она явно не желала упустить свою добычу, но распятие не позволяло ей подобраться ближе, и мы вновь продолжили свой путь, ускоряя шаг настолько это возможно. Хищница шла за нами на расстоянии, не решаясь, напасть снова.

У меня было такое чувство, что святая, невидимая сила причиняла ей боль, и оберегала нас каким – то невидимым пологом, что я уверовал в чудодейственность святого распятия и в силу Божию, против порождений тьмы.

Гримаса брезгливости и одновременной боли исказило лицо стригоицы, и исчадие ада издала жалобный звериный скулеж, от осознания того, что ее добыча выскользнула из-под носа.

Я обернулся на ее зов и потерялся в сиянии расплавленного золота. Взгляд ее тоскливых глаз ранил в самое сердце, что мне даже хотелось оттолкнуть старика и броситься в ее нежные и приятные объятия, но голос учителя возвратил меня из минутного наваждения.

– Не смотри ей в глаза. Она может заморозить. – Встряхнул он мое тело. – Смотри на свет от дома и не отводи глаз. Он уже близко.

Я отвел взгляд, от вампириши преследующей нас, и увидел слабый огонек, который с каждым шагом становился ярче и больше. Дед Петру сказал правду, дом был уже совсем близко, и его льющийся свет из окна, придавал мне силы. Я смог вздохнуть с облегчением.

«Не уже ли, мы в безопасности?»

Маришка.

Мне хотелось рыдать, от того, что я чувствовала себя униженной. Хотелось поскорее смыть с себя грязные прикосновения этого скота. Я его и так на дух не переваривала, а сейчас просто ненавижу. «Этот извращенец чертов, стал мне еще больше отвратителен. Я не хочу за него замуж. Стоит только подумать, что эта сволочь прикасалась своими мерзкими пальцами ко мне, без моего на то позволения, то страшно подумать, что он сделает со мной после свадьбы? Скорей всего даже после обручения, в тот же миг, как на моем запястье окажется обручальный браслет, я тут же расстанусь с невинностью, тем более, эта тупая сволочь дала мне понять, что он намерен это сделать.

Жаль, что у меня нет огромной дрессированной зверюги, которая бы покусала этого извращенца в то самое место, которым Аурел думает. Было бы не плохо!

О, кстати. С чего это, звери, так ополчились на моих «недо» женихов?»

Мне вспомнились все случаи, когда, ухаживающие за мной парни, пытались поцеловать меня, либо обнять, то тут же возникало, какое – то животное, страдающее временным помешательством.

«Все началось с Раду – сына кормчего: нам было лет по двенадцать, кажется. Он первый раз меня поцеловал, и на него кинулась моя кошка и поцарапала. Затем Кэлин – его атаковал орел. Потом еще Богдан – ворон клюнул его в макушку. В общем, этот список был внушителен и с каждым, кто обидел или приставал ко мне, происходили какие – то чудеса. А теперь и этот тролль с ушами получил по заслугам.

Ух, ты как здорово! Может и правда, меня защищает Ангел Хранитель?»

Мысли о наказании моих незадачливых женишков подняли настроение. Теперь я обдумывала план мести «суженному» – на голову контуженному. Да, только как отомстить Аурелу, если он обещал опозорить и сплетни распустить. Э то все понятно, что он солжет, но моя бедная семья не вынесет этого, и, к тому же, я не хочу огорчать их снова. До сих пор себя не могу простить за смерть отца, хоть семья и утверждает, что я не виновата, все же груз ответственности и тягостного осадка отпечатались в моем сердце. А если про меня будут непристойные сказки слагать, то это разобьет им сердце окончательно.

«Черт! Что же мне делать? Как бы выкрутиться из этого болота? Как бы мне и свободу сохранить и семью не обидеть и от этого борова избавиться? Вот как? О, Боже. Надо срочно Дэша найти, может вместе, что придумаем?».

Бежала я без оглядки. Рыночную площадь, можно сказать, перевернула вверх дном, от части, конечно же. Заглянула в каждый закоулочек, каждую норку. Пару раз цеплялась за прилавки своим сарафаном и порвала его немножко, за одно, еще и стеллаж с платками перевернула, не заметила. Три раза сбила с ног прохожих. Ну, не без этого. Перерыла весь рынок, все полянки с хороводами, а Дэша так и не нашла. Решила домой направиться и рассказать все Штефану.

«Может он меня, как всегда пожалеет, приголубит, может этому козлу, в морду даст? Было бы здорово, тогда бы моя репутация не пострадала, чего не могу об этом гаде сказать, поплелся бы домой избитый, опозоренный и не удовлетворенный. Ха – ха. А это мысль! Что – то мне уже и горевать расхотелось, хотя неприятный осадок остался.

На подходе к дому заметила толпу, топчущуюся у нас во дворе. Мужчины, женщины, дети и еще жирдяй какой-то. Я не решилась на пролом идти, мало ли что, поэтому подкралась ближе и спряталась за угол соседского дома, и от туда осторожно выглядывала, пыталась разглядеть незваных гостей.

«Так. Не поняла я юмора. А что в нашем дворе, эта делегация делает? Что за праздник, да еще и меня не позвали? Блин горелый, как некстати эти пришлые, че им вообще – то надо? Приперлись, да еще, когда вечереет на дворе. Твою дивизию! Меня ж мамка лозинкой по спине отстегает, если домой с закатом не поспею!»

Жирдяй во дворе оказался нашим старейшиной, да и остальные тоже знакомы. Вся семья Бырцов пожаловала, и все такие довольные, разодетые.

Когда мне удалось разглядеть людей, то меня затрясло, и я чуть не зарыдала с досады. Паника накатила не детская. Мне пришло в голову, что сволочь белобрысая, выполнил свое обещание и опозорил мое честное имя своим лживым ртом, а эти все пришли, чтоб поглазеть на меня и посудачить.

«Тьфу, ненавижу. Снобы заносчивые. Уж лучше б не добром хвалились, а воспитанием детей. А то вырастили, черт знает кого».

Рассуждала я не долго, так как время меня торопило, но в дом заходить тоже нельзя, поэтому решила обойти жилище с другой стороны, и пройти через хоздвор незамеченной, чтобы послушать, о чем толкуют все эти люди, так как их счастливые и довольные лица ни как не стыковались с моими мыслями.

С ловкостью кошки я пробралась через забор, и пересекла хозяйственный баз. На цыпочках подошла к окну и прилипла спиной к стенке дома, затем заглянула в мутное стекло. Женщины, лица которых нельзя было с точностью разглядеть в искажающем изображении стекле, восторженно порхали по комнатам и отдавали друг другу поручения. За накрытым столом, в центре комнатенки, я узнала брата по его густой бородке, он сидел с серьезным лицом, а напротив – гад белобрысый, покушавшийся на мою честь и достоинство.

«Вот, зараза! Какая точная сволочь? Ты погляди? Обещал на закате сосватать, и вот, пожалуйста. Закат – сваты. Только фигушки, я живой в руки не дамся. Вон, на бабуле моей пусть женится, она и так согласная. Вот только мне что делать? Может в сарае до утра схорониться?»

Я стала вертеться по сторонам, в надежде отыскать себе уютный ночлег, и случайно задела по уху нашу серую кошку, которая мирно дремала на бочке под окном. Она приоткрыла свой зеленый глаз, и, увидев, меня любимую, спрыгнула на землю со своего облюбованного места, лениво подошла ко мне и стала тереться о ногу, довольно мурлыкая и мяукая, намекая на то, что ее давно пора покормить.

– Отстань. Я кому сказала, Фло! Брысь, непослушная кошачья морда! – Шепотом говорила я и пыталась отпихнуть ногой свою домашнюю любимицу, но эта недовольная хитрюга протяжно и громко замяукала, и чуть было не сорвала мне всю конспирацию.

Тогда, я взяла ее на руки, но как только серо-полосатая капризуля оказалась на моих руках, внутри дома послышался голос матери, которая завела речь обо мне. Я с замиранием сердца прислушалась к разговору, но Фло стала вырываться из рук и оцарапала меня. Я аккуратно откинула кошку в сторону, не глядя, а сама тем временем таращилась в окно. Кошка приземлилась прямо на большой глиняный кувшин, стоящий возле злосчастной бочки. От внешнего воздействия, кувшин слегка зашатало, и я молниеносно подскочила к нему, чтобы предотвратить падение, и получается, что только усугубила положение. Подставив руки, я сама того не желая толкнула его еще сильнее и он упал на землю и разлетелся на куски, издав громкий звук «Хрясь!» Свидетельница моего фиаско, мяукнула, и, задрав хвост, удрала с места преступления, оставив меня в состоянии шока. Я медленно повернулась к окну, и последнее, что я увидела в нем, это, как Аурел направляется за мной. Не помня себя, я со скоростью света перемахнула через забор, и, вылупив глаза во все стороны, понеслась по соседским грядкам, не разбирая дороги.

Сердце стучало в висках, ноги наливались тяжестью, но я упорно бежала вперед, будто страх от того, что это чудовище вот-вот настигнет меня, придавал мне силы. Ветер свистел в ушах, но даже он не мог заглушить грозный рев моего имени, доносившийся из уст Аурела. В какой-то момент я поняла, что за мной никто не гонится, и только тогда смогла остановиться, чтобы перевести дух.

Я вернулась на рыночную площадь. Людей здесь поубавилось, но молодежь еще сновала у костров, разбившись на парочки. Что мне делать и куда идти я не знала. Конечно, можно было бы податься на ночлег к деду Микулэ, но с приходом темноты, здешние люди в лес не кажут и носа из-за зверья и нечестии, к тому же первое место, где будут меня искать, так это там. Так, что и мне трусихи, там точно ничего хорошего не светит. Придется идти на сеновал, чтобы переночевать.

Я шла тихо, крадучись. Везде: за каждым домом, кустиком, камешком, мне мерещился этот недоделанный, что вот – вот настигнет меня (ведь он все равно будет искать меня), поэтому я озиралась на каждый шорох. Да и жутко было в темноте пробираться, ведь меня еще никогда по ночи не выпускали. А тут, страху – то, на целый мешок и корзину вдобавок. Жутко очень и зябко – осень все же, у меня, аж поджилки задрожали.

Вдруг, перед собой я увидела дорожку из тумана, густого, как молоко, который возник неизвестно от куда. Он был, словно живой, поднимался вверх и опускался, менял форму и очертания. Над ним я увидела маленькие голубоватые огоньки, которые зависли в воздухе. Они, то вспыхивали ярче, то затухали совсем. Эти волшебные, парящие язычки пламени заигрывали со мной, и манили своим необычным цветом, что мне ужасно захотелось поймать хоть одно из этих чудес природы. Забыв обо всем, я вошла в этот волшебный туман, который нежно обволакивал своей прохладой.

Находясь внутри молочной дымки, я осторожно протянула руку к голубоватому пламени, боясь, что оно обожжет кожу, но от странного огненного явления не исходило обжигающего жара, а наоборот, чувствовался холодок.

Такое чудо, я видела впервые за всю свою жизнь и уж не как не могла пройти мимо, не удовлетворив свое любопытство.

Не успела я, дотянуться до самого близкого огонька, как тот, вмиг испарился, издав мелодичный вздох, а следующий от меня, вспыхнул еще ярче, когда, не смогла поймать его ускользающего из подноса собрата. Они заигрывали: исчезали, затем появлялись вновь, потешались и насмехались, а я, полностью, погруженная процессом ловли самого, что ни есть волшебства, не заметила, как послушно следовала за манящими огоньками, уводящими меня в сторону

от деревни. А густой туман, который размывал очертания деревьев, камней и вообще всего, что окружало, казалось, проникал в сознание и опутывал его своей вязкой, но приятной паутиной.

Я не видела и не знала куда иду, но безвольно следовала наваждению, которое крепко держало меня в своей власти.

Когда дрожащее, голубое пламя последнего огонька замаячило перед глазами, дразня меня, я рассердилась не на шутку, и резко прыгнула в его сторону, прихлопнув этот назойливый огненный комочек ладонями, и почувствовала, что ударилась своим лбом обо что-то твердое. От боли, я разжала руки, и огонек тут же растворился, а принялась тереть ушибленное место.

– Ой, какого упыря? – Пропищала я..

Подняла глаза, в надежде понять, что же стало причиной моей шишки на лбу, заметила, что туман потихоньку развеивался. Отступая, он сгустился в одном месте, прямо перед моим носом и приобрел очертания какой – то темной фигуры, стоящей ко мне спиной.

Человек в длинном плаще и дурацкой шляпе, медленно повернулся в мою сторону, и я от неожиданности икнула.

Некто был выше меня на полторы, а то и две головы, а плечи шириной с дверной проем. Поля его шляпы скрывали лицо от меня, не давая возможности разглядеть незнакомца. Он, с минуту стоял, молча, затем, медленно поднял голову, и я увидела необычные голубоватые глаза, излучающие лунный свет.

– Чего уставился как полоумный. М – м – м? – Возмутилась я в ответ на его изучающий взгляд.

От него исходили волны странной энергетики, которая притягивала к себе и одновременно заставляла все внутри съежиться. Она давила на мои нервы, что захотелось быстрее убраться отсюда.

Я хмыкнула, и, задрав нос кверху, проскользнула мимо него.

– Как я погляжу, здешние люди не привыкли к вежливости? – С упреком, сказал незнакомец, своим чарующим голосом, и резко схватил меня за руку.

Как только его холодные пальцы коснулись моей кожи, я ощутила в его прикосновениях, что – то отдаленно знакомое, словно, уже ощущала такой же холодок. Его дерзкий поступок не напугал меня, а скорее наоборот, заставил поднять глаза, чтобы разглядеть его поподробнее. И что – то странным мне все же показалось. Когда – то я, уже видела этого человека, только не могу вспомнить. Или это мне причудилось? Я заглянула в его глаза, мерцающие во тьме, и готова поклясться, что из них, лился волшебный, чарующий свет. Этот мужчина обладал магической привлекательностью и истинно – аристократическим шармом, а его полностью черная одежда делала еще более выразительным его белое, красивое лицо.

Даже не могу представить, в каком свете выглядела перед этим мужчиной благородного происхождения, так как, после встречи с Аурелом, вид у меня был, как у уличной дворняги, то есть очень не пристойный и растрепанный. Грязный сарафан распорот до лодыжки, которая неприлично выглядывала из разреза, а на голове, так вообще воронье гнездо, вылезшие пряди из прически, торчали в разные стороны, делая мою голову похожую на одуванчик.

Случайно заметила, что взгляд мужчины обращен на изучение моей выглядывающей ноги и тут же, резко отдернула разорванный подол, и прикрыла ее частью сарафана.

Незнакомец был полон спокойствия, решимости и неподдельного интереса. Его притягательный взгляд гипнотизировал, что мне не хотелось отводить от него свои глаза. На минуту, я выпала из реальности. Мне показалось, нет, я точно ощущала в нем, что – то родное, милое сердцу. Но не могла понять что. От этих чувств у меня все сжалось внутри, и теплая волна ликования накрыла меня с головой.

– Простите, мы с вами никогда не...

– Маришка! Марика! – Услышала я отдаленный голос моего преследователя, который прервал мою речь.

«Черт побери, из-за этого мужика, я совсем забыла, что хотела сбежать от Аурела, и теперь он нашел меня». – Про себя, паниковала я.

– Прошу вас, домнule. Помогите мне. Спрячьте куданибудь. – С мольбами кинулась я, на стоящего передо мной человека, схватив его за края плаща.

Он, наверное, удивился моей просьбе, но вместо удивления, я чувствовала, что на его лице была победная улыбка. Незнакомец, как любящая мать, прижал меня к своему холодному телу вплотную и укрыл пологом своего плаща.

– Здесь тебя никто не найдет. – Успокоил меня мужчина.

Через мгновение, меня выпустили из плотного кокона, и я не могла поверить своим глазам.

Лунный свет струился между облаков, разливался, и хорошо освещал отвесную, заснеженную скалу, на которой мы сейчас оказались.

Я огляделась вокруг: под ногами – припорошенная снегом каменистая поверхность, с трех сторон – заснеженные верхушки редких сосен, а прямо по центру – крутой край обрыва, под которым, моя деревня миниатюрных размеров, а так же лес, и тоненькая ниточка речки были, как на ладони.

Меня чуть не хватил удар, так как мой мозг был готов взорваться. Я одного не могла осмыслить, как мы так быстро оказались на вершине гор, и вообще, как это возможно? Ведь, еще мгновение назад, я точно была неподалеку от деревни, потому как слышала голос Аурела, а сейчас, я стояла на краю обрыва с абсолютно, неизвестным мне мужиком.

Кстати о мужике! Здесь, на вершине гор, лунный свет был намного ярче, потому как отражался от белой поверхности заснеженных гор, и освещал все до мельчайших подробностей, благодаря чему, мне удалось разглядеть ночного гостя.

Его белое, как снег лицо, было божественно красивым: фосфоресцирующие глаза, аристократичный, прямой нос, тонкая ниточка бледных, но чувственных губ, волевой подбородок, крепкое и стройное тело. Он был настолько идеальным, что я, как обезумевшая, тарасилась на него во все глаза, и ловила себя на мысли, что более совершенного человека никогда не встречала. Он будто сошел с небес, чтоб укрыть меня от земных пороков и злых людей. От пронзительного взгляда его чарующих, неземных глаз, я чувствовала слабость и приятную истому во всем теле. Меня, словно подхватила волна и подняла над землей, и в этой волшебной невесомости, холодные потоки воздуха проникали в самое сердце, сковывая его. Меня пробил озноб, и я задрожала, да так, что зуб на зуб не попадал.

– Ты вся дрожишь. Ты меня боишься? – Спросил мой спаситель, строго.

– Нет, я просто зззамерззла.

Мужчина тут же скинул свою накидку и заботливо укутал меня. А свою смешную шляпу, которая скрывала длинные серебряные волосы, он повесил на сучек, обнажив при этом странную форму своих бледных ушей (они заострились кверху, как у летучих мышей).

Плотная ткань согрела меня уже через минуту, и все тревожные мысли стали отступать. Не знаю почему, но с этим полуночником, я чувствовала себя свободной и защищенной, ни какой скованности между нами не было, словно мы, были давними друзьями. Но я обращалась к нему уважительно, на вы, как того требуют традиции, все – таки он был старше меня, к тому же из высшего сословия. Это, выдавала, его прямая осанка, гордо поднятый, величественный подбородок и дорогая одежда.

– Спасибо, вам огромное, домнул. Вы меня спасли от неминуемой смерти. – Поблагодарила я его ласково и уселась на ствол поваленного дерева, лежащего в трех шагах от меня.

Незнакомец проигнорировал мои слова благодарности, но глаза от моего лица так и не отвел, а через мгновение на его губах заиграла хитрая улыбка.

– А ты выросла с последней нашей встречи. Превратилась в настоящую красавицу. – Сказал он полушепотом и облизнулся, как голодный волк. – У тебя такие милые веснушки на носу. Тебе они очень идут.

– А как вы...? – Запнулась я, а за тем погладила свой нос. – Ведь сейчас ночь, такое невозможно разглядеть?

– У меня хорошее зрение.

– А – а. Хотела бы я тоже, иметь такое же зрение, как у вас. – Задумчиво протянула я.

– Да, твое тело выросло, но разум остался прежним. – Громко засмеялся он.

– Позвольте узнать? А, откуда вы знаете меня? Ведь могу предположить, что вы вообще не местный. – Настороженно спросила я, вздернув вопросительно брови.

– Я все о тебе знаю, Маришка. И я испытывал огромное удовольствие наблюдать за тобой все эти годы. – Тихо сказал он, наклонившись к моему лицу, и убрал со лба прядь волос, выпавшую из растрепанной косы.

Затем мужчина широко улыбнулся, обнажая свои белые зубы.

«О, боже!».

Я увидела клыки длинные и острые. До этого момента я их даже не замечала, так как смотрела в его завораживающие глаза, похожие на чистейший горный хрусталь, внутри которого, сейчас вспыхивал красный мерцающий огонек.

Теперь я поняла, почему он мне показался знакомым, этот дикий, голодный взгляд сияющих глаз, я наблюдала у волка, защитившего меня сегодня и тех зверей, кидающихся на горелых женихов, ранее.

Я поняла, что передо мной стоял хищник, о котором так много слышала, и кого так сильно боялись в наших краях.

От нависшего на меня страха, я, нервно стала ощупывать свою шею, чтоб достать серебряный крестик, но там, кроме, треклятых бус ничего не было. Потом, вспомнила, что я пожертвовала им ради красоты.

«Вот черт! Теперь меня сожрут, как тех несчастных из бабушкиных рассказов».

– Ты знаешь, кто я. – Шепотом сказал упырь, опустившись к самому уху. Он увидел страх в моих округленных глазах, и кажется, ему это нравилось.

– Да. Ты стригой, вампир, вурдалак, ты хозяин замка Бран. – В панике выпалила я, все, что знала о кровососах. Через секунду мой первоначальный страх исчез, а на его место пришла обида и разочарование, что этого дьявола я приняла за небесного ангела.

– А-ха-ха. У тебя хорошие познания. Откуда такая осведомленность? – Зловеще, рассмеялся тот, бесстыдно насмехаясь надо мной.

Я понимала свою обреченность и знала, что из рук вампира не вырваться. Мне оставалось только надеяться на быструю смерть, которая как мне казалось лучше, чем предстоящая ночь с ненавистным мне человеком.

– Ты можешь не бояться меня. – Приказал вурдалак.

– А я, и не боюсь! – Воскликнула я, отвернув голову в сторону, и еще больше укуталась в плащ, который источал изысканный аромат своего владельца.

Странно, но я в действительности перестала бояться клыкастого незнакомца, и поймала себя на мысли, что упырь мне даже был симпатичен, и он совершенно не соответствовал своему же описанию в легендах.

Обычно стригоев описывают, как бездушных мертвецов, чудовищных монстров с огромными острыми зубами, когтями, и красными глазами, от которых кровь застывает в жилах. А этот экземпляр, красив, учтив, образован и еще, можно найти, кучу положительных качеств, если постараться.

– Ты все такая же маленькая и бесстрашная девочка с веснушками на носу. – Ласково, даже, как-то по—матерински сказал он.

Удивленно, подняв брови, уставилась я на него и решила задать ему интересующий меня вопрос, но вурдалак прервал тишину первый.

– Я Закариус Цепешь - Драгоч из рода Дракула. – Представился он, и сел рядом со мной.

– Послушай, Зак... – Нагло обратилась я к нему, опустив все слова приличия.

– Меня зовут, Закариус. – Поправил он, чуть громче.

– Закари, откуда ты меня знаешь?

– Закариус. И я уже тебе говорил, что наблюдал за тобой с момента нашей встречи. Я видел, как ты росла, взрослела, как смеялась и расстраивалась, как любила и страдала. И мне было очень интересно приглядывать за тобой.

– Что? – Удивилась я. – Но, почему ты, именно следил за мной, в деревне, что других особ мало?

– Нет, не мало, но ты единственная, кто не сбежал от меня при первой встрече. – Ухмыльнулся клыкастый. – О, ты не можешь себе представить, как мне наскучил людской страх за долгие столетия. И признаться, я очень боялся, что в место той, маленькой наивной и бесстрашной девочки, встречу женщину, полную суеверий и предрассудков. О, как я рад, тому, что ты осталась прежней.

Я мило улыбнулась и пожала плечами (типа, для вас любой каприз), и сама же, мысленно, отчитала себя за это и за то, что вновь поддалась его таинственному обаянию и пялилась на него разинув рот. Отругав себя, как следует, приказала больше не смотреть в его завораживающие глаза и опустила взгляд под ноги. Кажется, подействовало, и волнующая пелена, которая околдовывала меня, рассеялась. Мне вновь вспомнилось, что он не просто красавец-мужчина, а самый настоящий кровососущий и жестокий убийца, и только от одного его присутствия рядом, моя кровь должна застывать в жилах.

– Уже довольно поздно и мне пора домой. – Оповестила я его, затем встала с бревна, скинула с плеч плащ и протянула зубастому.

– Нет, я тебя не отпускал. – Надменно сказал тот, и тоже встал с места, и уже понизив свой тон, спокойно сказал. – В прошлый раз, когда мы впервые встретились, ты попросила у меня кое-что, и я пообещал, что выполню просьбу, когда ты повзрослеешь. Я не хочу больше медлить с этим и сейчас же выполню свое обещание.

– Я такого не помню! – Напрягая мозги, спросила я. – И когда же это было? Видимо, я слаба памятью стала. А может вам все приснилось?

– Я обещал тебе подарить это. – Раздраженно ответил вампир, не обращая внимания на мой сарказм. Он залез к себе за пазуху и оттуда вытащил, немного примятый цветок и протянул мне.

Я чуть не рухнула на места, от неожиданности и шока, когда в моих руках оказался цветок с черными лепестками.

– Я, конечно же, вам благодарна за то, что вы сдержали свое слово, но я не могу его принять. – Растерявшись, пропищала я, возвращая подарок владельцу.

– Как ты смеешь отказывать мне? – Гневно, с призрением выкрикнул он.

Я чувствовала нарастающее напряжение в воздухе. Но все же побоялась принять розу, ведь во всех страшных историях нашей местности черные розы оказывались на мертвецах, и что – то я не припомню, чтобы цветок, хоть раз побывал в руках у живого человека. В общем, все истории, где говорилось о черных розах, заканчивались плохо, очень плохо.

– Хорошо, я возьму ее. Но только если это не потянет за собой последствий? – Раздраженно провозгласила я.

– Ты не имеешь право указывать мне, девчонка. Все будет так, как хочу только я. И ты примешь этот цветок и мое приглашение. – В приказном тоне сказал собеседник.

– Какое еще предложение? Постой... Я только согласилась взять цветок, и все!

– Я хочу, чтобы ты посетила мой замок в качестве гостыи. – Уже спокойно ответили мне.

– А если я откажусь?

– Тогда, твою семью и всех людей в деревни будет ждать страшная смерть. Я перегрызу всем глотки и высосу всю кровь до последней капли. – С торжественной улыбкой сказал упырь.

Его глаза горели красным светом, и в них я видела превосходство, граничащее с безумием. Он снова протянул мне этот проклятый цветок, и я зло вырвала розу из его рук, при этом укололась шипом. Вампир насторожился, а потом нежно взял меня за запястье, и, несмотря на мое сопротивление, поднес мой уколотый палец, на котором появилась жемчужина багрового цвета к своим губам. Он облизал его языком, а потом присосался к пальцу ртом. Я видела, что в этот момент он испытывал глубокое наслаждение.

– Фу, мерзость! – Воскликнула я и отдернула руку.

Вурдалак посмотрел на меня с такой ненавистью, с какой собаки смотрят на того, кто отвлекает их от пиршества, готовые перегрызть ему горло.

– Завтра на закате, я жду тебя в своем замке. – Приказал он мне.

– Нет, подожди. А как же жертвенные невесты, ведь ты по договору имеешь право забирать лишь раз в десять лет? Но, ведь, еще время не настало. Ты что, хочешь нарушить свою клятву? – Взволновано протараторила я, схватив его за рукав рубашки.

– Пока что, я приглашаю тебя в замок в качестве своей гостьи, и если ты не желаешь страшной участи своей семье, то ты примешь мое приглашение. Твое присутствие в замке будет залогом для них.

Я покорно опустила голову.

– Вот и умница. – Его губы изогнулись в торжественной ухмылке. – А теперь я хочу скрепить наш договор.

Он взял меня за подбородок и отвернул голову в сторону, затем откинул свой плащ с моих плеч и прильнул ледяными губами к шее. Красные бусины рассыпались по земле, их приглушенный стук на секунду отвлек меня. Затем, я вскрикнула от боли, пронзившей меня в месте укуса. Стригой, гладил и ласкал мое тело, властно прижимая меня к себе. Странно, но я не испытывала к нему отвращения или страха, сейчас что-то внутри меня стремилось к вампиру. Мое тело окатило теплой волной нежности. Боль становилась приятней с каждой секундой, и уже вскоре, я не могла ни о чем думать кроме, как о вампире, и о том, как приятно чувствовать его так близко, ощущать его клыки, и пьянящую прохладу его тела. Теперь я погрузилась в приятный экстаз, обволакивающий и ласкающий. С убывающей кровью нарастало чувство легкости и вожделения к этому существу. Я желала слиться с ним воедино, быть его частью. Сейчас он был для меня Богом и господином, а не монстром из детских сказок.

В моем разуме, что-то щелкнуло, будто открылся замок. Я почувствовала, что это он вторгнулся в мою голову, но я не пыталась сопротивляться. И вдруг я увидела своим разумом яркие картинки из моего прошлого, которое таилось, где-то в глубине сознания. Я увидела нашу с ним первую встречу, и мое сердце затрепетало.

Мне примерно три года от роду, я проснулась среди ночи от какого-то шепота зовущего меня во двор. Мне было очень любопытно и я не испытывала даже страха в тот момент, когда подошла к двери и отперла засов. На улице было тепло, а огромная луна хорошо освещала весь двор, но там кроме меня никого не было. Затем я почувствовала, как к моим волосам кто-то дотронулся, я обернулась, но снова никого не увидела. Только сейчас, видя себя маленькой девочкой одиноко блуждающей в сумраке, в моем сердце поселяется страх, но тогда я тихо засмеялась и спросила.

– «Ты пришел, что бы поиграть со мной?» – Смеясь, спросила я своим тоненьким, детским голоском.

И тогда я увидела высокую фигуру в длинной накидке и в странной шляпе, похожую на кусок круглой трубы. Теперь-то я знаю, что такие шляпы называются цилиндрами и, что их носят только великородные вельможа. Этот человек появился передо мной словно из тумана,

который его окружал и стелился по земле вокруг незваного гостя. От этого странного человека веяло холодом, но в ту душную ночь, мне это даже нравилось.

– «Как тебя зовут, дитя?» – Задал мне вопрос незнакомец, своим чарующим и завораживающим голосом, который проникал в самую душу.

– «Малика, но все меня зовут Малишкой» – Отвечала я, скромно улыбаясь и накручивая подол своей сорочки на палец. – «А тебя?»

– «Закариус, но ты можешь называть меня Закари». – Улыбнулись мне.

При тусклом свете луны мне все же удалось разглядеть таинственного мужчину. Его длинные волосы были белее снега, а из под губ, что-то выглядывало, периодически поблескивая. Глаза, к сожалению, были под тенью от полей шляпы, но мне казалось, что они слегка светятся голубоватым огоньком. В когтистых руках у ночного гостя была какая-то тонкая палочка с большим наконечником.

– «А что это у вас? Волшебная палочка?» – Полюбопытствовала я, тыкая пальцем в содержимое рук незнакомца.

– «Нет, это всего лишь черная роза». – Ответил он мне, и присев на корточки рядом со мной, показал цветок.

– «А ты мне подаришь?» – Спросила я, невинно хлопая глазами.

– «Пока нет, но когда ты подрастешь, я обязательно принесу тебе такую же розу в дар». – Объяснил мне этот дяденька своим волшебным голосом и погладил по выющим волосам.

Не знаю, зачем я это сделала, но я обхватила его руку своими пухлыми пальчиками и прикоснулась к бледной ладони своей щекой, заставив незнакомца вздрогнуть.

– «Холодная». – Протянула я звонким голосом.

– «Тебе неприятно?» – Спросил тот с опаской.

– «Нет, мне даже нравится, ты такой удивительный. Ты, навелное, волшебник? А можешь мне что-нибудь наколдовать?»

– «Ты не обычная девочка». – Усмехнулся человек в смешной шляпе.

– «Это почему же?»

– «Потому, что все бояться меня». – Пояснил таинственный гость. – «Как правило, при встрече со мной, девушки верещат словно поросята, а мужчины кидаются бежать, хотя, признаюсь по секрету, и некоторые из мужчин тоже не брезгают поросычьим визгом».

Я звонко рассмеялась. – «Ты совсем не страшный, а даже очень класивый». – Пожалела я собеседника и так же как он погладила по волосам.

Его явно позабавила моя детская наивность, потому как этот загадочный дядька мило улыбался мне, выставляя все свои зубы на показ. В этот момент я увидела, что же у него торчало изо рта и поблескивало. Это были два больших и острых зуба.

– «У тебя зубки, совсем, как у моего котенка.» – Ткнула я пальцем, прямо в его острый зуб, и с искренней грустью пролепетала, тяжело вздыхая. – «А у меня таких нет, но я бы тоже, очень очень хотела такие же зубки, как у тебя».

В этот миг открылась дверь моего дома и на пороге я увидела отца, в своих руках он сжимал деревянный крест, а его лицо было перекошено от страха.

– «Маришка, живо в дом! Я кому сказал! Живо!» – Закричал мой отец задыхаясь от ярости.

В доме началось какое-то копошение, и зажглись свечи. От гневного приказа отца я с обидой залетела внутрь и наткнулась на мамины руки, которые крепко притянули меня к ее груди. В ее глазах застыл ужас. В отчаянии, она вертела меня и пыталась, что-то отыскать на моих руках и шее. Ничего не найдя, стала судорожно выкрикивать имя отца.

Что происходило во дворе, я не знала, но в ту ночь черные волосы отца заметно побелели. А на его шее я увидела две кровавые ранки, которые он тщетно пытался скрыть, войдя внутрь дома.

После этого, я чувствовала себя виноватой и уже не могла уснуть, и поэтому слышала, как мать рыдала на груди отца и причитала.

– «Он тебя укусил? Тебя укусил. Что же теперь с нами будет? О, Марик».

– «Перестань. Я чтонибудь придумаю». – Сурово приказал отец.

– «Он придет за нами, за всеми нами». – Еще громче стала сокрушаться мама, – «Теперь, когда ты укушен, упырь не отстанет. Он засосет тебя, а потом и всех нас. О, Боже».

– «Я не отдам вас. Я его остановлю».

– «Ну что ты сможешь сделать? Князя нельзя убить, он же вампир, бессмертный».

– «Я пойду в замок и вгоню осиновый кол ему в сердце».

– «Но тебе одному не справиться!» – Говорила мать, заливаясь слезами, и качала головой из стороны в сторону.

– «Я соберу мужчин. Мы убьем эту тварь раз и навсегда».

– «Нет, ты же знаешь, что из замка вампира еще не один не вернулся. Там только смерть».

– «Я все равно уже мертвец, на мне его метка». – Со злостью проговорил каждое слово отец, – «Кто защитит тебя и наших детей, если не я? Вы самое дорогое, что у меня есть, и поэтому я должен рискнуть».

– «Нет, прошу. Мы найдем какой-нибудь выход, м-мм-м... Мы уедем из деревни».

– «Хора, ты не понимаешь. От вампира никуда не деться. Он в любом случае нас найдет. Далеко нам не уйти. Я должен попытаться, пойми, ради вас».

С той ночи, загадочного дядьку я больше не видела, но иногда чувствовала на себе его добрый, заботливый взгляд, смотрящий на меня светящимися глазами животных. С годами я позабыла об этой ночи, изменившую жизнь нашей семьи, но его глаза иногда возникали в моих снах.

– Закари! – Вырвался сладостный стон.

Глава 2. Страсти накаляются, а нервы не железные

Аурел.

«Ну куда она могла подеваться?» – Задавался я этим вопросом и, как обезумевший метался из стороны в сторону.

Уже давно стемнело, и холодный воздух опустился на землю. Его свежий осенний аромат с примесью запахов леса, реки и увядающей травы разносился легким ветерком. В этой темноте выделялись былые макушки морщинистых Карпатских гор. Их грозный вид завораживал и устрашал. В дали, виднелись ярко оранжевые костры, которые выделялись из ночной тьмы. Они освещали полянку, где сейчас веселился народ. Резвые мелодии флейт и глухой гул барабанов, сливались в одном ритме, задавая темп танцующим, и вдохновляя слушателей. Эти звуки разносились по всей деревни, и даже в лесу их можно было услышать.

Я везде, где только мог, искал эту своенравную девчонку, но мои старания не увенчались успехом. Единственное место, куда я еще не заглянул, был дом врачевателя Микулэ. И если я не найду ее там, то остается лишь лес, но до рассвета идти туда равносильно самоубийству. И меньшее из всех зол – это если на меня нападут волки.

Все в нашем краю, от стариков, до детей – верят, что это проклятый лес, там царствует нечисть, особенно сильной, она становится с заходом солнца. Даже я сам, будучи ребенком, невольно стал свидетелем, как охотники выносили бледные тела умерщвленных стригоем людей. Мой дядя, тоже стал жертвой нечистой силы, тогда в лесу, его тело собирали буквально по кусочкам. Хоронили его фрагменты в закрытом гробу, так как даже крепкие духом мужчины падали без чувств. Их нервы не выдерживали жуткого зрелища. До сих пор наша семья задается вопросом. Какое же чудовище могло изувечить так тело?

Что – то промелькнуло в темноте между домами, отвлекая меня от недобрых воспоминаний. Я поспешил к тому месту, где уловил движение. Когда я вышел из-за домов, то смог разглядеть женский силуэт, который окутывал туман. Он был на большом расстоянии от меня и поднимался по склону в сторону леса. Перед той фигурой я увидел слабое мерцание. Мне стало не по себе. А вдруг это Маришка? Нет, эта трусиха не посмела бы в сумраке войти в лес, ведь родные ее так запугивали байками про здешние места, что она и днем не рисковала совать свой нос туда. А вдруг это мерцанье, которое я наблюдал – темные силы, поймавшие ее в свои сети и теперь, заманивают вглубь леса, вурдалакам на съеденье.

Пока я приглядывался и размышлял, женская фигура скрылась в чаще. Я оглянулся по сторонам, людей по близости не было, но я понимал, что страх перед злом, которое, скрывали вековые деревья, очень силен. Днем я мог входить в лес и охотиться вместе со Штефаном, но ночь накладывала на меня своего рода табу, запрет, вызванный домыслами и суевериями стариков.

Не смотря, на осеннюю прохладу, меня прошиб пот, а в горле пересохло. Я стоял перед серьезным выбором: идти вслед за женской фигурой или же вернуться обратно. Я решил удостоверить в своих догадках и крикнул, что было силы.

– Маришка! Марика! – Мой охрипший голос надорвался.

Я прислушивался, но ответа не последовало. Мне пришлось в голову позвать кого – нибудь на помощь. Для этого мне нужно вернуться в дом семьи Копощ, но как я посмотрю всем присутствующим в глаза, когда войду в светлицу без нее? И что я могу сказать на то, что давшая согласие на свадьбу девчонка, сбежала. Это вызовет кучу вопросов. Нет, я не могу рисковать положением своей семьи, но и этой непослушной девчонкой тоже. Мне нужно что – то придумать, какую – то невероятную историю, в которую бы все поверили и стали на мою сторону. Но что мне делать с ней? И что если с ней что – то случится? Тогда я не переживу. И почему я страстно желаю эту сумасшедшую, которая как магнитом притягивает к себе неприятности?

Мое сердце просто разрывалось на части. Меня одолевали сомнения, но все – равно до утра я был бессилён. Ещё немного, побродив вдоль костров, я надеялся, что все же смогу разыскать девчонку, среди танцующей молодежи, и убеждал себя в том, что Маришка не так глупа, и никогда бы не пошла в лес ночью.

Вернувшись в дом Копошей, я заметил угнетающую обстановку. Не осталось и следа от того приободряющего, праздничного настроения. Мой дед сурово смотрел на меня, а родные Марики с надеждой вглядывались в глаза.

– Что случилось? Где моя девочка? – Взволнованно спросила мать Марики.

В уголках ее глаз, я заметил сверкающие слезы.

– Что ты с ней сделал? – Подскочил ко мне Штефан и потряс меня за плечи. В его глазах был гнев и страх за свою младшую сестру.

Мне на помощь поспешили мои братья, которые вовремя оттащили приятеля от меня, иначе, тот бы точно выместил всю злость на моем лице.

– Не горячись! Для начала нужно выяснить все по порядку. – Властно произнес дед и потянулся за курительной трубкой.

В углу светлицы, пристально смотря в окно, старушка читала молитвы, в своих руках она сжимала маленький серебряный крестик. Ее нервные всхлипы еще больше накаляли обстановку.

– Я не могу сидеть здесь, кады, моя унуча, где – то там, бродит в темноте. Нужно ее сыскать немедленно. – Возбужденно выкрикнул заплетающимся языком дед Сагир, и залпом осушил новый стакан с брагой.

– А теперь расскажи нам, что случилось, и где девочка? – Пристально посмотрел на меня дед своим пронзительным взглядом.

На секунду мне показалось, что я пропал, ведь если глава семьи почувствует ложь или усомниться в моих словах, то мне несдобровать. Потеряв доверие деда, я мог потерять и его поддержку в своих замыслах, а так, как он считал, что скромная семья Копош плохой вариант для родства, то и на шаг не подпустит к их девочке.

– Она сбежала ... – Начал я.

Хлопнула, а затем и заскрипела дверь в сенях, и все усталились в дверной проход. Через секунду, в нем появилась собственной персоной виновница злополучной атмосферы. Она выглядела бледной и уставшей. Ее медовые волосы были рассыпаны по худеньким плечикам. Ее одежда отличалась от своей первоначальной новизны: на черной жилетке, не хватало несколько пуговиц и под ее воротом она что – то усердно старалась укрыть от посторонних глаз, а запачканный сарафан был испорчен кривым разрезом до самого бедра. Ее изнеможенный вид напоминал и наводил на неприятные мысли. Честно говоря, она была похожа на жертву нападения, виновником которой, частично был я.

Мое сердце ухнуло куда-то в пропасть от страха, что сейчас девушка расскажет всем, кто с ней все это сделал, и уж точно последствий мне не удастся избежать.

– Марика. – Подскочил взволнованный Штефан, и с нежной грустью в голосе спросил. – Сестричка моя. Что с тобой случилось?

Девушка подняла на него свои необычайно красивые изумрудные глаза, затем оглядела всех остальных и устало улыбнулась. Она сделала несколько неровных шагов и рухнула. Я успел подхватить ее на руки и отнес на ближайшую кровать. Она безмятежно раскинулась на кровати в забытьи, только вздымающаяся грудь говорила о признаках жизни. Я наклонился к ее сердцу и услышал еле – еле различимые удары. Она была так прекрасна и беззащитна. Ее розоватые, пухленькие губки, были слегка приоткрыты, и мне страстно захотелось прикоснуться к ним своими губами. Ее нежная тонкая ручка, прикрывала что-то тонкое и длинное, спрятанное под плотной тканью жилетки. Я отодвинул ее белую ручку и раскрыл края верхней одежды. Из-за спины послышался встревоженный женский визг, когда всеобщему обзору открылась

страшная находка. На груди девушки покоилась роза, и ее лепестки были абсолютно черными, как сама тьма. Я с дрожью в руках потянулся к ее шее, и отодвинул локон непослушных волос. Там, повыше ключицы, зияли две маленькие, кровоточащие ранки. Все стоящие над Маришкой люди со страхом в голосе ахнули, а женщины с воем запричитали. Мои глаза наполнились слезами, от бессилия, а сердце сжалось до боли. Это был самый страшный момент, когда все поняли, что Маришка теперь потерянна для всех нас, для мира живых.

Закариус.

С наступлением темноты замок Бран оживился. Повсюду стояли роскошные канделябры из чистого золота. Нежный желтоватый свет, исходящий от них, освещал огромное пространство богато обставленной залы. Тихо шипя, и потрескиваясь, горели дрова в огромном камине. От него исходил обжигающий жар, который не давал подойти к нему ближе, но который, распространял блаженное, согревающее тепло на всей территории зала. Маленькие лохматые человечки, размером с кошку сновали повсюду, занимаясь своими, привычными делами, прислуживая хозяевам замка. Здесь были и обычные люди, которые так же заботились о внешнем виде замка и его благосостоянии, только взгляд их уставших глаз был затуманен. Человеческие слуги, в основном здесь были пожилые, они, молча и беспрекословно, выполняли любой приказ или поручение своих господ.

Я прошел через весь зал и опустился в свое любимое кресло, которое стояло напротив камина, оно больше напоминало трон: его высокая спинка полностью скрывала своего обладателя, а его деревянное основания, опоры и подлокотники были вырезаны из черного палисандра. Своим изяществом и красотой резных частей, оно могло бы посоперничать с императорским. Оббито оно было темно – бардовой парчой, напоминавшей цвет густой крови, и расшито золотыми нитями. Я любил размышлять в нем, опирая голову на руку, и смотреть на танцующие языки пламени, беспощадно пожирающие поленья. Мне нравилось ощущать тепло, исходящее от очага, оно нагревало мое тело, которое множество веков было абсолютно холодным.

Позади себя я почувствовал чье – то присутствие и это были не слуги.

Моя сестра неспешно плыла по каменному отполированному полу замка. Ее воздушное платье, лишь слегка касалось холодной поверхности, но тихий шелест его подола я смог услышать, когда она еще поднималась по лестнице. Мысленно, я представил образ сестры: ее красивое, родное лицо, и волосы, цвета вороного крыла, которые, длинными волнами, струились по спине. Ее острые маленькие ушки, кончики которых, выглядывали из – за копны густых волос. Ее шикарное платье, подчеркивающее идеальную женскую фигуру. Я предвкушал нашу встречу и думал над тем, как ей лучше преподнести информацию.

– Приятной ночи, сестра. Ты уже нагулялась? Что – то ты рановато? – Спросил я спокойным и умиротворенным голосом.

Через секунду, помимо, сестринского запаха масел и благовоний я учуял запах чужой человеческой крови на ней, от чего пришел в негодование.

– Ты что охотилась сегодня? Ты же прекрасно знаешь, что нам запрещено пить местных людей. Надеюсь, ты не лишила человека жизни? – Возмутился я, и обратил все внимание к ней, развернувшись плечами в ее сторону.

– Прости, я не удержалась, я была так голодна. – Повинилась она. – Я не успела убить его.

– Лучия, мы же поужинали с тобой? – Отчитал я ее.

– Мне этого не достаточно, я ослабла, мои силы на исходе. Мне надоело влачить жалкое существование. Я хочу снова стать сильной. – Пролепетала она своим нежным голоском. Ее прекрасные глаза были полны грусти и отчаянья.

От вида родных печальных глаз своей младшей сестрицы, я понизил свой голос до минимума, чтобы вновь донести до ее разума правила выживания, не прибегая к скандалу. Для этого мне пришлось встать с любимого места и обратить ее внимание на себя.

– Дорогая, мы обсуждали это миллионы раз, что мы будем брать столько крови, сколько необходимо для поддержания жизни в наших телах, но не больше. Так надо ради общего блага и нашего и тех людей, которые живут под нашим покровительством.

– Ты беспокоишься о людях, больше чем о нас. Они же, вроде овец – пища для таких хищников, как мы. Почему же ты печешься о их благополучии и относишься, как к равным себе? Ты что обезумел? – Яростно, крикнула сестра и отскочила. Ее громкий голос заставил всех прислужников, находившихся сейчас вблизи от нас, замереть.

– Лучия! – Я властно произнес ее имя и увидел на ее лице удивление. – Да, ты права, люди всего лишь скот, но даже волки не убивают больше, чем им необходимо? – Уже мягче произнес я. – Пойми сестра, если мы уьем, хоть одного человека, то договор будет нарушен. Люди сбегут из деревни, а охотится вдали от дома опасно, так как есть вероятность того, что к рассвету мы можем не успеть вернуться, и нас убьет солнце, если до него до нас, не доберутся, желающие убить нас охотники. Ты ведь прекрасно помнишь, чем закончилось предыдущее расторжение клятвы – мы лишились отца, который был, куда более сильным и опытным в отличие от нас, но все же его постигла страшная участь.

– Да, Зак, ты прав, но все равно, тебе меня не понять, ведь ты не унаследовал ненасытного аппетита от нашего отца. – Склонила голову девушка, еле сдерживая слезы.

Рост Лучии был ниже моего на голову (а мой рост был внушителен), но все же она выглядела такой незащищенной, невинно смотря снизу вверх своими искрящимися глазами. Я крепко сжал свою маленькую сестру в своих объятиях, желая утешить. Мне, ее было неопишимо жаль, ведь я, как никто другой, знал ее порок, перешедший по отцовской крови. Ее жажда была связанна не только с голодом, но и с маниакальным желанием убивать. Это черта была присуща всем членам нашего рода по отцовской линии, так как в ней были только чистокровные вампиры аристократы, испытывающие призрение ко всему человеческому роду. К счастью, мне достался характер матери, в венах которой частично текла человеческая кровь, отсюда, следовало и мое бережное отношение к живым существам.

– Постой братец, от твоего тела исходит сладкий аромат свежей крови. Вот, значит как? Ты мне говоришь о благодетельстве, а сам так же, в тайне, кусаешь людей? – Взбесилась она и попыталась вырваться из кольца моих рук.

– Лучия, успокойся. Вот об этом я хотел с тобой поговорить. – Встряхнул я ее. – К нам в замок, завтра придёт гостья.

– О, Зак, спасибо. Я знала, что ты не оставишь меня умирать от голода. Я смогу с нею сделать все, что захочу? – Перебила сестра, чье лицо засияло от счастья: глаза заблестели, а довольная, широкая улыбка обнажила острые клыки.

– Нет, она не для тебя. Ты не посмеешь причинить вред девушке, и если ты исполнишь в полной мере мои условия, то я обещаю, что дам тебе все, о чем ты просишь.

– Как это понимать? Ты будешь наслаждаться ею, а я стоять в стороне? – Возмущалась сестра, подперев руками бока.

– Перестань ерничать! – Сказал я, с нотками раздражения в голосе. – Никто не будет ею наслаждаться. Она всего лишь гостья.

– Но для чего? Я не понимаю, зачем тебе смертная девчонка?

– Пока, я не готов ответить, но мне она нужна. – Нерешительно проговорил я, тщательно подбирая слова. – Я не могу объяснить это... Пожалуйста, доверься мне. Прошу, хоть раз послушай своего любимого братца и сделай, как велю. Я обещаю, что это ненадолго.

Мой нервный и умоляющий тон, кажется, подействовал на сестру, и она согласно кивнула головой.

– Хорошо, только ради тебя. Но и ты не забудь о своем обещании, иначе я легко воплещу все свои желания с помощью этой девицы. Например, выпотрошу ей кишки, или выколю глаза. – Мечтательно рассуждала сестра.

– Ты этого не сделаешь!

– Вот и проверим, братец! – Усмехнулась Лучия и зашагала по лестнице, с торжественной улыбкой.

Длинный подол ее плаща скользил вслед за ней, огибая углы порога. Я еще долго провожал ее взглядом, и опустил в любимое кресло, только тогда, когда край синего шлейфа скрылся из виду.

Сестра поднялась в свои покои, а я до рассвета просидел у огня, осмысливая сегодняшнюю ночь и воспроизводя в своей памяти лицо деревенской девушки.

Тут же в моем сознании возник образ потрепанной Марики, и мне захотелось убить самой медленной и мучительной смертью, того извращенца, покусившегося на невинность девчонки.

«Сегодня я мог не успеть, и чертов подонок обесчестил бы ее. Нет, определенно здесь, рядом со мной, Марика будет в безопасности». – Успокаивал я себя.

Я невольно улыбнулся, когда вспомнил ее внешний вид: она выглядела довольно забавно, особенно, когда горделиво задирала свой веснушчатый носик, или как, заливалась краской, когда прикрывала изящную, обнаженную ножку, что не могло меня не повеселить. От приятных мыслей, на душе стало немного спокойнее, а сердце ликовало внутри, но через мгновение, меня стали одолевать сомнения в правильности моего решения.

«Не выйдет ли так, что попытаюсь защитить это невинное создание, я, наоборот, подвергну ее еще большей опасности, имя которой Лучия?» – Мысленно задавал я себе вопрос.

Тадэуш.

Всю оставшуюся ночь меня мучили кошмары, усугубленные жаром. Где – то на границе сна и бодрствования я видел светящиеся золотым светом глаза. Из крошечной тьмы, они смотрели ласково, даже умоляюще. Сквозь эту дремоту я слышал взволнованные советы лекаря.

– Тадэу, мальчик мой, борись. Слышишь? Ты должен сопротивляться. Не поддавайся на призыв вампира.

На рассвете я почувствовал себя гораздо лучше, хотя, все тело ломило, а липкий пот, заливавший меня этой жуткой ночью, неприятно холодил и раздражал кожу.

Я приоткрыл глаза и увидел возле своей кровати, множество висевших оберегов из чеснока и пучков засушенных трав, которые медленно тлели. От них, клубясь, поднимался густой дымок. Сразу же в нос ударил приторный запах горечи. Мне стало дурно. Я попытался подняться, но мое тело не слушалось. Рядом, облокотившись о спинку кровати, дремал мой спаситель, посланный самими небесами, чтобы избавить меня от страшной участи, притаившейся в ночи. Скорей всего, дед Микулэ провел подле меня всю ночь, не смыкая глаз, но с восходом солнца не смог побороть усталость и теперь мирно посапывал. В первые, за проведенное с ним время, я увидел его в таком состоянии. Его лицо выражало беспокойство, даже во сне, а вечно красный нос из-за выпивки, был абсолютно нормальным, хотя он сейчас показался мне еще длиннее. До этого дня его доброе лицо было, лишь слегка тронут старостью, за исключением седых волос, но теперь я видел, как сотни глубоких морщинок расчертили лицо старичка.

Я снова попытался встать, собрав всю силу в кулак. С огромным трудом, но у меня все же получилось покинуть постель. Шатаясь, и упираясь руками о стены, я поплелся к кадке с водой, что бы умыться. Склонившись к зеркальной поверхности воды, ужаснулся. На висках, моих темных и густых волос я увидел белые нити. В памяти тут же возникла картина, по причине которой я изменился. Неужели, тот ужас прошедшей ночи явил перемены в моей внешности. Будучи девятнадцатилетним юношей, я сейчас выглядел лет на десять старше своего истинного возраста. Меня пошатнуло, но я удержался, оперевшись плечом о стены жилища. Тут же на звук откликнулся дед Микулэ.

– Тебе нельзя вставать. Ты должен поберечь свои силы. – Пospешил на помощь ко мне старичок.

– Это правда! Все ваши рассказы не вымысел! И та девушка в лесу – это вампир. – Спросил я, слабым голосом.

Врачеватель удрученно закивал головой, а взгляд своих блеклых глаз, виновато опустил к полу, но так и не прокомментировал мое открытие, хотя этого и не требовалось, так как в существовании вампиров я смог убедиться на личном опыте.

– Что теперь будет со мной? – Напрягшись, промолвил я.

– Охо – хо. Для тебя еще не все потерянно, Тадэу. – По—отечески, сжал он мое плечо. – Вот только меня беспокоит, то, что сподвигло стригоев, нарушить свое слово.

– Вы говорите о договоре между людьми и вампирами?

– Да, именно об этом. – Задумавшись, сказал старик и стал бегать своими глазами по сторонам, взбудоражено выискивая что – то, и прижимая свой указательный палец к губам. – О, вот же она.

Дед Микулэ достал с полки в стене, занавешенной старой тканью, какую – то толстую книгу. Судя по -увиденному, она пролежала там не один год. Лекарь Микулэ, сдул с увесистого фолианта вековой слой пыли и принялся с жадностью перелистывать страницы. На них я заметил, какие – то страшные картинки и каракули на неизвестном мне языке.

– Что это за книга? – С интересом спросил я.

– Эта книга с описаниями нечистой силы и меры борьбы с ней. Здесь написаны мощные заклинания. В свое время я ей пренебрег ей, о чем страшно жалею, но возможно сейчас она спасет много жизней.

Громкий тревожный стук, оторвал нас от книги. Стук на мгновение затих, но затем, повторился снова, только уже с удвоенной силой. Было ясно, что за дверью тарабанит нетерпеливый человек, или же, он экстренно нуждался в услугах лекаря.

– Домнул Петру, вы дома? Мне нужна ваша помощь. – Послышался голос за дверью.

– Тадэу, прикрой воротом свою шею, а лучше перемотай ее и шляпу надень. – Старик захлопнул фолиант и беспокойно поковылял к двери.

Вскоре на пороге появился, уже знакомый мне молодой человек. Он явно был чем – то встревожен, а его неопрятный, уставший вид говорил, о том, что он не спал всю ночь.

– Маришка... Маришка. Там, дома, она не здорова. Помогите, прошу. – Умолял, запыхавшийся парень.

– Силы небесные. Что случилось с девочкой? – Еще больше забеспокоился дед Микулэ.

– Она... Ее укусил вурдалак. – Пытаясь подобрать слова, взволнованно сказал гость.

Моя голова еще больше закружилась, я распереживался за свою подругу, что и ее постигла та же страшная участь, что и меня. Тугой комок подкатил к горлу, а пальцы на руках задрожали. Как же это не справедливо, что столь добрая и юная девушка познала все ужасы, скрывающиеся в ночи.

– О, Боже милостивый. Я пойду с вами. – Выкрикнул я, накидывая на плечи сюртук.

– Ты еще слаб, мой мальчик. Поешь и отдохай, набирайся сил. – Приказал мне, наставник, а сам стал скидывать в мешочек, какие – то бутылочки, пузырьки и травы.

Я не мог оставаться наедине с самим собой, зная, что мой друг сейчас нуждается в помощи и поддержке, и после долгих уговоров, учитель, все же, разрешил мне пойти, вместе с ним, но при условии, что я, предварительно поем, как следует.

Собрав все необходимые травы и настойки, мы отправились в путь. Шел я позади всех, не успевая угнаться за поспешными шагами, идущих впереди мужчин. Благодаря травяным отварам деда Микулэ, я быстро смог восстановить силы, хоть и не полностью. В теле моем все – еще присутствовала легкая усталость от недостатка крови, а мелкая дрожь сотрясала мои внутренности, но все же состояние было удовлетворительным. Больше всего я переживал за Маришку, ведь рядом с ней не оказалось Петру Микулэ, который мог бы вырвать девушку из когтей вампира. Сотни раз, во время пути я спрашивал себя. В каком состоянии находится

девушка и как изменилась ее внешность после встречи с чудовищем? Осталась ли она прежней: красивой, веселой, счастливой, или же, встреча с нежитью для нее не прошла бесследно? Мысленно, я молился о ее здравии Господу, просил сохранить ей твердость ума и крепость духа, но особенно желал, чтобы с ней было все в порядке.

Мы вошли во двор. Собака Штефана вылезла из будки и весело завиляла хвостом. Пропустив мужчин идущих впереди, с игривым взглядом, собака кинула свой взор на меня. Она начала громко лаять и метаться на цепке из стороны в сторону, но когда я поравнялся с ней, она заскулила, прижала уши к голове и шмыгнула в будку. Я сразу понял, что во мне ее, что – то напугало. Машинально я дотронулся до ранок, оставленных вампиршей. Они слегка зудели, словно, это был укус комара, а воспаленное место вокруг проколов, горело огнем. Старик Микулэ повернулся в мою сторону. Он тоже понял, что животное отреагировало на злую силу, которая пыталась мной завладеть, и сделал жест рукой, говоривший о том, что мне нужно ускориться. Я поторопился войти внутрь дома, прикрывая сползающую повязку на шее.

Внутри жилища нарастала тяжелая обстановка. Женщины семьи Копош, сидели за столом. На их зареванных лицах застыло отчаянье. Своими пустыми глазами они смотрели на заполняющих дом людей. Штефан стоял, подпирая спиной стену, его руки были скрещены на груди, а в его глазах горела искра ярости. Дед Сагир подливал себе брагу и грустно качал головой.

Когда я подошел к Маришке, та, устало улыбнулась. Она, полусидя в кровати, опиралась спиной на подушки. Меня удивило то, что пережитый ужас совсем не произвел изменений в ее внешности, то есть черты лица Маришки остались такими же прекрасными, как и прежде и даже ее взбалмошный характер, иногда проявлял себя. Вот только цвет ее кожи слегка побледнел, а детская непоседливость сменилась усталостью.

– Хватит плакать надо мной, я еще жива! Лучше принесите мне поесть, иначе, если я не умру от ран сделанных вампиром, то точно умру от голода. – Сердилась Маришка.

С дальнего угла дома послышались всхлипы и причитания женщин.

Маришка подкатила глаза к потолку.

– Меня всего лишь укусили, а вы все носитесь со мной, как с какой – то болезнью, которая при смерти. Вы слышите меня? Со мной все в порядке. – Бастовала подруга.

Дед Микуле, начал вытаскивать из тряпичного мешочка его содержимое. Он намочил платочек жидкостью из одной скляночки, и приложил компресс к укушенному месту, потом спросил девушку о симптомах, которые она сейчас чувствовала, о ее состоянии, словно, это был не укус дьявольского отродья, а обычная простуда. Лекарь изо всех сил старался скрыть свое беспокойство, но я знал, что его сердце полно отчаяния и страха, ведь к Маришке он относился, как к собственной внучке.

В дом вошел грузный пожилой мужчина. Он сухо поздоровался со всеми и размашистым шагом подошел к лекарю, возле которого стоял я.

– Здравия вам, домнул Петру. Что с девочкой? Она превращается?

– И вам того же, домнул Тудор. Нет, стригой не обратил ее, а всего лишь высосал немного крови. Скорее всего, был не голоден. Но я одного не могу понять! Столько лет он не нарушал своей клятвы. А вот теперь... Что это могло бы значить? Не случится ли так, что вампиры разорвут договор? – Испуганно проговорил учитель, понизив свой голос до шепота, так, чтобы никто кроме нас троих не услышал разговора.

– М-м-м. К сожалению, мы можем только догадываться, домнулэ. Вам еще не сказали, что Марика вернулась домой с черным цветком? – Так же тихо, продолжил беседу толстяк. – Между нами говоря, я считаю, что девчонка уже обречена. Да вы и сами знаете, получше других, что вампир не отступит от укушенной жертвы, пока не засосет до смерти.

Мне стало неудобно подслушивать разговор двух взрослых людей, и я поспешил к подруге.

Я подал Маришке еду приготовленную ее матерью. На ее постели сидел тот, парень, которого я одарил недавно синяком. Он презрительно посмотрел на меня и попытался взять Марику за руку, но та плавно освободила ее из его огромных ладоней.

– Ну наконец, хоть один адекватный человек, да еще и с едой? – Фыркнула она, а затем скорчила брезгливую гримасу на лице. – Аурел, не мог бы ты оставить меня наедине с другом?

Мужчина замялся, но вскоре, неохотно повиновался ее просьбе, и оставил нас вдвоем.

– Маришенька, как ты себя чувствуешь?

– Шо мной фшо в порядке. – Запихав полный рот еды, попыталась ответить она. – Ты щебе не прехштавляеш, што шо мной шлуцилош. – Продолжала она с энтузиазмом, словно речь шла о интересном путешествии.

Из ее невнятной речи я понял, что ее заманило в лес странное свечение, которое она обозвала блуждающими огоньками. И там, она увидела вампира, которого встретила еще в трехлетнем возрасте. Еще я понял, что упырь позвал ее в свой замок, где она будет находиться, в качестве гостыи на неопределенный срок, и что отказ грозит смерти всей ее семье.

Дожевав, последний кусочек медовой пышки и запив его молоком, Маришка повеселела, а на щеках появился заметный румянец.

– Я увезу ее отсюда. И спасу от этого дьявола. – Донесся до нас грозный голос блондина.

– Не будь глупцом. Множество мужей погибло от своей самоуверенности. – Отвечал ему властный и грубый голос. – Тебе не справиться с князем, и если он ее выбрал, то мы должны повиноваться.

– Ведь еще с последней жертвы не прошло и пяти лет? Почему мы должны следовать его приказам, если упырь не держит свое слово, то мы...

– Потому, что в руках этой девочки процветание нашей деревни. Возможно, она единственный шанс на спасение. Ее жертва может скрепить договор.

– К черту деревню, к черту всех вас! Я забираю ее. – Решительно произнес Аурел.

– Нет. – Выкрикнула, Маришка и молниеносно выбежала к говорившим мужчинам в одной ночной сорочке. Я последовал за ней. – Ты не понимаешь, он обещал, что не тронет меня и всех вас, пока я буду в его замке.

– Ты наивная дурочка! Кому ты поверила – вампиру, лжецу из лжецов. Он уже тронул тебя. – В ярости выкрикнул Аурел и указал на шею Марики.

– Я так и думала. Я знала, что этот момент настанет. Сначала твой отец, теперь ты ... – Заголосила мать Марики.

– Пожалуйста, мамочка, не надо. – Ласково пролепетала девушка. Подойдя к своей матери, она принялась ее утешать. – Мамочка. Я должна это сделать, ради всех вас. Я знаю, что случилось с отцом, князь показал мне все. Я теперь знаю, что в его смерти виновата только я, ведь он пытался защитить меня. А теперь я должна искупить свою вину и защитить вас. Пойми, я не переживу, если с вами, что – то случится, достаточно одной смерти на моей совести.

Маришка.

У меня было дурацкое состояние, при котором чувствуешь себя заложником положения, где шаг в сторону – расстрел. Как же мне поступить? То есть я знаю, как поступить, тем более, выбора у меня нет. Этот чертов кровосос знал, что я никогда не поставлю под удар свою семью, поэтому его доводы были очень убедительны. Вот только, некоторые личности готовы пойти на собственную смерть, чтоб избавить меня от «гостеприимного» хозяина замка, это я говорю о брате, матери, бабушке, а вот мой дед решил отмолчаться, видимо его собственная жизнь, то есть, остаток ее ему дороже, чем собственная внучка. Я пошла точно в него – такая же трусиха. Получается какой – то замкнутый круг: я хочу спасти семью, семья хочет спасти меня, а дед, молча, пьет брагу, прикрываясь шоковым состоянием от происходящих ужасов вокруг него. Да и как я могла забыть о «обожаемым мной» Ауреле. Тот вообще пригрозил ударить меня по голове, и пока я буду в отключке, украдет и вывезет за пределы Трансильвании. Это

он, конечно же, сказал мне на ухо, пока никто не слышит, зная, что я не пожалуюсь никому. Единственный хороший человек, не поддавшийся панике – это мой лучший друг Дэш. Только он был сам не свой, задумчивый и растерянный, мало, что слушал и мало говорил, наверное, он тоже переживает за меня и не верит, что я вернусь в родной дом. Кроме его растерянного вида я заметила еще изменения. Он словно стал старше, а на его волосах появилась серая проседь.

Слава Богу, вскоре, все разбежались, вспомнив про свое хозяйство, а то мне уже надоело, что из меня сделали смертельно больную мученицу, но больше всего меня порадовало то, что старейшина, после того, как накричал на своего болвана – внука, силой увел его домой.

Сама я, даже и не думала, хочу ли идти в этот вампирский вертеп или нет, но жажда чего – то нового и непостижимого, которое я смогу увидеть собственными глазами, а не узнать из надуманных рассказов стариков, влекла меня в этот мистический мир. Конечно же, я не знаю, что меня будет ждать за скрытыми от глаз простых смертных, воротами замка, но почему – то страха за свою собственную жизнь я не испытывала. Тот вампир сказал, что не тронет меня, и я ему поверила. «Вот дура наивная! Может меня там разберут на части какие – то отвратительные существа? А может там будет так прекрасно, что потом хозяева и выгнать не смогут?» – Рассуждала я сама про себя в предвкушении новых открытий.

В общем, моя детская любознательность в купе с манерой совать свой нос, куда не следует, тянула меня ко всему таинственному и неизвестному. Да, и если честно признаться, я вновь хотела испытать, те ощущения при укусе, ведь это было так неописуемо прекрасно и волнительно. В тот невероятный миг мы с вампиром были едины, наши души, чувства и мысли сливались в одно целое. Я была переполнена духовностью и неземной любовью к Богу, и этот Бог – Закариус. А сейчас, я испытывала раздражение и некую досаду, что прочувствовав на себе это неземное наслаждение, вынуждена вернуться в скучную повседневную реальность. Так же меня переполняла злость на того чертова кровососа, за то что спустил меня с небес на землю и не дал насладиться тем моментом подольше.

Мотаясь из угла в угол, я собиралась в путь. Для начала, я умылась, оделась, привела себя в божеский вид и стала собирать свои вещи в узелок.

– Так, самое главное на этот раз, не забыть крестик. – Задумчиво говорила я, вскинув свой указательный палец к голове. – А, вот же он.

– Маришка, прошу тебя, выкинь ты эту глупую затею. Не ходи в замок. – Тревожно попросил друг.

– Да? И что мне надо делать? Ждать пока моих родичей порвет на кусочки злобный вурдалак? Нет уж, спасибо, какнибудь обойдусь без чьих-либо советов. Будь человеком, помоги лучше собраться в дорожку.

– Дед Микулэ, хоть вы что –нибудь ей скажите! – Не унимался Дэш.

– А что тут говорить? – Старичок пожал плечами.

– Вот, вот. Прислушайся к совету мудрого человека. – Не отвлекаясь от сборов, проговорила я.

– Нужно убить эту зубастую тварь пока еще день. – Решительно произнес Дэш.

– Что ты, что ты. Немало в деревне смельчаков ходило туда, да сейчас уже их косточки сгнили. Тут знания нужны. – Осадил его дед Микулэ.

– А как же ваша книга? Что в ней говорить? – Спросил парень. В его глазах загорелась искра надежды на спасение.

– Что еще за книга? – Полюбопытствовала я, отвлекаясь от важного занятия, но лекарь не удостоил меня ответом, и я продолжила скидывать юбки в кучу.

– В книге есть описание всей нечисти, слабые места и способы умерщвление ее, но там не говорится, как перехитрить вампира. Или ты думаешь, что мужчины, желающие убить князя, были слабее тебя? – С упреком говорил лекарь, но потом, сменил тон на более ласковый. – Послушай, мой мальчик. Я понимаю твоё стремление спасти свою подругу, но пока что,

ни наши знания, ни наше желание, не помогут нам избавить мир от зла. Здесь нужен холодный ум и точный расчет, ведь мы не можем знать, что нас подстерегает в том проклятом замке. К сожалению, сейчас мы бессильны. Простите дети, мне очень жаль. – С грустью и обреченностью произнес старичок, обращаясь уже непосредственно к нам обоим, и развел руки в сторону. Он растерянно покачал головой и торопливо зашаркал ногами по полу в сторону входной двери, пытаясь скрыть свои слезы от нас.

Я тоже прислушалась к деду Микулэ. Его слова напомнили мне историю четырнадцатилетней давности, воспоминания о которой открыл мне князь. Точно так, уговаривала мама моего отца не ходить в замок вампира, но его стремление защитить свою семью отторгло любые доводы.

– Дэш, мой отец, когда – то тоже пытался уберечь меня и направился в треклятый замок, и поплатился за это своей жизнью. Я никогда себе не прощу этого, как и не прощу того, что кто – либо пострадает еще по моей вине, особенно если это будешь ты или кто-то из семьи. Пойми и не препятствуй моему решению. Закариус мне обещал, что не тронет меня. И я верю, что все будет хорошо. – Решительно сказала я, заглядывая в его карие глаза, с надеждой на его понимание и поддержку.

– Опомнись! Ты говоришь об этом чудовище так, словно, вы давние друзья... – Ухмыльнулся Тадэуш, а затем словно взбесился. – Он вампир. Он дьявол. Монстр. А ты хочешь отправиться к этому чудовищу, который еще вчера пил твою кровь? Он убьет тебя при любой попавшейся возможности. – Со страхом в голосе говорил Дэш и тряс меня за плечи, словно тряпичную куклу.

Его взгляд показался мне безумным. Темные, как омут глаза были широко открыты. Тадэуш, явно прибывал в шоковом состоянии. Его тело сотрясалось мелкой дрожью, а сам он был сильно взвинчен и напуган. Я забеспокоилась о его душевном состоянии, но его порывы приняла за страх от происходящего. Наверное, он и вправду испытывал шок, так как привычный для него мир перевернулся с ног на голову. Раньше, он не во что такое не верил, а все рассказы и легенды принимал за суеверие любивших надраться крестьян, мол, пьяному человеку в ночи и дерево – монстр.

– Перестань. Откуда ты это знаешь? Ты ведь его не видел! – Вырвалась я из его крепкой хватки и громко возмутилась.

Лицо друга почернело от ярости. Он сжал свои кулаки, а потом, сдернул повязку на своей шее. Я отскочила от неожиданности, так как увидела, что скрывал Дэш под куском материи. На его шее зияли две небольшие ранки.

– И не надо мне рассказывать, что я не ведаю, о чем говорю.

– О, Боже, Дэш, как это произошло? – Спросила я его с искренним сочувствием.

Друг рассказал мне во всех подробностях о приключившейся с ним истории и о тех чувствах, которые испытал в тот ужасный момент. И я понимала его страхи за мою жизнь, но не могла принять до конца, ведь мой ночной гость не проявил ко мне жестокости и если бы он хотел высосать всю мою, кровь, то я бы сейчас не находилась здесь и не мучилась сложностью ситуации.

– Я прекрасно понимаю твои опасения, но Закариус мне не причинил зла, но может причинить близким. Дэш, умоляю, не останавливай меня, свой выбор я давно уже сделала, и чтобы ты не сказал, я все равно совершу задуманное. Ты либо помоги, либо отступи, но прощу, не задерживай. Путь в замок не близкий, а время уже за полдень, и если меня не будет в замке князя к закату, он убьет всех, кого я люблю. Тогда мне незачем будет жить на белом свете, а пока, я должна сделать все для вашего спасения. – Ласково умоляла я, зажав его голову в своих ладонях.

– А как же твоя семья? Они не пойдут на это. Не отпустят тебя не за что.

Я пыталась достучаться до своего верного друга, зная, что он не предаст и не отвернется в трудный момент, поэтому попросила его посодействовать.

– Да, я знаю, вот поэтому, мне нужна твоя помощь. Я напишу им записку, будь так добр – передай.

Дэш мрачно кивнул головой, он не одобрял мой поступок, но все же не смог отказать.

В записке, которую я передала Дэшу, говорилось о том, как я сильно люблю своих родных и чтобы они понапрасну не сокрушались горем, ведь я в замке планирую надолго не задерживаться. Тем более, такой гость, как я – вечно все разрушающий и притягивающий неприятности как магнит, быстро надоест хозяевам, и как только они, мне дадут ногой под зад, то я тут же примчусь в отчий дом, как ветер.

Тадэуш.

Как бы мне сейчас не было тяжело, но я осознавал, что один неверный шаг и я бы мог навсегда потерять своего близкого человека, который стал для меня всем миром. После потери моих родных, Марика вдохнула в мое пустое, измученное сердце новую жизнь, полную детского задора и приключений, и теперь, я не при каких обстоятельствах не могу добровольно отказаться от нее.

«Если я не пущу Марику в замок, то вампир может реализовать свои угрозы и убить всех, тогда она будет для меня потерянна навсегда, так как возненавидит меня за то, что допустил этой ситуации, и не поверил ей на слово. А если отпущу ее, тогда что? Она может попасться в ловушку упыря, из которой, живой – не выбраться. Так или иначе, но оба варианта не помогут устранить угрозу. Возможен еще и третий путь – это уничтожить вампиров раз и навсегда. Но как это сделать? Можно ли, их убить? Дед Микулэ был прав, я недостаточно силен и многого не понимаю и не знаю. А вдруг, книга старого лекаря поможет мне? Что, если в ней есть информация о том, как расправиться с вампиром? Надо обязательно прочесть ее и найти способ спасти свою подругу».

– Вот держи. – Маришка, протянула мне записку.

– Хорошо, я отдам ее твоим родным...

– Ну, все, мне пора бежать, пока мои не зашли и не спохватились. – Взволнованно прошептала подруга, застегивая на себе накидку.

Марика подошла ко мне в плотную и застенчиво обняла меня своими теплыми ручками. Я тоже крепко обнял ее, так что даже что – то хрустнуло.

– Мариш, ты же знаешь, что пешком ты не попадешь в замок в намеченное время. На чем ты туда поедешь?

– На лошади Штефана, только вот вся проблема в том, что Бура сейчас в стойле, а мои сородичи на дворе управляют. Мне нужно, как – то незаметно выкрасть ее.

– Ох, Маришка, вечно ты так. Тебе что, спокойно не живется? – Ласково улыбаясь, спросил я.

Девушка ответила мне своим удивленным и невинным взглядом, который умилял меня сильнее, чем новорожденные ягнята. Под ее наивным выражением лица никто не мог устоять, поэтому я так часто соглашался соучаствовать в ее проказах, не задумываясь о последствиях.

– А у тебя есть какая – нибудь идея на этот счет? – С надеждой, Маришка уставила на меня свои глаза.

Входные двери отварились со скрипом, и в светлицу вошел Штефан. В его руках были несколько деревянных кольев с острым наконечником.

– А ты куда собралась, красавица? – Хмуро посмотрел он в нашу сторону. – Надеюсь не в замок нежить?

– Штеф, ты должен меня выслушать и понять. – Растерянno проговорила девушка.

– Ничего не хочу слышать. Ты ни к какому упырю не пойдешь. Я смогу защитить тебя. – Раздраженно сказал Штефан, указывая взглядом на колья.

– О – о – о, Пресвятые мученики. – Вдохнула Марики, поднимая глаза к потолку. – Вы что все сговорились, что – ли?

– Я тебя никуда не отпущу. Коль придется, умру, костями лягу, но из дома тебя не выпущу. – Не выдержал Штефан и закричал. – Пусть только вампир появится здесь, я его сам убью, вгону ему эти колья по самые гланды...

Братец Марики не стеснялся в выражениях. Он грозно размахивал кольями перед нашими лицами, что мы уже начали жалеть упыря.

«Да, уж, ему не сладко придется, если попадется Штефану на глаза».

На крики, сбежались и все остальные и увидели, что Марики стоит в полной готовности: в верхней одежде, с поклажей за спиной, готовая двинуться в путь. Мать девушки с новой силой принялась причитать, бабка завyla и размахалась руками, а всегда, спокойный дед, нервно, стрелял по всем присутствующим, своими пьяными глазами. Марики, чуть не плакала от разочарования, что ее план побега накрылся. Я никогда еще не видел в ее взгляде, столько боли и страданий. Было заметно, что она разрывалась между двух огней. А в этом случае, между четырех, и вампиром в придачу. Мне стало жаль свою подругу, так как она смотрела на меня своими щенячьими глазами, в уголках, которых застыли искрящиеся капельки.

– Дэш, ты моя единственная надежда. Сделай что – нибудь! – Одними губами, проговорила Марики.

Я стоял, и был готов провалиться сквозь землю, глядя на весь этот балаган, особенно неприятно было знать, что самый близкий и дорогой человек ждет от тебя каких – нибудь действий. У меня подкосились ноги, и затрещала голова от такого напряжения. Не выдержав, я рванул за дверь, и в какой – то агонии, даже не осознавая, что сейчас делаю (словно, моим телом управлял кто – то другой), изо всех сил бросился в сторону загонов для скота. Из кармана штанов, я достал кремни, и поднес их к соломе, которая находилась в самом дальнем сарайчике во дворе и начал стучать ими друг о друга, высекая искру. Получилось поджечь солому, раза с пятнадцатого. Сухие соломинки быстро тлели, а я приложил трясущиеся ладони вокруг губ и стал потихоньку дуть. Когда, появились маленькие язычки пламени, ногой сдвинул костерок к большой куче соломы, она быстро воспламенилась, и уже огонь стал распространяться на деревянные потолочные балки и ветхие стены. Я бросился в дом и стал кричать, так громко, как только мог.

– Пожар! Пожар! Пожар!

Лица семейства Копаш застыли в ужасе, но когда увидели за оставленными мной, открытыми дверями густой белый дым, то поняли, что это не простой розыгрыш. Все в ужасе кинулись во двор. Штефан схватил деревянные ведра и так быстро, как только мог, таскал воду из колодца. Бабка, дед и мать Марики второпях поливали горящий сарайчик. На крики сбежались и соседи, которые тоже бросились тушить пожар. Повсюду распространилась паника: люди кричали и мчались сломя голову: от колодца к пожару и обратно, сбивая с ног, друг друга и кудахтающих кур. Из свинарника выскочили поросята, дополняя картину всеобщей суматохи. Поросячий визг заглушал даже крики взрослых людей. Все происходящее напоминало безумие: люди, животные, птицы, огонь, все смешалось в один сплошной кошмар.

– Чего же ты ждешь? Беги! – Шепотом сказал я стоящей в оцепенении Маришке.

Девушка перевела свой испуганный вид на меня, и поняла, кто являлся причиной пожара. Она схватила свою поклажу, подбежала ко мне и поцеловала в щеку.

– Спасибо, Дэш. – Прочитал я по ее губам.

Марики на присядках, пробежала вдоль забора и шмыгнула в конюшню, а я побежал в сторону кострища, которое грозило переползти на ближайший от него сарай с хлипкой, соломенной крышей. Я принял у Штефана ведро с водой и понес его к людям, пытающимся побороть огненную стихию. Передал тару рослому соседу, который поливал сарай. На мгнове-

ние я обернулся в сторону конюшни и увидел за забором, только лошадиную макушку с ушами, она быстро направлялась в противоположную от нас сторону. Мысленно, я молился, что бы лошадь, не увидала огня и не взбесилась или заржала, иначе наш план провалится и все поймут, что здесь происходит. Но, к моему счастью, Марика с Бурой уже скрылись за пределами дома, а ее родные были заняты тушением своего имущества, что даже никто не заметил отсутствия Маришки.

По двору летали черные легкие частицы пепла, разносимые осенним ветром. Они кружились и танцевали в воздухе, словно снежинки в зимнюю пору. Воздух наполнился горьким запахом жженой соломы, от которого слезились глаза. В моей памяти возникли картины из прошлого: Бухарест со своими погребальными кострами, в которых горели человеческие тела, и в тот же момент, к моему горлу подкатила тошнота.

После долгих усилий, соседний сарай удалось спасти, хоть он немного почернел, а вот тот, который я поджег, сгорел до основания, и на его месте, сейчас, стояло черное болото из воды пепла и грязи. Все люди, принимавшие участия в тушении пожара были перемазаны сажей, и сейчас, они пытались отловить поросят, которые с огромной прытью удирали от своих преследователей, не желая возвращаться в загон.

Я решил, что будет лучше вернуться в дом учителя, пока еще родные Марики не хватились ее. Поэтому, как только, последние языки пламени были потушены, я поспешил покинуть пепелище. По пути к дому, много размышлял и не мог простить себе или даже объяснить своих действий, что все же отпустил друга на страшную смерть, да еще и помог сбежать. Что мной руководило в тот момент? Может, жалобные глаза Маришки, просящие о помощи, или может, боязнь потерять ее доверие?

Когда я зашел в домик, то увидел деда Петру Микуле. Он бодро кружил над чаном, и помешивал, какое – то жутко смердящее зелье.

– Что вы варите? Что за жуткая вонь? – Спросил я, прикрывая нос рукавом.

– Это травяной отвар, мой мальчик. Да, и эта жуткая вонь, может спасти вам жизни. – Ответил он, бросив на меня взгляд. – А с тобой то что? Святые угодники!

– Пожар помогал тушить. А этот отвар, как нам может помочь? Да, и кому, это нам. – Удивился я.

– В состав зелья входят цветы вербены, которые могут отравить вампира. Конечно, упырь не умрет, но это должно надолго отбить у него аппетит. И если вы с Марикой выпьете его, то возможно, он вас не тронет. – Разводя руками, объяснил учитель.

– Что, нужно еще и выпить эту гадость? Надеюсь, что по вкусу зелье куда приятней, чем запах.

– Нет, по вкусу эликсир так же противен, но входящие в его состав травы, должны изменить вашу кровь, сделать ее ядовитой и невкусной для нежити.

– А нас это не убьет? – Недоверчиво спросил я.

– Нет, для человека эти травы не смертельны. Только бы успеть опоить Марику и всю ее семью к приходу вампира. – Задумчиво прошептал старик.

– Боюсь, что это не возможно.

– Как? Почему? – Удивился старичок.

– Марика сбежала, она уже, наверное, на полпути к замку. – Грустно ответил я.

– О, Господь Милосердный! – Вспрыснул руками лекарь. – Как ты мог допустить это, мой мальчик?

Я опустил свои глаза, сейчас, когда наставник упрекнул меня, я почувствовал себя виноватым еще больше, но не собирался сидеть, сложа руки и ждать новостей.

– Дед Микулэ, я хочу отправиться вслед за Марикой и спасти ее от рук этого чудовища, но для этого, мне нужна ваша книга. – Решительно сказал я.

– Мой мальчик, не болтай глупостей. – Испугано, сказал учитель. – Тем более что, этой ночью, ты сам будешь нуждаться в спасении.

– А что должно произойти этой ночью?

– Вампиры не отказываются от своих жертв, и раз она уже тебя укусила, то попробует снова приманить к себе. И так будет каждую ночь, пока не высосет тебя досуха, а как только ты испустишь дух, то она примется и за поиски следующей жертвы.

– Получается, что я обречен? Тогда мне все равно терять нечего, и я сделаю все, чтобы спасти Маришку.

– Тадэу, для тебя еще есть шанс на спасение, а вот для девочки... не думаю. – Сказал старичок, и с грустью посмотрел своими выцветшими глазами.

– Так, и какой же шанс есть у меня?

– Мы должны бороться со стригицей, пока раны на шее не затянутся. Как только укусы заживут, ее власть над тобой исчезнет, но сейчас ты находишься под ее влиянием, и ты слаб.

Эта новость была единственной приятной, за сегодняшний день. И если мне удастся, продержатся до полного выздоровления, то я вновь верну свое прежнее состояние самостоятельно мыслить, и смогу разузнаю больше о вампирах. И тогда, смогу спасти свою подругу.

«Только бы она к этому моменту была жива».

Аурел.

Я стоял в тени деревьев, в той части леса, которая разделяла деревню и замок Бран. Днем мне нечего было опасаться нечисти, так как она обретала силу только с заходом солнца, поэтому я устроил засаду именно здесь, где деревья еще не так густо росли. Мне открывался хороший обзор, а деревня была как на ладони. Пару раз я слышал, как трещали сучья под лапами животных, но больше ничего сверхъестественного не происходило. Птицы щебетали и распевали, знакомые моему слуху мелодии. Надо мной шелестели пожелтевшие листья, их ветер ласково качал из стороны в сторону.

В моей душе пылал пожар ярости и гнева от того, что меня вновь лишили мечты. «Я был так близок к победе, но этот упырь встал между нами. Чертова девчонка. Опять, из-за ее дурацких выходок, все планы пошли насмарку. Если бы она вчера не сглупила и обручилась со мной, то все бы было замечательно. Ее семья получила бы знатного зятя, а я бы получил ее тело, о котором так долго грезил. Теперь же, этой идиотке предстоит стать сосудом с кровью для вампира и возможно, до утра, она будет уже мертва. Черт! Ведь я могу больше ее не увидеть. Но, хуже всего никогда не узнать какова эта дикарка в постели, ведь мое желание проникнуть в святая святых Марики, превосходило даже чувство самосохранения».

Оперевшись о корявый ствол одной из сосен, я гонял по рту колосок. Сидеть на прохладной земле было не уютно, да и спина уже начала побаливать, но свой пост я не решил покинуть. Бросив, пристальный взгляд в сторону деревни, заметил клубившийся дым. Приглядевшись по-внимательней, я увидел, что в мою сторону стремительно направляется всадник на знакомой мне лошади. Это же была Бура – лошадь Штефана, он часто ездил на ней. К сожалению, всадника смог разглядеть только вблизи, так как накидка с капюшоном скрывала внешность наездника. Это была всадница. Ее – то я и ждал. Значит, мои подсчеты оказались верны, и эта дурочка, все же решилась на спасение своего никчемного семейства.

Я подскочил с места, как ужаленный. Затем, вышел из-за деревьев и развел руки в сторону, преградив путь Марике. Лошадь замедлила движения и встала на дыбы. Еще бы чуть – чуть и Марика бы свалилась с животного, но все же, ей удалось удержаться в седле. Бура в недоумении вертелась на месте, перебирая ногами.

– Стой! Стой! – Говорил я, пытаясь успокоить животное.

Наконец, та успокоилась и остановилась, а я тем временем стянул брыкающуюся наездницу со спины лошади.

– Аурел? – Удивленно спросила девушка. – Аурел не сейчас, я очень тороплюсь.

Я обхватил Марику сзади одной рукой, а другой, прикрыл ей рот и потянул к густым зарослям кустарников. Моя добыча попыталась вырваться, но я сжал ее еще сильнее, лишив ее возможности и последнего воздуха. Марика пыталась, что – то прокричать, тогда я, шепнул ей на ушко.

– Тише. Ты же не хочешь, чтобы нас кто – то услышал? Как ты помнишь, но вчера, ты должна была стать моей невестой, и все бы у нас было замечательно. Но ты, тупая идиотка, попала в зубы упырю. – Яростно выкрикнул я, последнюю фразу. – Что он делал с тобой, этот мертвый урод? Он только укусил тебя или ему нужно было от тебя, что – нибудь поинтереснее?

Я проникнул под ее сорочку и нащупав упругую обнаженную грудь, сжал ее, теряя контроль от желания.

Маришка, только взвизгнула, но кричать даже не пыталась.

– Аурел, если я опоздаю, то вампир убьет всех. – Чуть не плача говорила она, прерывисто глотая воздух.

– Да, да, знаю. Но раз уже конец близок, почему бы не воспользоваться ситуацией и не взять то, что по праву принадлежит мне. Ведь ты считаешься моей собственностью, в тот момент, когда согласилась на брак. К тому же, если ты умрешь сегодня, то было бы глупо не воспользоваться такой возможностью. Как ты считаешь?

– Я считаю, что ты полный кретин. Какой же ты мерзкий, да я лучше умру от зубов вампира, чем позволю тебе прикоснуться ко мне. Ты просто чудовище. Я ненавижу тебя. – Кричала девушка.

– Заткнись! Никто со мной не смеет разговаривать так. – Встряхнул я ее.

– Я буду разговаривать с тобой так, как захочу! – Яростно шипела она. – Ты что думаешь, если ты мной воспользуешься, то я в тот же миг с тобой ласковой стану. Да вот хрен тебе! Это ты настоящий упырь, а вампир меня и пальцем не тронул. Даже могу признаться, что очень обрадовалась, когда тот меня укусил, так как этим он избавил меня от ненавистной мне участи, стать твоей рабыней. Да я лучше в логове с вампирами жить буду, чем с тобой под одной крышей.

– Это мы еще посмотрим, как ты запоешь, когда вампир попользует тебя и выкинет, как сломанную куклу.

– Да пусть лучше он, чем ты. В нем и то больше чести, чем в таком отморожке, как ты. Тебе же вообще наплевать на всех, кроме себя самого.

Я чувствовал, как во мне закипает гнев, как глаза наливаются кровью, а по венам расходит жар. Я не выдержал слов Марики, которые били по сердцу, словно плеть, и с силой ударил ее ладонью по щеке так, что девушка чуть не упала. Больше всего меня поразило то, что она не разрыдалась, как сделали бы другие курицы, а наоборот, смотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд изумрудных глаз прожигал меня насквозь. Я чувствовал в тот момент, что ее ненависть ко мне зашкаливает, и что она никогда больше не позволит приблизиться к себе. В ту же секунду, когда тишину пронзил звонкий шлепок, из леса появился огромный, грозный волк, с красными глазами. Он, без предупреждения ринулся на меня, обнажив все свои острые зубы, и вцепился ими в мою ногу, тем самым повалив на покрытую сухими листьями землю.

Все произошло очень быстро, что я не смог отреагировать и отбиться. Злобный хищник рвал мою плоть, и его острые зубы с силой сдавливали кость, желая раздробить ее, а я только и мог кричать, да махать руками. Боль затмевала все мои чувства, но в моей голове проносилась лишь одна мысль. «Только бы зверь не добрался до горла». Я должен был сделать хоть что – то для своего спасения, иначе умру, если не от хищника, так от потери крови. Я стал нервно рыскать руками по жухлой листве с целью, обнаружить какой нибудь камень или ветку, но под мягким ковром ничего не было. Внезапно, я почувствовал, что давление на мою истерзанную ногу ослабло. Волк так же внезапно исчез, как и появился. Я огляделся вокруг, но Марики давно уже и след простыл. Затем я посмотрел на свою ногу и чуть не потерял сознание, от уви-

денной раны. Вся нога была залита кровью, в тех местах, где волк прорвал ткань штанов, свисали лоскутами неровные края кожи. Под этим кровавым месивом выглядывали белые кости. Мне ничего не оставалось, как оторвать край своей рубашки, и, преодолевая адскую боль, перевязать изувеченную ногу. Хромая и опираясь на стволы деревьев, я поспешил в деревню за помощью, пока еще силы не покинули меня. Я понимал, что если потеряю сознания здесь, вблизи пролеска, то животные быстро учуют запах свежей крови, и тогда меня не спасет даже чудо. «Черт! И почему это происходит со мной? Эта девка проклята, что ли?»

Добравшись до ближайшего дома, я забарабанил в окно. Из дома вышел грузный мужик домнул Митичь. Увидев меня в таком состоянии, перепачканного собственной кровью, он поспешил на помощь. Одного из своих младших сыновей, он отправил к моей семье, а сам затащил меня в дом, уложил на топчан и принялся промывать рану. Как только на пороге domuла, появился мой дед и старший брат, мой организм не выдержал и я потерял сознание, проваливаясь в сладкую, обволакивающую безмятежность.

Закариус.

Казалось, что время сегодня тянется, целую бесконечность. Лучи солнца не торопились отползать за горы. Они освещали каменные стены замка, возвышающегося над лесом, мрачность которого пугала даже самых бесстрашных жителей Дземброни. Замковые, остроконечные шпили и башни, добавляли строгий и зловещий вид, дополняя все картину и распаяля фантазию всяких врунов и выдумщиков.

Я чувствовал, что солнце еще не село, и что еще не пора подниматься, но сегодня, что – то мне не спалось в гробу. Я был взволнован по поводу прибытия гостьи. Я переживал, что ей что – то может не понравиться или напугать. «Все должно быть на высшем уровне. Еще столько дел и еще множество поручений нужно раздать слугам. Еще, нужно приготовить комнату для девушки и еду, и купальню с маслами, и наряды. Маришка должна себя чувствовать здесь, как в раю». – Думал я про себя. У меня даже не возникало мысли, что она не может не появиться на пороге замка, так как эта девчонка была очень привязана к своей семье и к тому же, она склона к самопожертвованию.

С нашей последней встречи эта девочка не выходила у меня из головы. Ее кровь, словно бодрящий сладкий нектар, который так приятно согревал изнутри и придавал силы. К счастью для меня и нее, я смог вовремя остановиться на нескольких глотках этой божественной жидкости, не причинив ей вреда. Возобновив воспоминания о ней, мне вновь захотелось прижаться к ее телу и почувствовать тепло и возбуждающий аромат ее кожи, и вкусить ее пьянящей крови. Эта юная, красивенькая девчушка казалась мне величайшей загадкой, которую страстно хочется разгадать. Конечно, она не много груба, не образованна и слишком уж проста в своей прямолинейности, но, не смотря на эти ее недостатки, в ней было что – то (но пока я не в силах объяснить, что именно). Она импонировала мне на уровне инстинктов, то есть меня все в ней притягивало: от улыбки до ее манеры болтать глупости. Ранее, я был ценителем умных представительниц прекрасного пола, глупые же женщины, вызывали во мне пренебрежительные чувства, но вот ветреность, любознательность и детская наивность Марики забавляла, и даже, влекла меня к себе своей природной таинственностью. Я с трудом мог представить, как такие отрицательные черты характера, как грубость, непослушание, ветреность и тд. (этот список можно продолжать до бесконечности), могут сочетаться с ангельской красотой очаровательной и трогательной человеческой девчонки.

Мне вновь захотелось увидеть ее доброе и красивое лицо при свете солнца, ведь все равно уже не усну, так как до захода оставались считанные часы,

Я напряг свою силу мыслей, и попытался отыскать ближайшее к деревне животное. Этим животным оказался волк, и я плавно проник в его разум, и мысленно, приказал ему следовать к людским жилищам, а сам смотрел на мир его глазами. Когда я, в теле волка, нашел протоптанную охотниками дорожку, то пустился рысью, подгоняемый холодным осенним вет-

ром. У края леса, острым волчьим слухом я услышал знакомый звонкий голос. Из услышанных мною фраз, понял, что происходит, что – то очень неприятное, так как, кроме гневных высказываний Марики, я услышал еще один голос, принадлежащий разозленному мужчине.

– Заткнись! Никто со мной не смеет разговаривать так! – Кричал мужчина.

– Я буду разговаривать с тобой так, как захочу! – Зло отвечала девушка. – Ты что думаешь, если ты мной воспользуешься, то я в тот же миг с тобой ласковой стану? Да вот хрен тебе! Это ты настоящий упырь, а вампир меня и пальцем не тронул. Даже могу признаться, что очень обрадовалась, когда тот меня укусил, так как этим он избавил меня от ненавистной мне участи, стать твоей рабыней. Да я лучше в логове с вампирами жить буду, чем с тобой под одной крышей.

Меня слово ударило молнией, гнев стал расходиться волнами по телу волка, где сейчас находилось мое сознание, мускулы напряглись до предела, шерсть встала дыбом, а глаза наполнились красной яростью. Я почувствовал, что Марике угрожает реальная опасность, и что волей судеб, я оказался по – близости. Подчиненный моей воле волк бежал быстрее ветра к тому месту, от которого доносились голоса.

– Это мы еще посмотрим, как ты запоешь, когда вампир попользует тебя и выкинет, как сломанную куклу. – Не унимался мужской голос.

– Да пусть лучше он, чем ты. В нем и то больше чести, чем в таком отморожке, как ты. Тебе же вообще наплевать на всех, кроме себя самого.

После слов Марики, я услышал громкий, звонкий шлепок. Глухая ярость затмила все вокруг, когда я оказался на месте и увидел красный отпечаток ладони на прекрасном лице девушки. Все случилось как в тумане. Я не осознавал, что делал, но у меня было лишь одно желание – растерзать этого поддонка, который посмел притронуться к беззащитной девушке, да еще и причинить ей боль. Я рвал кожу мужчины волчьими зубами и жалел, что сейчас находился не в своем теле, иначе от этого мерзавца не нашли бы и кусочка. Я чувствовал, как его кровь заполняет пасть и льется прямо в горло. Ее солено – железистый привкус дурманил мне рассудок, ведь мое тело вампира, которое находилось сейчас в гробу, было истощено голодом, так как я потратил большую часть своей силы, когда подчинил сознание хищника.

Глазами волка, я увидел перепуганное лицо девушки и мысленно приказал ей бежать в замок. Тогда Марика, стала вертеться по сторонам, затем резко двинулась в сторону лошади, которая нервно фыркала, примерно в ста метрах от нас. Как только я услышал успокаивающий голос девушки, обращенный к лошади и частый топот копыт в сторону гущи леса, то разжал волчью пасть и отпустил ногу подонка, и быстро побежал вслед за Марикой.

Когда, я вернул сознание в свое тело, то не стал медлить и поднялся из гроба раньше положенного срока. В моей спальне не было ни одного луча света, так как слуги занавешивали все окна плотными портьерами, и я мог свободно перемещаться по своим покоям. Сейчас я был очень взволнован и возбужден, так как чувствовал кровь на своем языке, но насыщения это мне не приносило. Ко всем моим переживаниям добавился еще и голод.

Как только последний лучик солнца скрылся за горами и окрасил небо в оранжево – лиловые цвета, я распахнул двери своих покоев, сбежал вниз по каменной лестнице и направился в гостиную, где слуги уже кружили над своими обязанностями, как пчелы над цветком.

– Филимон? – Позвал я одного из домовых.

– Слухаю, хозяин. – Послышался, тонкий и хрипловатый голосок под ногами.

Маленький лохматый мужичек, возник из неоткуда, прямо, перед носками моих сапог.

– Филимон, я уже говорил, что к нам сегодня пожалует гостья, и я надеюсь, что замок уже готов к ее приезду.

– Так тошно, хозяин. Все уже готово: покои для барышни, купальня, воду уже поставили, царска одежда. Все в точности, как вы велели.

– Это хорошо. Филимон, еще распорядись садовнику, чтобы тот нарезал самых красивых и душистых цветов, я думаю, что девушке будет приятно, если повсюду будут цветы.

– Так тошно хозяин. Может еще распорядиться, чтоб барышню встретили? – Спросил задумчиво домовый.

– Нет, не надо. Я сам встречу ее. А ужин уже готов для гостьи?

Мужичок закивал своей лохматой головой так, что его бороденка подмела пол перед его маленькими ножками.

– Ты пробовал? Ну и как это вкусно?

– Обижаете, хозяин. – Ответил домовый и показал мне свой кулачек с выставленным вверх большим пальцем.

Настроение понемногу, начало возвращаться в привычное русло, но только одна картина не давала мне покоя – красивое лицо девушки выражающее ненависть и красный отпечаток ладони на ее щеке. Мысленно я пообещал, что найду и уничтожу того негодяя, который посмел причинить Маришке боль.

– Что – то ты сегодня очень рано встал братец. – Услышал я журчащий голос за спиной. – Как я погляжу, ты основательно подготовился к встрече с этой деревенщиной.

– Лучия, перестань, ты мне обещала, что не тронешь ее. – Отчитал я свою сестру.

– Вот именно, я обещала, что не трону ее, но не помню, чтобы обещала не остричь в ее присутствии. Только не надо мне читать мораль, я этого не переношу, к тому же я очень голодна. Филимон, где эта идиотка Мадоллина?

– Лучия, веди себя согласно своему статусу. Ты ведь княжна, а не трущобная девка. – Громко отрезал я.

– Перестань меня воспитывать – это не вышло даже у отца. И мне это уже порядком надоело. – Надменно пролепетала сестра.

– Мадоллина в своих покоях, хозяйка. – Просипел тонкий голосок домового.

Я очень любил свою младшую сестру, но ее отвратительный характер препятствовал нашему с ней взаимопониманию. С ней довольно часто было нелегко. Лучия с младенчества привыкла к роскоши и, что любой ее каприз исполнялся в туже секунду. Иногда ей было очень трудно объяснить, что не все ее желания или прихоти идут ей на пользу. Любые советы и разговоры, она пропускала мимо ушей, как не нужную информацию. Если бы мама была жива, то она бы приучала бы Лучию к высоким искусствам: поэзии, музыки, хорошим манерам. Но наш отец не считал, что занятия по музицированию или поэзии необходимы его дочери (хотя меня, заставлял учить разные языки). Он твердил, что после замужества у Лучии на это будет целая вечность, поэтому, при любой возможности, баловал свою любимицу, потакал ее капризам и не видел в этом ничего ужасного. А когда сестренка подросла, то начала вить веревки из всех, кто ее окружал. К тому, что она научилась добиваться своего, в ее характере стали проявляться такие черты, как жестокость, кровожадность и признание ко всем. Единственное существо, которое она еще способна любить это я – родной брат. Пока я еще могу сдерживать нрав своей сестренки, манипулируя ее любовью ко мне, но иногда, сделать это бывает очень сложным, и я опасаюсь, того, что она может выйти из-под моего контроля.

Я почувствовал запах крови, доносившийся из покоев Мадоллины, и поспешил на трапезу, к тому же, нужно проследить за Лучией и вовремя остановить, иначе, она высосет слишком много крови, тем самым причинив вред нашей жертве.

Я поднялся в комнату Мадоллины, которую хорошо освещали три золотых подсвечника с дюжиной горящих свечей, затем подошел к резной кровати завешенной балдахин. На подушках лежала девушка, она стонала от сладостной истомы, погруженная в сон. Лучия лежала с краю от нее, склонившись над шеей девушки, и жадно слизывала рубиновую жидкость. Запах крови пропитал собою все помещение и будоражил мое сознание. Я был не в силах сопротивляться своему голоду и подсел с другой стороны на кровать, и склонился над жерт-

вой, погрузив свои клыки в шейную артерию, из которой в мой рот, струей начала поступать горячая, пульсирующая кровь. Этот жизненно важный эликсир возбуждал и расслаблял, он обострял все мои чувства. В какой – то момент, как и всегда, я ощутил слабость в теле жертвы, и отстранился от нее, хотя это было немного сложно, так как мой вампирский голод был утолен всего лишь на половину, но этого было в полнее достаточно, что бы выжить до следующей кормежки.

После ужина, я отправился встречать гостью, а Лучия побрела в лес. Я стал у ворот замка при всем своем очаровании: в элегантной одежде, пошитой по последней европейской моде, высоких сапогах, начищенных до блеска и в черном плаще с высоким воротником – стоечкой. На моих длинных пальцах, красовались фамильные перстни, а на моей шее был медальон с изображением дракона – герб семьи Цепешь.

Теперь, когда я был на половину сыт, я мог не опасаться, что накинусь на девушку голодным волком и загрызу ее.

Маришка.

Лошадь упорно поднимала меня к вершине гор, где возвышался княжеский замок. Дорога была крутой и каменистой, и по мере подъема становилась более опасной. Солнце стремительно шло на убыль, а синее небо окрасилось в фиолетовый цвет. Я торопила лошадь и молилась про себя, чтобы высшие силы замедлили закат и не допустили, что бы моего опоздания к назначенному сроку. Мои молитвы были услышаны, так как через некоторое время моему взору открылся черный силуэт замка на фоне уходящего дня. Высокие шпили его башен, казалось, упираются в самое небо, придавая древнему сооружению величие и мрачность, вызывая у наблюдателя чувство страха. От его зловещего вида, по моей спине пробежал холодок, а когда я подъехала еще ближе, то была шокирована его гигантскими размерами. Даже, сидя верхом на лошади, я почувствовала себя маленькой частицей пыли, летающей перед огромным великаном. Его вид настораживал и завораживал своей мистической красотой. Повсюду, на каждом выступе и выемке замкового фасада красовались ужасающие каменные фигуры горгулий. Их жуткие лица зарождали в душе страх и заставляли волосы на теле шевелиться. Эти каменные изваяния были точно живые, и казалось, что их застывшие глаза наблюдают за мной отовсюду и выжидают момент, чтобы раскрыть свои крылья и напасть. От такой пугающей картины, мое тело покрылось гусиной кожей, и я отвлеченная созерцанием каменных чудовищ, не заметила препятствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.